

18+

Лааль Джандосова

Volume II

Mais chère sœur nous allons nous réunir à l'avenir

АРВЕАРТ

Верона и Лээст. Том II

Лааль Джандосова

Арвеарт. Верона и Лээст. Том II

«Издательские решения»

Джандосова Л.

Арвеарт. Верона и Лээст. Том II / Л. Джандосова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835318-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.У**
Вероны — студентки медицинской Академии «Коаскиерс» — удивительные способности, которые усиливаются с каждым днём, но в жизни её, напротив, возникает всё больше проблем. Пытаясь разобраться с ними, юная героиня окончательно запутывается в реальностях. Сможет ли она спасти тех, кого любит, зная, что уготовано им в будущем? Сможет ли пожертвовать настоящим ради того, кто ждёт её в прошлом? В Арвеарте ни в чём нельзя быть уверенным, поскольку всё, что там происходит, скорее всего — иллюзия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835318-5

© Джандосова Л.
© Издательские решения

Содержание

АВГУСТОВСКИЕ ХРОНИКИ	6
Том II	7
Часть пятая	8
XXVI	8
XXVII	25
XXVIII	44
XXIX	59
XXX	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Арвеарт
Верона и Лээст. Том II
Лааль Джандосова

© Лааль Джандосова, 2017

ISBN 978-5-4483-5318-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВГУСТОВСКИЕ ХРОНИКИ

Том II

Часть пятая

XXVI

Утром Верона проснулась от громкого крика чаек и некоторое время пыталась сориентироваться: «Когда я вчера уснула? Я занималась с Марвенсенем, а потом я открыла шампанское... И я вроде звонила Лаарту? И о чём я с ним разговаривала? Почему я не помню этого?» Ответа пока что не было – одни лишь предположения. С мыслью о деквиантере – точнее, о тех сообщениях, что могли быть отправлены Лээстом, она подняла подушку, затем проверила джинсы, посмотрела на стол, на полки, на будильник, чьи стрелки указывали на половину одиннадцатого и прошептала в растерянности:

– О боже, мой Volume Двенадцатый...

Папка на полке отсутствовала. Её место теперь занимали две упаковки «*Boга*». Верона взяла себе пачку, затем подошла к подоконнику и с ужасом констатировала, что *Zippo* тоже отсутствует. Вместо *Zippo* там были спички, *Movado*, вновь заработавшие, иридиевые карточки, хрупкая веточка вереска и хрустальная ваза с розами.

Лаарт тоже проснулся где-то в начале одиннадцатого и сразу связался с Кридартом – в силу возникшей паники по причине провала в памяти. Кридарт проинформировал об отпуске, об аварии, об амнезиях от выпивки или – может быть – не от выпивки, и о том, что Кеата с Ладарой находятся в санатории.

– Понятно, – сказал Трартесверн. – И сколько мы вчера выпили?

– Нисколько, – ответил Лэнар. – Насколько я понимаю, ночью вы были дома, как и вечером, соответственно.

– Меня сейчас лечит кто-нибудь?

– Нет, – сообщил помощник. – Но мы над этим работаем.

– Конкретней! – потребовал Лаарт. – «Мы» – это кто?! Ты и Зуннерт?!

Лэнар, слегка стусевавшись, ответил: «Ну да. Мы пытаемся... Но мы ещё точно не выяснили, кто тут у нас, во Вретгреене, занимается амнезиями...»

– Выясняй! – приказал ему Лаарт. – Не могу же я жить таким образом!

Верона, сходя в душевую, вернулась обратно в комнату, расчесалась, надела форму, сложила в рюкзак учебники и отправилась на занятия – с устоявшимся ощущением, что что-то с ней не в порядке – тревожащим ощущением, что с каждой минутой усиливалось. Дойдя до «саматургии», она постучалась к Акройду, заглянула и обнаружила, что в классе – факультативные, судя по тем студентам, что тихо сидели за партами. Акройд сказал: «Секундочку!» – вышел к своей пятикурснице, и, глядя в лицо её – бледное, в глаза – скорее потерянные, подумал: «Я не уверен, что это себя оправдывает. Кератомия – крайность, жестокая и бессмысленная. Лээст был вправде, видимо, не сообщать ей главного, что она и Элиза – сёстры, но раз уж всё это выяснилось, день-другой и Верона привыкла бы, ощутила себя в новом качестве. И это бы моментально изменило её положение. Быть Эртебрану родственницей, пусть даже по линии матери, это в глазах арвеартцев придало бы ей столько значимости, сколько пока не снилось никому из альтернативщиков...»

– Мисс Блэкуотер, – сказал он мягко, – сегодня у нас суббота. Приношу свои извинения.

Верона, подумав с ужасом: «Тридцать часов, не меньше!» – поздравила его с дочерью, затем спросила об имени и, услышав: «Исида, видимо, по предложению Лээста», – согласилась, что имя – прекрасное, и простилась с профессором книксеном. Когда он исчез за дверью, она постучалась к проректору – в «квантовую биохимию». Кабинет ей открыл не Лээст, а главный

хакер Коаскиерса. После обмена приветствиями – достаточно официальными и, в понимании Лиргерта, – безусловно необходимыми, он произнёс, краснея:

– Рэана Блэкуотер, простите, но экдор Эртебран отсутствует. Он сейчас в Игеварте, на встрече с одним из сенаторов. Выехал после завтрака. Вероятно, появится к ужину. Я его замещаю, провожу здесь факультативные, по его же распоряжению.

Узнав, что проректор в столице, Верона едва не расплакалась. Сам Лиргерт подумал: «Зря он так. Амнезия здесь – не спасение. Она всё равно догадается. Несколько дней, неделя и снова случится что-нибудь. Это – гидра; здесь перерубишь, в другом месте появится заново».

Когда он вернулся к студентам, Верона прошла к подоконнику с пышно цветущей азалией и стала анализировать: «Все они в курсе случившегося – и Акройд, и этот Свардагерн. Что про него рассказывают? Балл – восемьсот тринадцать, близких друзей не имеется. Считается главным компьютерщиком. Что из этого следует? Он владеет всей информацией. Но он – не Джош и не Марвенсен, из него и слова не вытянешь. И почему он нервничает? У Лээста встреча с сенатором. Надеюсь, не с Дизервенном. Теперь позвонить не получится. Хотя, впрочем, можно попробовать...»

Сам Лээст в эти минуты и впрямь пребывал в столице – в компании Триверана, с которым был связан пожизненно – и дружескими отношениями, и – помимо того – даже родственными. Дорверы имели встречу в триверановской резиденции, на последнем – приватном – уровне «Акцетара» – большой гостиницы, и пили вино на лоджии, обсуждая то положение, в котором экдор сенатор оказался с недавнего времени. Триверан сообщил Эртебрану о нескольких покушениях и закончил с мрачной уверенностью:

– Они точно меня ликвидируют до октябрьских перевыборов.

– Нет! – возразил проректор. – У нас там студенты рассчитывали прогрессии на сенаторов и ты как раз попадаешь в число переизбранных заново!

– Даже так?! – Триверан рассмеялся. – Прогрессии не прогрессии, но хочу довести до сведения, что ты – мой наследник, единственный!

– Нет, – сказал Эртебран. – Я отказываюсь.

– Поздно, – сказал сенатор. – Бумаги уже подписаны.

– Женись, – посоветовал Лээст, – и проблема будет исчерпана.

Триверан закурил, посмеиваясь, и ответил с долей иронии:

– Я однолюб, по сути. Найди мне вторую такую же и тогда я женюсь сегодня же. Ты ведь знаешь моё отношение.

– Знаю – вздохнул проректор, и, попросив себе *Treasurer*, вытащил *Zippo* Лаарта, на что Триверан заметил:

– Любопытная зажигалочка. Чей-то подарок, видимо?

– Да – сказал Лээст, – от девушки, которая, в свою очередь, станет моей наследницей, – и, поскольку сенатор, шокированный, воскликнул: «Вот это новости!» – добавил с присущей твёрдостью: – Остальное не обсуждается.

* * *

Решив не ходить к Маклохлану, Верона, в глубоких раздумиях, добрела до гостиной комнаты, отведённой для первокурсников, затем подошла к деквиантеру, вызвала номер проректора из списка «Администрация» и, услышав знакомое: «Слушаю!» – поздоровалась тихим голосом.

– Здравствуй! – сказал проректор, отходя от стола с закусками, под пристальный взгляд сенатора. – Здравствуй, моя драгоценная! Прости, что я не в Коаскиерсе! Как твоё самочувствие?!

– Как обычно, – сказала Верона.

– Ты в курсе, что я в Игеварте? Ты сегодня ходила куда-нибудь?

– Сэр, я видела Лиргерта. У меня амнезия. Вы знаете?

– Знаю, – ответил Лээст, – и беру на себя ответственность.

Возникла долгая пауза – тяжёлая по характеру.

– Зачем? – прошептала Верона, первой прервав молчание.

– Ты хотела сбежать из-за Лаарта. У его супруги был выкидыш. И мы с тобой поругались.

Ты почему-то уверилась, что должна прекратить обучение. После этого ты сбежала и экдор Трартесверн разыскал тебя. Мы опять с тобой поругались. И тогда я принял решение...

Верона, чувствуя сердцем, что дело вовсе не в Лаарте, что Лээст скрывает что-то – что он с ней опять неискреннен, что он снова её обманывает, перебила его высказывание:

– Сэр, продолжать не стоит, раз вы сами пришли к тому выводу, что мне лучше не помнить этого.

– Да, – сказал Лээст. – Прости меня. И поверь мне, что это к лучшему.

– Я верю. А мой деквиантер?..

– Ты сама от него избавилась.

– И от папки «Volume Двенадцатый»?

– Да, – подтвердил проректор. – И я не остановил тебя.

– И теперь вы об этом жалеете?

– Нет, не жалею, малышка. Пора начинать «Тринадцатый».

– Мы сегодня с вами увидимся?

– Конечно! – ответил Лээст. – К семи выходи на пристань. Дальше ориентируемся.

Разговор их на этом закончился. Секунд пять или шесть примерно Верона, борясь с собой внутренне, порывалась связаться с Лаартом, понимая, что к этому часу он мог уже что-то выяснять, но лээстовская фраза: «...у его супруги был выкидыш...» – прозвучала в ней с прежней отчётливостью – буквально парализующей.

– Нет, я не должна, я не вправе... – сказала она с отчаянием и уже собиралась пройти к себе, но тут, на столе для почты, увидела свежий выпуск – вероятно, недавно доставленный, – газеты «Вечерний Вретгреен» – с собственной фотографией и с цветной фотографией Лаарта, смотрящего в круг объектива тяжёлым, холодным взглядом, не слишком-то ему свойственным.

Она побелела от ужаса – при мысли, что всё уже выяснилось и его теперь ждёт наказание – кератомия – тотальная, за связь с ней – с альтернативщицей. К её несказанной радости заметка под фотографиями информировала о следующем – что студентка пятого курса коаскиеровской Академии Верона Блэкуотер Авейро – иртарская альтернативщица, чей балл, по известной мерке, зашкаливает за тысячу, полдня находилась в розыске официального уровня и в конце концов была найдена и возвращена в Академию подключившимся к её поискам начальником отделения Департамента по охране Лаартом Трартесверном – кандидатом в вице-сенаторы на предстоящих выборах. Кроме этого сообщалось, что в розыске было задействовано первое подразделение местного отделения и лётные единицы из вретгреенской эскадрильи. В доказательство под заметкой размещалось фото Маклохлана, спускавшегося по трапу как раз на фоне Коаскиерса из эффектного аппарата – узкокрылого и обтекаемого. За спиной экдора Маклохлана виднелся отец проректора. Перечитав заметку, Верона вытерла слёзы, спустилась до первого уровня и затем собрала все выпуски, заглядывая в гостинные каждого курса в отдельности. Вернувшись к себе с газетами и припрятав их в ящик с «финансами», она облачилась в джинсы и трикотажную кофточку и взялась за письмо Блэкуотеру – с сильным желанием выговориться:

«Отец, почему Вы не пишете мне?»

Простите, что я упрекаю Вас, но Вы ведь, наверное, знаете, в какой я сейчас ситуации? Вы знаете, что я чувствую? По-моему, я запуталась. Нет, я не ищу оправдания. Возможно,

я просто испорчена. Сейчас в моей жизни двое – экдор Эртебран и Лаарт. И я знаю, что это – неправильно, и я из-за этого мучаюсь. Но то, что я к ним испытываю – я не могу это сравнить. Эктор Эртебран – это всё для меня, на уровне помешательства, а Лаарт – совсем другое. Я в него влюблена, понимаете? Но это пройдёт, я знаю. Мне иногда уже кажется, что в нём я вижу спасение от всей этой безысходности – в том, что касается Лээста... простите... экдора проректора. Он видит во мне кого-то, кем я не являюсь в действительности. Но это не самое страшное. Он считает, что я предназначена для Джона с его бриллиантами. Простите, что я говорю так. Джон для меня, разумеется, не какая-то там абстракция. Он тоже – часть моей жизни, но той, что касается прошлого – прошлого, а не будущего. Я не хочу делить его – не хочу делить своё будущее с тем, кто манипулирует моей памятью и сознанием.

Я очень завидую маме. Когда она с Вами встретилась и когда она Вас полюбила, то она была с Вами счастлива, и она живёт этим счастьем... она живёт своим прошлым. А я – в свои восемнадцать – обязана жить с той мыслью, что я просто кукла на ниточках... и была этой куклой с рождения.

Мне кажется, я уже выросла. Я осознала это. Сейчас я боюсь всё время. Отец, мне страшно за Лээста. Я чувствую постоянно, что что-то должно случиться, что-то самое страшное. Он к чему-то готовится... Но я говорю заранее – если это – то, что я думаю, то я уже не прощу себя. И Вас не прощу, и Джона. Вы знаете, что я сделаю. Моя жизнь на этом закончится.

Это по части темы о «неизменяемом будущем».

А что касается прошлого... оно тоже неизменно. Знаете, как я мечтала? Что однажды, когда Вы приедете, мы вдвоём пойдём к океану, и будем держаться за руки, и будем смотреть на волны... и будем смотреть на звезды... и Вы мне начнёте рассказывать: «Вот это – Кассиопея, а вот это – созвездие Лебедя...» А теперь это всё бессмысленно. Теперь я не знаю, какой Вы...

Если Вам сложно писать мне, то лучше не отвечайте. Главное, что Вы живы, остальное теряет значение. Может быть, нам не встречаться, пока это всё не закончится? Мне просто не хочется ставить Вас в неудобное положение.

*Обнимаю Вас,
Ваша Верона.
Да хранят Вас наши Создатели».*

* * *

Во второй половине первого к Вероне наведальась Джина – очень ярко покрашенная и сгоравшая от нетерпения обсудить последние новости. Впрочем через секунду, узнав от своей приятельницы о новой потере памяти, Джина воскликнула:

– Боже мой! Ты пропустила главное! Вчера тут были семёрки! Говорят, оцепили всё здание! Они кого-то разыскивали! Считается – Брюса Хардвее!

Какой-то другой информацией – критичной по содержанию, Джина не обладала, поскольку утром, до завтрака, проректор провёл ей суггестию.

Верона остановилась:

– Семёрки?! Какие именно?!

Джина пожалала плечами: «Понятия не имею! Лично я никого не заметила!» – и затем, лихорадочным шёпотом, сообщила, что ей приснилось, как Старший Куратор Коаскиерса появился в её «шестнадцатой» и спросил: «Ну что, дорогая, угостишь меня чаем с пряниками?» На этом сон обрывался, а утром Джина увидела пустые чашки с пакетиками и блюдца с чёрствыми крошками:

– Но я прибиралась на ночь! – сообщила она в заключение. – Вся посуда была на полке и пряники я не вытаскивала!

– Любопытно, – сказала Верона. – Ты сделала что-нибудь с чашками? Или ты их пока не трогала?

– Конечно! – уверила Джина. – Я к ним не прикасалась!

– Тогда проведём анализ.

– Какой?!

– Дактилоскопический.

– Но ведь надо же с чем-нибудь сравнивать! Вдруг там будут мои отпечатки?! Или твои?!

Или Марвенсена?!

Верона скептически хмыкнула:

– Ты себе представляешь, что такое дерматоглифика?

– Смутно! – призналась Джина.

– Объясняю, – сказала Верона. – Эртаонские отпечатки отличаются от человеческих.

Речь идёт о разнице в признаках группового характера. Узор гребешковой кожи на пальцевых фалангах может дать тебе всю информацию, начиная с антропологической, анатомо-физиологической и вдобавок – патологической. Этот узор образуется во внутриутробном развитии и должен у эртаонов достигать наивысшей сложности. Их рецепторная деятельность во всём превосходит нашу, а это уже указывает на иную степень тактильности и на иной рисунок в рефлексогенных зонах.

Джина, усвоив главное, – что анализ продемонстрирует, могла ли её посуда оказаться в руках Куратора, тут же спросила нервно:

– А кто нам даст разрешение?!

– Какое ещё «разрешение»?

– На работу в лаборатории! Пойдём попросим у Лээста!

– Экторд Эртебран в Игеварте. Пойдём попросим у ректора.

Решение было принято. Подруги покинули комнату и в оживлённой беседе добрались до первого уровня. У гостиной седьмого курса им встретились Лиргерт с Марвенсеном. Парни стояли под аркой и обсуждали сенаторов – Триверана и Дизервена, согласно отдельным репликам, что девушки уловили, когда спускались по лестнице. Пятикурсницы остановились.

– Лиргерт, – сказала Верона, – можно вас на секундочку? У нас к вам вопрос, технический, по части лаборатории.

Лиргерт, весьма польщённый, ответил: «Да! Разумеется!»

– Общайтесь, – сказал им Виргарт, – а я уже двину в столовую!

Джина – воодушевлённая – вдруг неожиданно выпалила:

– У Лиргерта, между прочим, отец возглавляет Центр надсистемных молекул, находящийся во Вретгреене! И есть ещё братья—физики, знаменитые изобретатели!

– Как-как?! – удивилась Верона. – Центр «надсистемных молекул»?!

Семикурсник вздохнул и поправил:

– Центр систем, надмолекулярных.

– А у братьев какая специфика?

– Физика твёрдого тела. Занимаются разными сплавами. Так что там с лабораторией?

Хотите что-то исследовать?

– Хотим, – подтвердила Верона. – Какие там есть спектрометры?

– Там есть рентгено-спектрометр, спектроскоп, резонатор – магнитный...

– Жуть! – испугалась Джина. – Я уже передумала!

– Неплохо, – сказала Верона. – А для изотопных анализов?

– Хромато-масс спектрометр. Что будете анализировать?

Джина вообразила, что Верона начнёт рассказывать о пряниках и чаепитиях, и от стыда зажмурилась, представляя, как Лиргерт выскажет: «Что вы себе позволяете?! Да как вы вообще посмели предположить подобное и осквернить тем самым Великих Дорверов Кураторов?!» Но, вопреки её страхам, чашка не профигурировала:

– Песок, не совсем обычный. Внеземного происхождения.

Сдержанный Лиргерт ахнул:

– Изотопный анализ породы внеземного происхождения?!

– Да, – сказала Верона. – Но меня уже информировали, что на опыты в лаборатории требуется разрешение ректора или проректора.

– Не волнуйтесь! – уверил Лиргерт. – Разрешением обеспечу! Подходите к лаборатории в три, в половину четвёртого...

Примерно в это же время Лаарт, проголодавшийся, решил прогуляться до «Якоря», и тоже узрел – случайно, в стандартном журнальном стенде, газету с двумя портретами – собственным – ненавистным ему – примерно трёхлетней давности, и портретом прекрасной девушки – юной, темноволосой, с сияющими глазами и угольными ресницами. Прошептав: «Святые Создатели...» – он быстро купил две копии и долгое время рассматривал фотографию альтернативщицы, а затем, поднабравшись смелости, ознакомился с текстом под снимками – на деле не содержащим чего-то компрометирующего, а, напротив, весьма хвалебным – и в адрес его отделения, и его самого непосредственного. Прочитав, он сказал: «Проклятье! Чёртов Кридарт! Скрыл, получается!» – вытащил деквиантер и как только Лэнар ответил, резко спросил:

– Ты выяснил?!

– Да! – сказал Кридарт. – Выяснил! В понедельник на консультацию к вам должны прийти из Коаскиерса! То есть вас придут консультировать...

– И кто же? – спросил Трартесверн. – Не Верона Блэкуотер, случаем?

– Да, – выдавил Лэнар, – вроде бы...

– Ну вот что, – сказал Трартесверн, – я тут пока пообедаю, а ты, к моему появлению, подготовься к отчёту по розыску. Какому, ты знаешь, я думаю. Мне нужно знать все подробности...

Кеата, жена Трартесверна, пребывавшая в санатории, решила позавтракать в номере, а не ходить в столовую. К девяти тридцати, после завтрака, она отвела Ладару в специальную детскую студию – на уроки по рисованию, и час провела на источниках, за водными процедурами, после чего направилась на консультацию к доктору, и поскольку пришла чуть раньше, то села в кресло у столика, в приёмной для ожидающих, и только тогда заметила газету с портретом Лаарта. Похолодев от ужаса и зачитав информацию, она какое-то время смотрела, в глубокой задумчивости, то на лицо Вероны, казавшееся искусственным – в своей красоте – невысказанной, то на лицо супруга – холодное и безучастное, и когда медсестра позвала её, сказала себе: «Я знаю... Лаарта с ней что-то связывает...»

Лаарт, дойдя до «Якоря», заказал «Шардоне» – бутылку, лёгкий салат и рыбу – судака под сметанным соусом. Затем он достал деквиантер, активировал файл на Верону, изучил его досконально, приходя в уме к тому выводу, что при её способностях – более чем выдающихся, и капиталах в банке, совершенно неудивительно, что для поисков было задействовано всё первое подразделение, после чего подумал: «Дело не в этом, естественно. Дело в том, по какой причине она находилась в бегстве и, если она сбежала, то почему не в Ирландию? Или дело в деньгах? Сомнительно. Согласно банковской сводке, финансовых операций, связанных с её счётом, пока не производилось. Бриллианты её не волнуют. Она бы их просто оставила, безо всякого сожаления. Здесь замешано что-то личное... Ну да ладно, гадать не будем. Посмотрим, что скажет Кридарт. Хотя интересно, конечно, исходя из его реакции. Я ведь спросил наудачу

и угадал, получается. Она придёт в понедельник. Я что, ей вчера пожаловался?! Поговорить бы с ней как-нибудь. Но в Коаскиерс ехать не хочется... там Таффаорд, и Акройд, и Эртебран тем более...» – размышляя в подобном роде, Лаарт, скорей механически, посмотрел на звонки – входящие, в посуточном списке вызовов, и, увидев, что им был принят звонок с неизвестной линии, произнёс: «Любопытно. Послушаем...»

– «Экдор Трартесверн, простите...»

– «Верона?! Ты где?!»

– «У „Якоря...“»

– «Ты не поговорила с ним?!»

– «Нет, мы поговорили! Вы ведь знали об этом?! Знали?!»»

– «Да, я знал, разумеется. Информация официальная, подтверждена анализом на генетическом уровне».

Длительное молчание.

– «Экдор Трартесверн, простите, вы не могли бы дать мне номер экдора Неварда?»

– «Мог бы... Одну секунду... Триста семь – девятнадцать – двадцать. Когда мы с тобой увидимся?»

– «Завтра?»

– «Попробуем завтра. В любом случае, позвони мне. Ближе к обеду, думаю. Главное уже выяснится».

Длительное молчание, им же самим и прерванное:

– «Сны могут предсказывать будущее?»

– «Да, мой экдор, конечно».

– «Верона, ты будешь счастлива...»

– «Нет, Лаарт...»

– «Я обещаю тебе. Я сделаю всё для этого».

Разговор на этом заканчивался.

* * *

Без пятнадцати три примерно Верона взяла песчинки и спустилась к Джине в «шестнадцатую». Джина, уже готовая, показала ей чашку – фарфоровую, разукрашенную пионами и заранее упакованную в прозрачный пакет для сэндвичей, после чего подруги поспешили в лабораторию. По дороге Джина спросила:

– Ты, надо думать, голодная? Не завтракала! Не обедала! Эвриерт уже беспокоится! Он попросил передать тебе, чтобы ты заглянула в столовую!

– Загляну, – согласилась Верона.

– Кстати, – сказала Джина, – я узнала от Марвенсена, что Брайтона задержали за кражу чужого имущества и теперь он сидит во Вретгреене в следственном изоляторе! Допрыгался, одним словом! Теперь его Трртаверн точно отсюда выдворит!

– Экдор Трартесверн! Запомни!

Джина не стала спорить:

– Ладно! Экдор Трртаверн, если тебе так хочется! И Виргарт ещё сказал мне, что он вчера был в Коаскиерсе. Он лично допрашивал Хардвеля, но тот, как обычно, выкрутился.

– Любопытно, – сказала Верона. – Надо будет узнать подробности. Какая у Хардвеля комната? Я к нему загляну при возможности.

Так – в разговорах о Брюсе и его контрабандной деятельности, они добрались до сектора, где жили преподаватели, и поднялись по лестнице до необходимого уровня. В огромной лаборатории, поделённой на разные секции, Джина сперва растерялась, а затем прошептала: «Боже мой! Надеюсь, меня отчислят! Подобного я не вынесу!...» Эти её высказывания относились к тем семикурсникам, что работали над дипломными. Вид всевозможных проек-

ций – с какими-то сложными формулами, с какими-то макрообъектами – породил в ней тихую панику, на что Верона спросила:

– А, кстати, скажи, пожалуйста, у кого ты специализируешься?

– У Марсо, – поделилась Джина, – но я до сих пор не уверена, что решение было правильным.

Тут к ним приблизился Лиргерт, ожидавший их с нетерпением, и провёл за собой к той секции, где находились спектрометры. Там, сообщив Вероне, что достаточно, для начала, анализа элементного, он спросил: «Где песчинки?! Показывайте! Надеюсь, что это не розыгрыш!» Песчинки, как оказалось, были совсем необычными – одинаковыми по цвету и круглыми, словно шарики – миллиметров до трёх в диаметре, на что Лиргерт сперва заметил, что присутствие окиси кремния не подлежит сомнению, а затем произнёс задумчиво:

– Но форма меня настораживает. Вряд ли происхождение можно считать естественным.

– Да, – согласилась Верона, – тем более что по весу кремния очень мало. Он – оболочка, наверно...

Лиргерт сказал «Проверим», – включил один из спектрометров, определил параметры, перенёс образец пинцетом в специальную микрокамеру и следом вывел проекцию с огромным увеличением. Элементный анализ выявил, что под оксидом кремния находится чистый рений и то, что происхождение не может являться искусственным. Лиргерт с Вероной – взволнованные, ударились в обсуждение, а Джина, вздохнув, подумала: «Рений, двуокись кремния... Ну и что здесь такого странного? Раз песок не с земли, а из космоса, то какая в принципе разница?»

Обсуждение длилось долго. Лиргерт подал идею переслать результаты анализа двум своим старшим братьям, сообщив, что они синтезируют порошки тугоплавких металлов и всё, что касается рения, имеет для них значение принципиального уровня. Идея была поддержана, но при этом Верона заметила:

– Результатов им будет мало. Им будет самим интересно провести другие анализы.

Лиргерт сказал: «Согласен!» – и занялся отправкой данных, перейдя в соседнюю секцию – дабы не демонстрировать наличие деквиантера перед второй пятикурсницей, а сама она, заскучавшая, поставила чашку с пионами на хромато-масс-спектрометр и обратилась к Вероне с вопросительным предложением:

– А вдруг эта чашка тоже внеземного происхождения?!

– А где ты их покупала?

– В Лондоне, прошлым летом!

– Ясно, – сказала Верона. – В таком случае – вне сомнения, – после чего добавила, что анализ конкретной чашки будет не элементом и что вряд ли удастся выяснить природу происхождения: – Мы просто сделаем снимок всей поверхности чашки в одном из таких режимов, где любые следы на фарфоре отразятся контрастным цветом.

Таким образом, чашка с пионами тоже прошла анализ достаточно сложного уровня и на дисплее возникла картина следов на поверхности. Отпечатки, кем-то оставленные, явно были – как и песчинки – «внеземного происхождения». Узоры являли собою исключительно тонкий рисунок из запутанных лабиринтов – однозначно нечеловеческих. Снимок был распечатан. Джина, едва не рыдающая, прижала к груди фотографию, причитая: «О нет, не может быть!» – а Верона, простившись с Лиргертом, первой направилась к выходу, поскольку в душе надеялась, что Генри успел ответить ей.

Лээст на ту минуту уже расстался с сенатором, покинул пределы города и ехал в южную сторону, продолжая думать о дочери, о словах её: «Папа, папочка...» – и о том, что его любовь к ней – совокупность его перверсий – и есть его преступление, за которое он расплачивается. «Попытайся я абстрагироваться, – размышлял он с понятным отчаянием, – то можно сказать, что подобное – парадокс, причём любопытнейший. Результат порождает причину, ведущую к результату. Следствие превращается в исходную компоненту. Не знай я этого следствия, всё

было бы по-другому, но теперь ничего не поделаешь... уже поздно на что-то надеяться... остаётся принять наказание...»

Трартесверн сидел в кабинете, слушал Лэнара Кридarta и ощущал растущую – глухую – тоску по несбыточному. Кридарт нервно рассказывал – о Вероне, о тех отношениях, что связали её и Лаарта, о смертельном заболевании, а сам он курил свои *Marlboro* и представлял себя умершим – представлял, как его кремируют, как выдают Кеате металлическую коробочку – стандартную, с его именем; представлял, как Ладара спрашивает: «А папа вернётся когда-нибудь?» – и думал: «Нет, я уеду. Я сейчас же уеду куда-нибудь. Настала пора расплачиваться. Иного я не заслуживаю...»

Через час, расставшись с помощником, он укрылся в своём внедорожнике, не зная, что делать дальше, не зная, куда податься, и просидел с четверть часа, в состоянии, близком к прострации, а затем достал деквиантер и перезвонил по номеру, с которого прошлой ночью ему позвонила девушка, которой он дал обещание, по сути – невыполнимое.

– «*Ваш абонент недоступен...*»

«Ну ладно, – подумал Лаарт. – Попрошаться, боюсь, не получится», – и, удалив ту запись, что была прослушана в «Якоре», поехал в сторону дома – по Кольцевой Приозёрной, с мыслью собрать свои вещи – взять только самое нужное и уехать прочь из Бретгренеа.

* * *

Письма от Блэкуотера не было. Верона взяла медвежонка, села на стул и задумалась: «Лаарт допрашивал Хардвее. Этот Хардвей каким-то образом оказался причастен к случившемуся. Значит я, исходя из этого, обратилась к нему за помощью, он меня спрятал где-то, а Лаарт с ним разобрался, но дело как раз не в Лаарте. Дело скорее в Лээсте. Он удалил мне память, забрал у меня деквиантер и забрал мой *Volume Двенадцатый*, потому что я что-то выяснила. Лаарт – предлог, не более. „Ты хотела сбежать из-за Лаарта. У его супруги был выкидыш. И мы с тобой поругались. Ты почему-то уверилась, что должна прекратить обучение. После этого ты сбежала и экдор Трартесверн разыскал тебя. Мы опять с тобой поругались. И тогда я принял решение...“ Значит, Лээст „принял решение“, и я согласилась? Безропотно? Нет, это крайне сомнительно. Надо спуститься к Брюсу, попытаться хоть что-нибудь выяснить. Или выяснить всё у Маклохлана? Нет, сейчас не та ситуация. Если он знает что-то, то знает только поверхностно... так же, как Акرويد и прочие. Лээст не допустил бы. Он сам их просуггестировал. А вдруг я успела как-нибудь оставить себе информацию?!» Сделав подобный вывод, Верона, с час или около, пыталась найти в своей комнате тайное сообщение, но усилия были тщетными. Без четверти пять – по будильнику – к ней постучался кто-то и послышался голос Лиргерта:

– Рэана Блэкуотер, простите, можно к вам на минуточку?!

За дверью, как сразу же выяснилось, Свардагерн был не единственным. Рядом с ним находился некто – лет тридцати примерно – почти эртаонской наружности, исключая веснушки – яркие, и короткие рыжие волосы.

– Акерт, – представил Лиргерт. – Мой брат. Захотел с вами встретиться.

Акерт, глаза которого наполнились восхищением, поклонился – в ответ на книксен, и смущённо сказал:

– Простите. Это с подачи Лиргерта. Он мне прислал результаты. Они впечатляют, естественно. Я мог бы у вас позаимствовать песчинок пятнадцать-двадцать для нашей лаборатории?

– Конечно, – кивнула Верона. – Прошу, проходите, пожалуйста...

Дорверы прошли в её комнату. Акерт, глазам которого предстала полка – стеллажная, с чайником и кофейником, замер от потрясения:

– О нет, – прошептал он, – Создатели... это же... родий, правильно? И риззгиррский хрусталь... естественный...

– Не знаю, – сказала Верона. – Все говорят, что искусственный.

Физик, слегка побледневший, испросил себе позволения, вплотную приблизился к полкам и пару минут, не меньше, изучал драгоценную утварь – прекрасную и сверкающую, а затем произнёс: «Рэана, поверьте специалисту. Этот хрусталь – натуральный. Просто мало кто в Арвеарте видел его в действительности и тем более занимался им...»

– Кофе? – спросила Верона. – Не хотите увидеть в действии?

Акерт, сказав: «С удовольствием!» – вытащил сигареты и снова спросил: «Вы позволите?»

Таким образом он и Верона закурили у подоконника, а Лиргерт был послан – с кофейником – за водой, в душевую для юношей. Воспользовавшись моментом, физик спросил:

– Простите, но ведь вам это всё подарено? Кто-то за вами ухаживает?

Возникла лёгкая пауза.

– Допустим, – сказала Верона, глядя на новые розы, возникшие с ночи в вазе, на этот раз – нежно-розовые, в бутонах, ещё нераскрывшихся.

– Не экдор Эртебран, случайно?

– Такое предположение должно на чем-то основываться.

– Да, – согласился Акерт. – Просто я имел удовольствие видеть вас в его обществе...

– Нельзя ли немного подробнее?

– Прошлой ночью, в «Серебряном Ягоре».

– Во сколько? – спросила Верона.

– Поздно, – ответил Акерт. – Уже после двух, я думаю. Мы как раз уходили с друзьями, когда вы себе что-то заказывали. Вы казались очень счастливыми. И экдор Эртебран в особенности.

– Мир тесен, – сказала Верона.

Акерт кивнул с согласием:

– Особенно во Вретгреене.

В это время вернулся Лиргерт и разговор закончился.

Когда Свардагерны простились с ней, Верона, взглянув на время, сказала себе: «Замечательно! Ночью мы были в „Ягоре“ и „казались очень счастливыми“! Это мы так „ругались“?! И что теперь получается? В два ночи мы были в „Ягоре“, затем мы вернулись в Коаскиерс и затем происходит инъекция. И Джона это устраивает! Зато меня не устраивает! „Выкидыш у супруги“ – это ещё не повод прекращать с ним все отношения!» С идеей такого рода она поспешила в гостиную – к настенному деквиантеру. Лаарт ответил сразу же:

– Да?! Говорите! Слушаю!

– Простите, что я беспокою вас...

Секунд пять или шесть – не меньше – они оба хранили молчание, боясь, что их разговора не происходит в действительности – более чем беспощадной к ним в их собственном понимании. Лаарт продолжил первым:

– Я пытался связаться с вами, но как-то не получается.

– Простите, – сказала Верона. – Сейчас я без деквиантера, но зато с амнезией... суточной. Вы читали «Вечерние Новости»?

– Только по той причине, что увидел там фотографии. Полагаю, нам нужно встретиться, если у вас получится.

– В восьми энкатерах от Замка. Там, где клифы, в южную сторону. Мы уже там встречались...

– Да, – сказал Лаарт, – вижу. Маршрут сохранился в памяти. Я имею в виду, в машине. Считайте, что я уже выехал.

* * *

Не сумев дозвониться до Лаарта – с целью проинформировать, что задержанный Джеймс Брайтон требует адвоката и грозитя покончить с жизнью, Зуннерт отправил начальнику короткое сообщение: *«Экдор, когда будет возможность, свяжитесь со мной, пожалуйста»*, – и хотел уже было лично заняться альтернативщиком, но тут на его дисплее высветилась информация, что к нему на аудиенцию просятся два первокурсника – Аримани и Томас Девидсон. «Провести! – сказал Зуннерт. – Немедленно!» – и уже через полминуты здоровался с Томасом за руку. Арверы, как сразу же выяснилось, пришли разузнать о Брайтоне и, услышав об «адвокате» и угрозах разного рода, включая самую главную, весело засмеялись и сообщили Карнеру, что Джимми просто блефует и что это в его характере.

– Так-так, – сказал Зуннерт, – ясно. И что вы мне посоветуете?

– Подержите для профилактики хотя бы до понедельника!

– Я, может, и подержал бы, но, согласно законодательству, мы не имеем права держать его больше суток, не проводя расследования на официальном уровне. А если начнётся расследование, то его уже могут отчислить с последующей депортацией. Я говорил с проректором. Он попросил отпустить его где-то в семь или восемь вечера.

– Жаль, – огорчился Томас.

– Да, – вздохнул Аримани, – наши надежды рухнули.

На этом встреча закончилась. Карнер сам проводил их до выхода, обнял на прощание Томаса, подчеркнув свою расположенность, и даже распорядился на предмет машины с водителем для доставки обратно в Коаскиерс.

Лээст, словно почувствовав, что дочь его – не в Академии, срочно связался с Лиргертом и минут через пять примерно смог получить информацию, что Верона, совсем недавно, согласно видеозаписи, вызвала из гостиной «того, кто участвовал в поисках», назначила ему встречу и уже покинула здание.

– Я даже могу сообщить вам, где конкретно они встречаются...

– Не надо! – прервал проректор. – Уничтожь эту запись немедленно!

Лиргерт сказал: «Разумеется», – а Лээст добавил сдержанно: «В эти их отношения никому из нас лучше не вмешиваться», – и тоже отправил Лаарту короткое сообщение:

– *«Ардор Трартесверн, пожалуйста, не обсуждайте с Вероной вопрос моей родственной связи с ней»*.

Заметив машину Лаарта, в тот момент уже припаркованную – на самом краю утёса – буквально в трёх футах от пропасти, Верона пошла на снижение и, приземлившись поблизости – примерно на том же уровне, параллельно линии берега, осталась сидеть на лавочке. Дверца машины открылась. Лаарт ступил на землю, закурил и направился к «Ястребу». Увидев его – небритым, нетрезвым, сильно ссутулившимся, Верона прижалась к мачте, закрыла глаза и заплакала. Трартесверн опустился рядом, тихо сказал: «Не плачьте», – кинул окурок в море, помолчал и добавил:

– Простите меня. Я не знаю, насколько мы связаны. Я не знаю, насколько я дорог вам, но я не могу вас обманывать. Я отказываюсь от лечения. Я приехал проститься с вами и сказать, что я сожалею. Мне жаль, что так получилось... что вы со мной познакомились...

Высказав ей всё это, он поднялся, шагнул из лодки и услышал: «Лаарт, пожалуйста...» Он замер, не оборачиваясь, и ответил, крепясь из последнего:

– Верона, не надо, прошу вас. Я считаю себя преступником. Иного я не заслуживаю. Я устал от всего, понимаете? Я не хочу больше мучиться.

– Не-е-е-т!.. – зарыдала Верона.

– Простите, – сказал Трартесверн. – Да хранят вас наши Создатели, – после чего, стремительно, с окрепшей в душе решимостью, сел в машину, включил её с пульта, рванул, повернул направо, проехал вперёд немного, резко остановился, дал задний ход на полной и осознал моментально, что в отражении зеркала возникла её фигурка – как раз между джипом и пропастью.

– Нет!!! – закричал он в ужасе.

Звук тормозов – скрежещущий – заполнил пространство – как внешнее, так и внутреннее. Джип продолжал движение – секундное... полусекундное... Лаарт крепко зажмурился, едва не теряя сознание. Верона тоже зажмурилась, ожидая того столкновения, что казалось уже неизбежным – в силу скорости и расстояния. Ещё протекла секунда. Внедорожник застыл – остановленный – в полуметре от края пропасти – эртаоном первого уровня. Трартесверна тряхнуло с силой. Он выскочил из машины, кинулся к заднему бамперу, схватил Верону, рванул на себя и, оттащив от края, с размаху дал ей пощёчину. От удара она упала. Лаарт – вспотевший, бледный, заорал: «Ты что?! Ненормальная?!» – потом протянул ей руку и, когда она встала на ноги, отвернулся в другую сторону. Верона, шагнув к машине, опустилась на землю – тёплую, у колеса – горячего, и закрыла лицо ладонями. Трартесверн прикурил от спички – кое-как, дрожащими пальцами, и, чуть-чуть успокоившись, тоже сел, со словами: «Не стоило... Моя жизнь того не стоила... Вы могли погибнуть, вы знаете?» Она ничего не ответила. Так потекли минуты. Лаарт курил – с наслаждением. Верона, убрав ладони, смотрела, как он затягивается, как отводит пальцами волосы, как смотрит куда-то в небо – чуть вытянув шею, прищурившись...

– Верона, простите, кто я для вас? – вдруг произнёс он голосом, в котором слышалось многое – от жёсткой самоиронии до робкой надежды на будущее – на то, что не всё потеряно, что есть, от чего отталкиваться. – Я ведь вроде женат, по-моему? Просто больной? Влюблённый? Другие характеристики?

– А они имеют значение?

– Да, – сказал Лаарт, – естественно. Всё имеет значение.

– Я бы вышла за вас сегодня же. Этого вам достаточно?

Трартесверн отбросил окурок и произнёс: «Достаточно», – после чего, поднявшись, протянул ей правую руку и, когда она встала – маленькая, со слезами в глазах – дрожащая, погладил её щёку пальцами и, видя её реакцию – ощущая её состояние, сказал:

– Возвращайся в Коаскиерс. У меня есть дела в отделении, а вечером мы созвонимся. Или лучше завтра, наверное...

* * *

Вернувшись обратно в Замок – к центральному входу Коаскиерса, Верона, оставив лодку, прошла через дверь – раскрывшуюся, и столкнулась в холле с шеф-поваром, в тот момент направлявшимся к ректору. После обмена поклонами, Эвриерт произнёс: «Вы знаете, ваш трюфель, рэа Блэкуотер, всё-таки был отравлен. Но любовью, а не печалью».

– Мой трюфель? Экдор, простите, какой из них непосредственно?

– Тот, – пояснил шеф-повар, – который вы попросили передать экдору проректору.

– То есть вчера?

– Вот именно!

В дело пошла суггестия:

– И при каких обстоятельствах?

Эвриерт объяснил в подробностях, в чём заключалась просьба и как она была выполнена.

– Понятно, – сказала Верона. – Спасибо, что вы напомнили мне.

Вернувшись обратно в комнату, она села за рисование – с мыслью, что ей не хочется идти и встречаться с Лээстом. «Он снова будет обманывать... будет что-то утаивать. Как он с этим

справляется? Почему он всё это делает? Но мне всё равно, по-моему. Он просто добьётся скоро, что я начну избегать его, и на этом всё и закончится... все наши отношения...» Тут в её дверь постучались – Джина, согласно просьбе: «Это я! Отвори, пожалуйста!» Верона впустила приятельницу. Её вид отражал волнение – глаза изумрудно посверкивали, щёки пылали малиновым и дышала она так часто, словно бежала по лестнице, вопреки обычной манере не слишком-то торопиться даже при необходимости.

– Что случилось? – спросила Верона. – У тебя, надо думать, новости?

– Да! – подтвердила Джина. – Новости есть и ужасные!

– Какие?

– Я заболела! У меня дистимия! Хроническая!

– Ах дистимия... А признаки?

Джина, с несчастным видом, начала загибать свои пальчики:

– Отсутствие аппетита, проблемы со сном... инсомния, повышенная утомляемость, очень сильно заниженная самооценка личности, постоянное чувство отчаяния, ипохондрия и нерешительность.

– Да, дистимия классическая.

– Видишь?! – воскликнула Джина. – В этом ужасном учебнике такие болезни описываются! Я его просмотрела и знаешь, что я обнаружила?! Что я всеми ими страдаю на самых различных стадиях!

– В каком конкретно учебнике?

– По классу «Психиатрии»!

– Да, – усмехнулась Верона, – в этом ты не единственная. А если бы ты просмотрела «Большой Медицинский Справочник»? Ты читала Джером Кей Джерома?

Взгляд Джини в это мгновение обратился к кофейнику с чайником и прочей сверкающей утвари:

– Боже, какая роскошь! Это всё – от проректора?!

– Нет, – сказала Верона. – От одного эртаона, который за мной ухаживает. И я сразу хочу сказать тебе – он не Старший Куратор Коаскиерса. Он – один из этих «тринадцати». Остальное не обсуждается.

Глаза у Джини расширились:

– Но как?! Но ведь это!.. Не может быть!

Верона, пожав плечами, взяла свою старую пудреницу и посмотрелась в зеркальце, а Джина, подумав: «Ладно. Не хочет, пусть не рассказывает. Всё равно это всё от Лээста, что бы она ни придумывала», – спросила, меняя тему:

– Ты собираешься ужинать? Или Терви уже накормил тебя?

– Нет, – сказала Верона. – Сейчас у меня свидание.

– С кем?

– Всё с ним же. С проректором.

Теперь усмехнулась Джина:

– А твой «один из тринадцати»... как он относится к этому?

– Не знаю, – сказала Верона. – Это меня не касается.

Джина невольно задумалась, силясь понять причину, по которой Верона так странно, с нескрываемым равнодушием, отзывалась теперь о Лээсте, но, не найдя объяснения, произнесла:

– Ну ладно. Тебе виднее, естественно.

Девушки вышли из комнаты и Джина, меняя тему, шёпотом сообщила, что повесила снимок в рамочку: «Он теперь над кроватью. Выглядит потрясающе...» В разговорах о Старшем Кураторе подруги спустились по лестнице и в коридоре расстались: одна поспешила в столовую, а вторая – в другую сторону, к центральному холлу Коаскиерса. В холле, взглянув на порт-

реты, она замерла – потрясённая. То, что пред ней предстало, повергло в её в смятение: слева от Эркадора обозначился её образ – в белоснежном лёгком арфеере и с золотой короной, украшающей её голову. При виде этой картины Верона – бледнея – стремительно, сначала попятилась в ужасе, затем развернулась резко и бросилась к выходу опростометью. Лээста ещё не было и «Ястреба» тоже не было. Добежав до ограды из мрамора, она замерла – дрожащая, перевела дыхание и глядя на волны – высокие, спросила себя: «Что он делает?! Как он прощает мне Лаарта?! Как он прощает мне Лээста?! Чего он сейчас добивается? Неужели он так меня любит, что смиряется с моим выбором? Или это теряет значение с учётом аспекта вечности?»

Когда через три минуты Лээст, сильно опаздывающий, наконец появился на пристани и тихо позвал, приблизившись: «Kiddy, прости, пожалуйста», – она – с созревшим решением сказать ему: «Всё закончено. Больше мы не встречаемся...» – повернулась к нему и ахнула, увидев, что он подстригся – по линию подбородка – так же коротко, как у Лаарта.

– Мой бог... – прошептала Верона.

Лээст с силой обнял её. Верона тихонько всхлипнула, понимая, что не сумеет, что никогда не сможет уйти от своей любви к нему – от глупой любви – бессмысленной, не имеющей оправдания – ни с учётом аспекта вечности, ни с учётом чего-то прочего. Лээст поднял её на руки, сел с ней в «Ястреб», взлетел над пристанью и, развернувшись к югу, полетел над границей берега. Солнце, ярко-оранжевое, приблизилось к горизонту. Море, уже потемневшее, сверкало закатными бликами; небо – спокойное, ясное – густело ультрамарином и потоки холодного воздуха текли над землёй, как реки – быстрые и невидимые. Верона, ещё подрагивая и продолжая всхлипывать, боясь говорить ему что-то, обнимала его, зажмурившись, а сам Эртебран, понимая, что этот полет с ней на «Ястребе» – один из его последних, жадно ловил глазами краски земли и неба, и тоже молчал – от бессилия – перед мраком, уже стусившимся – тем мраком, что поглотит его.

Скалы по правому краю вдруг отступили в сторону, образуя тихую бухту – абсолютно уединённую. Лээст пошёл на снижение и посадил свою лодку на влажный песок – в ракушках – испещрённый следами чаек – в вынесенных прибором зелёных прожилках водорослей.

– Посмотри, красота какая... – тихо сказал он Вероне. – Я сюда прилетал постоянно, когда учился в Коаскиерсе...

Она попыталась представить его – сидящим в такой же шляпке, в этом месте, где только небо, только скалы и только волны; где душа обретает спасение от извечного одиночества и где можно мечтать о будущем и видеть его изменяемым. Её сердце пронзила горечь – страшная – неземная – порождённая безысходностью – глухой безысходностью жизни, всё делающей по-своему, а совсем не так, как мечтается – горечь от осознания, что он прожил свою жизнь совсем не так, как хотелось бы; прожил её не востребуемым – как муж, как отец, как мужчина; без любви, что самое главное. Сам Лээст, тоже прочувствовав её мысли – её состояние – помрачнел и сказал:

– Не жалею меня.

Тем временем Джина Уайтстоун то курила на подоконнике, то пыталась читать учебники, то смотрела, не отрываясь, на отпечатки пальцев Эрвеартвеарона Четвёртого и пыталась себе представить, как так могло случиться, что он побывал в её комнате, и как так могло случиться, что это, в её восприятии, стало сном – едва уловимым, ускользавшим за грани реального, и как так могло случиться, что всё это происходит – происходит сейчас, в действительности. Затем, в один из моментов, она, уже не выдерживая, сняла этот снимок со стенки и прижалась к нему с поцелуями. Старший Куратор Коаскиерса, проникшись её ощущениями, трансгрессировал в её комнату и, оставаясь невидимым, пробыл там довольно долго – около часа примерно, чего не случилось ранее. Заметим, что Эркадором эта деятельность Куратора, или лучше сказать – самодеятельность, не была ни откомментирована, ни подвергнута осуждению, что озна-

чало многое – а именно то, что Терстдаран получает право решения вопросов частного толка по своему усмотрению без особых ограничений и какой-либо подотчётности.

* * *

Лээст расстался с Вероной примерно в начале одиннадцатого. Оставив её на пристани – со словами: «Слетаю к родителям, а ты загляни на кухню, возьми там каких-нибудь сэндвичей», – он снова поднялся в небо и улетел, не оглядываясь, а Верона направилась в комнату, волей-неволей задумавшись над внезапными переменами – над тем, что проректор подстригся, над тем, что хранил молчание, над тем, что не целовал её и, ко всему в довершение, не пригласил за компанию поужинать вместе с родителями: «И всё это – после вчерашнего. После нашего ужина в „Якоре“. И родители в курсе случившегося. Невард здесь был, в Коаскиерсе, он прилетел с Маклохланом. И экдор Эвриерт говорил мне о каком-то отравленном трюфеле. Я что, отравила Лээста и решила сбежать после этого?! Но это смешно, разумеется. Заглянуть бы в Volume Двенадцатый...» Дойдя до подобной мысли, Верона, замедлив движение, сказала себе: «Ну правильно, раз он полетел к родителям, то вернётся не раньше полуночи. Тогда я, по всей вероятности, могу пойти в его комнату и посмотреть, где папка... и если в ней что-то важное... если он скрывает оправданно, то Джон тогда не допустит, чтобы я её обнаружила...» Решение было принято. Сменив своё направление, она добежала до сектора, где жили преподаватели, заглянула в пустую гостиную, прошептала: «Боже всемилостивый, лишь бы меня не заметили», – после чего, на цыпочках, приблизилась к «*восемнадцатой*» и вошла к Эртебрану в комнату, уповая в душе на единственное – что обязана выяснить правду – пусть даже нелицеприятную – пусть даже самую горькую. В помещении было холодно. Верона прошла к подоконнику, прикрыла створку – распахнутую, включила настольную лампочку и подошла к камину – в надежде, что папка припрятана в тайнике эктора проректора. К её разочарованию, ни папки, ни деквиантера в укрытии спрятано не было. Всё, что там обнаружилось, оказалось стрелой – драгоценной, со светящимся оперением, золотистого цвета конвертом с золотой эркадорской символикой, её же – Вероны – письмами – из Гамлета и Лисканнора, альбомом с её фотографиями, двумя хрустальными палочками и альбомом для рисования, обмотанным прочной нитью – вероятней всего – металлической, перевязанной и запечатанной именной печатью проректора.

– Увы, – вздохнула Верона, – результаты неутешительные. Значит, папка либо в «проректорском», либо где-нибудь в доме у Неварда. Тогда надо спуститься за Ястребом, долететь до дома родителей, попытаться проникнуть внутрь, а дальше – по обстоятельствам...

С идеей такого рода она покинула комнату – вновь никем не замеченная, и минут через семь примерно уже спускалась по лестнице – в грот с остальными «Ястребами», – в кромешной тьме, без фонарика, размышляя над тем обстоятельством, что Джон, исходя из символики, тоже общался с Лээстом. «И эта корона по форме – именно та корона, что я на себе увидела...»

Непосредственно в это время Лээст сидел с родителями, ел подогретый ужин и сообщал о главном – о том, что подверг Верону процедуре стирания памяти. Реакция вышла разной. Элиза скорее обрадовалась и даже воскликнула: «Правильно! К чему ей помнить о ступорах и всех этих усыплениях?!» – а Невард, напротив, расстроился и спросил рассерженным голосом:

– Чего ты вообще добиваешься?! Однажды она проклянёт тебя!

– Конечно, – кивнул проректор, – но поверь мне – это оправданно.

– Лээст, – сказала Элиза, – мне хотелось бы попросить тебя больше не приводить её, пока это всё не раскроется. Я могу себя выдать как-нибудь. Её сходство с нашей Теаной лишает меня равновесия.

– Нет, – сказал Невард, – глупости! Всё её сходство с Теаной – это глаза и волосы, а так – она копия Лээста!

Элиза даже вскочила:

– Мне что, принести фотографии?! Всё, что в ней есть от Лээста, это ваша дурная манера тереть себе переносицу!

– Хорошо, – согласился Невард. – Лээст, ответь-ка, пожалуйста, для чего ты подстригся так коротко? Стрижка, конечно, красивая, но в эрверской среде не принято носить короткие волосы, исключая альтернативщиков.

– Так удобней, – ответил Лээст.

– А то как же! – Элиза хмыкнула. – Невард, ты что, не помнишь? Именно с этой стрижкой он вернулся тогда из Лондона.

– Ах да! – улыбнулся Невард. – Значит, это – дань тому прошлому?

Лээст, не отвечая, доел свой суп с шампиньонами, подлил из графина водки и обратился к рыбе – судаку, запечённому с трюфелями.

Верона в эти мгновения уже пролетала над пустошью – серебристой в лунном сиянии. Пустошь сменилась рощей, следом – лугами – холмистыми, что сверху смотрелись чёрным – абсолютно неразличимыми, и дальше – холмами с кустарником. Лента дороги – петляющая, с пунктиром огней по краю, и затем – её ответвление, стала ориентиром; дом Эртебранов высветился красивым отчётливым контуром. Окна в доме горели, двор освещался фонариками и на парковке, меж яблонями, обозначилась шляпка проректора. Опустившись в траву за садом, Верона прошла под деревьями и, встав в безопасном месте – за перголой, увитой розами, попыталась определиться со своими дальнейшими действиями: «Из окон на нижнем уровне практически все – освещённые и практически все приоткрытые... Это – кухня, зал и столовая... и ещё какие-то комнаты. А перед домом – вишни. Можно будет забраться, наверное... сверху тоже все створки подняты. Элиза любит проветривать. А Лээст в столовой, наверное... Они там сейчас разговаривают...» Покинув своё укрытие, она осторожно – крадучись – приблизилась к старой вишне и под прикрытием веток заглянула в окно столовой – согласно её расчётам – центральное из имеющихся. Расчёт оказался верным – стол находился поблизости. Люстра с хрустальными шариками освещала бледного Лээста, пьющего крепкий кофе – судя по сильному запаху, Неварда – с чашкой чая, и Элизу – с крючком – за вязанием. Голоса их – чуть приглушенные – оставались достаточно громкими:

– Так значит, Седьмой департамент обладает всей информацией? – вопрос исходил от Неварда.

Ответ исходил от Лээста:

– С прошлого понедельника. Лаарт провёл анализ... на ДНК, сравнительный.

– Хорошо, – сказал Невард. – Правильно. Это меня успокаивает. И ардор Трартесверн, мне кажется, явно неравнодушен к ней. Впрочем, так же, как Джошуа. Кому ты отдашь предпочтение? Ты, как отец, решаешь. Хотя первый женат, по-моему. Развод – процедура длительная. Полгода уйдёт, как минимум.

– Никому, – усмехнулся Лээст. – Пусть Верона сначала отучится. Остальное меня не касается. Кого хочет, того и выберет.

– Трартесверн?! – вмешалась Элиза. Вязание было отложено. – Я читала «Вечерний Врет-греен»! Это позор, да и только! Сначала она усыпляет тебя, сбегает из Академии, доводит тебя до ступора, а потом – ищите, пожалуйста! – всем первым подразделением во главе с этим вице-сенатором! А нас ещё упрекнули! Мол, вы от неё скрываете, что вы – ближайшие родственники! И тебя это всё устраивает?! – вопрос прозвучал для Лээста. – Они ведь друзья, между прочим! И пусть теперь так и думают?! Что ты у неё в племянниках?! Или скажи им правду, что она – твоя дочь по рождению, или сделай им всем суггестию!

– Мать! – оборвал её Невард. – Пусть что хотят, то и думают! Лээст пообещал нам! Она всё узнает тридцатого! Тогда и друзья узнают! Зачем сообщать заранее?!

– Ерунда! – возразила Элиза. – Она не такая дуручка! Всё равно она что-нибудь выяснит! И выяснит то же самое! И это всё повторится! Но если она здесь появится, я сама расскажу ей правду! Мне уже надоело потакать твоему молчанию! И закрой-ка окна, пожалуйста! Откуда-то тянет холодом!

На последних словах Элизы Верона отпрянула в сторону, так как Лээст поднялся с места, и, прижавшись к стене между окнами, затаилась, сдержав дыхание. Створки были опущены – одна за другой, по очереди. Выждав ещё с минуту, Верона, неровным шагом, вернулась обратно к «Ястребу», села у мачты – плачущая, посмотрела на небо – звёздное, и прошептала:

– Прошу вас... Джон, появись, пожалуйста...

Эркадор появился сразу же – каким она его помнила – в джинсах, в норвежском свитере, – возник на соседней лавке, с вопросом: «Нуждаешься в помощи?»

– Да-а! – зарыдала Верона. – Заберите меня отсюда! Заберите меня куда-нибудь!

– Заберу, – сказал Джон, вставая, с намерением взять её на руки. – Ночь и вправду холодная. Можно погреться на Паруснике...

Жаркий огонь в камине, высокий стеллаж с фотографиями, круглый иллюминатор, стол с хрустальной чернильницей, кровать – широкая – низкая, с чёрного цвета подушками, ведёрко с бутылкой шампанского...

– Это что? – прошептала Верона.

– Это – наша с тобой каюта. И мы сейчас будем ужинать. Ты у меня голодная.

– А отец? – прошептала Верона.

Джон, продолжая держать её, сел на кровать, чуть скрипнувшую, и мягко сказал:

– Послушай. Отец твой считает нужным скрывать от тебя информацию. У него есть свои причины, они довольно существенны, и это – его решение, поэтому ты обязана воспринять это всё, как должное. Он обо всём расскажет двадцать девятого августа. И чтобы ты успокоилась, я приношу заверения, что вы для него – это главное. Ты и рэана Режина. Он отдаст за вас жизнь, не задумываясь. Что до вчерашней истории, я – против кератомии. Поэтому, после инъекции, хлорид церроброамина был нейтрализован полностью. Ты ничего не помнишь, но это явление временное и напрямую связанное с различного рода реакциями на постсинаптическом уровне. И должен предупредить тебя – это ты тоже забудешь – всё то, что ты только что выяснила, иначе мне сложно представить, какие будут последствия...

– К-когда я с-нова з-забуду?

– Когда ты вернёшься в Коаскиерс.

– О нет! – взмолилась Верона. – Великий Эктор, прошу вас! Дайте мне день, хотя бы! Я ничего не сделаю! Я ничего не скажу ему!

Джон немного подумал, пытаясь представить будущее – теперь – при новых условиях, и произнёс:

– Ну ладно. Будешь помнить по вторник включительно, но Лээст не должен догадываться. И на одном условии – ты не будешь видаться с Лаартом, пока он сам не объявится.

Верона горько заплакала и закрыла лицо ладонями. Джон вздохнул и спросил напряжённо: «Ну что? Принимаешь условия?»

– Д-да... Я п-принимаю условия...

– Тогда я сейчас покормлю тебя и доставлю обратно в Коаскиерс...

XXVII

Проверка у мистера Джонсона протекала активным образом. Он похвалил за успехи пять или шесть учащихся, затем пожурил Герету за четвёрку по анатомии, затем обратился к Джимми – с упреком за кражу имущества и позорное заключение в следственном изоляторе, и в конце спросил у Вероны: «Как ваше самочувствие?» – на что услышал:

– Не знаю. Видимо, лучше вчерашнего.

«Сомневаюсь, – подумал Джонсон. – Что-то её беспокоит. Что-то очень существенное...» На этом профессор простился – с Вероной и с первокурсниками, и оправился вниз, за Хогартом, с которым они решили посидеть в «Серебряном Якор».

Джимми, страшавший Терну рассказами о заключении, воскликнул:

– Блэкуотер, ты в курсе?! Про тебя тут вчера напечатали! Что ты удрала из Замка и Трартесверн тебя выловил, так что мы с тобой вместе прославились! Про меня они тоже высказались, но, правда, без фотографии!

– В курсе, – сказала Верона и быстро вернулась в «*третью*», где Джон, все ещё пребывавший там, встретил её высказыванием: «Вот тебе Volume Тринадцатый!» – и протянул ей папку – новую и красивую, с кожаным переплётом, украшенным тем же символом, что украшал его Парусник – двумя скрещёнными стрелами и короной с ажурными пиками.

Верона погладила пальцем тонкую инкрустацию и спросила, вспомнив об образе – том, что явился ей в холле перед встречей с эктором проректором:

– А это – моя корона?

– Да, – сказал Джон, – разумеется. День свадьбы – день коронации.

Папка нашла себе место на полке, рядом с будильником.

– И вот, – сказал Джон, – посмотри-ка... Вон, над твоей кроватью... Надеюсь, тебе понравится...

На стене, в серебристой рамочке, появилась его фотография – огромная – метр на метр, где он – с обнажённым торсом и в старых джинсах – подвёрнутых – сидит на песке – на пляже с бирюзово-лазурными волнами. Верона невольно нахмурилась:

– Мой эктор, простите, конечно, но отцу она не понравится.

– Нет, – сказал Джон, – понравится. Он знает, что я люблю тебя, и знает, что мы поженимся, когда ты окончишь Коаскиерс.

После недолгой паузы – смазанной по значению, поскольку Верона подумала о последнем свидании с Лаартом, а Джон, повернувшись к полкам, сотворил две дюжины трюфелей, она, избегая смотреть на него, спросила:

– А эти послания? Эти письма от «Генри Блэкуотера»?..

– Все письма пишутся Лээстом. Я просто слежу за доставкой, но никак не за их содержанием.

Верона прошла к подоконнику, где лежал её *Vogue* и спички и, увидев веточку вереска, вытерла слёзы и всхлипнула. Джон подошёл к ней сзади и сжал её плечи ладонями:

– Не надо курить, – попросил он. – Лээсту это не нравится. Отдай сигареты Джине. Пусть курит в своё удовольствие, а отцу скажи, что ты бросила. И пойдём на кровать, пожалуйста...

– Да, эктор, – прошептала Верона, пытаясь не думать о Лаарте и о том, что ночь – предстоящая – является чем-то неправильным в общем своём значении.

* * *

Наступившее следом утро для всех оказалось разным. Верона, всю ночь не спавшая, с одной стороны испытывала состояние эйфории – от тех непрерывных ласок – самых нежных и самых чувственных, которыми Джон одарил её, а с другой – беспокойство – глубокое –

и за встречу с отцом, и за Лаарта, и стыд перед бедной матерью – за слова: «На что ты считаешь?! На то, что вы познакомитесь и у тебя с ним возникнут частные отношения?!» В результате, расставшись с Джоном, шепнувшем ей прощание: «Малышка, увидимся вечером», – она вырвала лист из тетради и написала Режине: «*Ты должна приехать немедленно. Это касается папы. Появись, пожалуйста, в Дублине и дай мне знать после этого*». Записав на конверте адрес – тот, что профигурировал на конверте из Португалии, она прошла к подоконнику, отпустила письмо за раму – со словами: «Доставьте, пожалуйста», – посмотрела на пачку «*Вога*», извлекла из неё сигарету и прошептала:

– Последняя.

Джина, скурив полпачки, уснула в ту ночь в четыре и проснулась с тем странным чувством, что за ней наблюдает кто-то, повергшим её в смятение. Пребывая в этом смятении, она пошла в душевую и, посмотревшись в зеркало, с горечью констатировала, что выглядит «хуже обычного», в силу чего – расстроенная, пропустила в то утро завтрак, уделив целый час своей внешности.

Лээст, решив после водки заночевать у родителей, проснулся довольно поздно – уже в начале девятого, но встал с кровати разбитым – в удручающем состоянии – и похмелья, довольно тяжёлого, и общей свой усталости.

Джошуа в это утро, напротив, был полон энергии, так как ему приснилось, что он и Верона – вместе, и при этом она беременна. Подробности он не запомнил, но проснулся с тем ощущением, что она вот-вот разродится, а ему предстоит помогать ей с позиции акушерства. Прекрасно зная на практике, что сны подобного рода несут в себе информацию более чем существенную, он решил, что его надежды могут иметь основания и появился на завтраке счастливым и улыбающийся.

Герета, спавшая с Томасом – до половины четвёртого, тоже светилась от счастья и даже простила Джимми специфическое высказывание:

– Травар, всё хорошеешь?! Любовь, я смотрю, украшает любую физиономию!

Лиргерт был опечален, так как в пять – со звонком будильника, получил сообщение Акерта: «*Обеспечь мне ещё одну встречу, конфиденциальным образом*», – и решил, что Акерт влюбился, что отчасти было правдой, но несколько не соотносилось с его просьбой о срочном свидании.

Акройд, жену которого выписали из клиники, провёл всю ночь во Вретгреене, и был хотя и уставшим, но крайне довольным жизнью, в отличие от Брареана, который, как и проректор, был выжат до крайней точки и появился на завтраке в своём прежнем скорбном облики.

Марсо, подогретый идеей о своём возможном проректорстве, весь завтрак следил за Вероной и – согласно её состоянию – очень глубокой задумчивости, в результате почти уверился, что за этим что-то скрывается – в частности то, что проректор поимел её наконец-таки. Впрочем, продиагностировать её внутреннее состояние и заключить однозначно, была ли она с мужчиной, у профессора не получилось, несмотря на его старания. Марсо, осознав, что бессилен сделать ей диагностику на бесконтактном уровне и тем более – на расстоянии, вообразил невольно, как делает ей диагностику самым конкретным способом. Это его возбудило, причём – до критической степени. Он быстро покинул столовую и стал караулить Верону с возникшей в мозгах идеей осуществить в действительности подобного рода обследование. Когда она появилась – к его радости – в одиночестве, он подозвал её фразой: «Можно вас на минуточку?» – и, как только она приблизилась – в лёгком недоумении, заявил:

– Ну вот что, любезнейшая, у меня к вам есть одно дельце и причём достаточно срочное!

– Какое? – спросила Верона.

– Я объясню не на публике. Ступайте за мной, пожалуйста.

Ответив подобным образом, он двинулся по коридору, пытаясь идти с достоинством и предвкушая заранее, как сможет унижить проректора, если его задумка осуществится хоть

как-нибудь. В холле Верона, нервничая, посмотрела на Джона – в глаза ему и, увидев, что он улыбается, подумала: «Не оставляйте меня...»

– *Я всегда с тобой рядом, Малышка*, – прозвучало в её сознании.

Марсо направился к лестнице и стал подниматься медленно, промокая платочком лысину и даже не оборачиваясь. Минут через пять примерно он добрался до «диагностики» и уже внутри кабинета произнёс: «В подсобку, пожалуйста». В подсобке, забитой клетками, он, пытаясь от волнения, разразился общим высказыванием, подобравшись к Вероне так близко, что она невольно попятилась:

– Мисс Блэкуотер, примите к сведению... я хочу оказать вам содействие, как лучшей своей студентке! Можно сказать, по-отечески! Вы ведь прекрасно знаете, что учащимся запрещается вступать, так сказать, в отношения с кем-то другим из студентов или с кем-то из преподавателей...

– Знаю, – сказала Верона, – но я не нуждаюсь в содействии.

Диагност на секунду осклабился, демонстрируя жёлтые зубы с налипшими хлебными крошками. При этом его возбуждение снова стало критическим – от того, что, в его понимании, обстановка была интимной и невольно располагающей к интимного рода действиям. Он произнёс игриво:

– Но вы же славная девочка...

– Профессор, к чему вы клоните?

Профессор едва не схватил её, но сообразил, что тем самым окажется в роли насильника, а не в роли спасителя:

– К тому, моя дорогая, что уже бесконтактно видно, что ночью вы спали с кем-то! У вас на лице написано! И если я вызову ректора и проведу диагностику, то этот факт подтвердится на официальном уровне и тому, кто вами воспользовался, грозит стирание памяти! Поэтому нам с вами стоит решить это всё по-хорошему. Я вас продиагностирую, чтобы выяснить, что с вами сделали, а вечером мы в моей комнате обсудим всё это в подробностях!

– А как вы продиагностируете? Вероятно, контактным методом?

– Да! – подтвердил профессор. – Но примите это как должное! Вы даже и не почувствуете! Мне главное – убедиться, что можно сделать реверсию!

Верона сместилась в сторону – от его живота – выступающего, и заявила гневно:

– Боюсь, что вы ошибаетесь! В данном случае убеждаться придётся нашим Кураторам, поскольку мой балл по Эйверу выше, чем у проректора! От всех остальных я заблокирована, не говоря о запрете в отношении диагностики, проводимой контактным методом! Так что, прошу, вызывайте и ректора, и проректора, и Великих Дорверов Кураторов! И даже, если хотите, эртаона первого уровня! Уж он-то вам точно скажет, с кем я спала сегодня! Это – в его компетенции! Говорю вам со всей откровенностью!

Разразившись такой тирадой, кстати, весьма позабавившей Аркеантеана Первого, она обошла диагноста, застывшего возле кроликов, и вырвалась из подсобки – со словами: «Мудак законченный!» Марсо, изначально рассчитывавший на девичью некомпетентность в таком щепетильном вопросе, как контактная диагностика, испытал подобие шока и простоял в подсобке минут пять или шесть, не меньше, ожидая чего-то ужасного – того, что его и Верону попросту дезинтегрируют; того, что к нему трансgressирует один из Дорверов Кураторов; и даже того, что небо разверзнется над Академией. Поскольку оно не разверзлось и его не дезинтегрировали, он наконец-то выбрался из собственного укрытия, дошёл до стула, пошатываясь, и сел – обливаясь потом и пытаясь собраться с мыслями.

Верона, сбежав по лестнице, поспешила покинуть Коаскиерс и, оказавшись на пристани, перевела дыхание, затем подошла к бордюру и глядя на небо – синее, вернулась к мыслям о Лээсте – о том, что в её восприятии он не совпадал пока что ни с образом Генри Блэкуотера, ни в целом – с собственным образом, претерпевшим те изменения, привыкнуть к которым

требовалось значительно больше времени. «Он хотел мне сказать... я помню... когда я только приехала... перед прилётом Парусника... но ему тогда помешали... и тогда он смертельно расстроился, что мама ещё в Португалии... а потом, по всей вероятности, возникли какие-то факторы... и если проанализировать... Когда мы с ним пили рислинг, он ревновал меня к Гренару, переживал из-за прошлого... из-за этих дурацких попыток, из-за этих иголок с верёвками... он злился из-за „Бутылочки“, перед этим он мыл мне голову, перед этим ругал за пирсинг и за пиво с Джеймсом Брайтоном... И потом он сказал, после этого: „Поцелуй – это акт интимности...“ А потом я ему рассказала об этой надписи в душе, и он ещё больше расстроился... тогда он не знал, наверное, что Джон на мне хочет жениться, что он меня не использует... и, видимо, Джон написал ему... этот конверт в его комнате... А потом он меня познакомил с рэаной Элизой и дедушкой... дедушка очень славный... он – настоящий дедушка... но дело сейчас не в этом... Я – всё для отца, я знаю... И поэтому он так мучается... потому что не может сказать мне... А почему не может? Что случится двадцать девятого? Эктор Ридевир говорил тогда... И этот Концерт Ниесверга... Но ведь Джон не допустит этого? Бедный Лээст... не Лээст... папа... Почему он расстался с мамой? Почему он уехал из Лондона? Когда-нибудь всё это выяснится... Я помню, как он сказал мне, когда спас из этого озера... он сказал мне: „сердечко“... „солнышко“... он назвал меня „ангелочком“... Он почти не скрывает этого... а я ни о чем не догадывалась... Какая я дура, господи...»

Тут в небе возникла лодка, подлетевшая к Замку с запада.

– Отец?! – поразилась Верона.

Эртебран приземлился стремительно и быстро направился к дочери. «Не надо, – сказал он, – Kiddy, – не надо всё время кланяться», – и сразу же крепко обнял её. Так протекла минута, следом – вторая, третья...

– Ты виделась с Трартесверном? – спросил Эртебран на пятой, поскольку сумел почувствовать, что снова случилось что-то – в плане её реакций – реакций внешнего уровня.

Она откинула голову. Глаза её – покрасневшие – столкнулись его глазами. Любовь к нему, приобретшая новое состояние – той высшей формы зависимости, которая безусловна и которая наконец-то совпала с его состоянием – чувства любви к ней, как нежности – глубочайшей и беспредельной – той самой, что продуцируется работой души – не тела, излилась из неё признанием:

– Нет, я виделась с Джоном. Он провёл эту ночь в моей комнате.

Лээст вытер ей слезы, погладил длинные волосы и сказал: «Хорошо. Понятно. Это не обсуждается. У меня к тебе просьба, малышка моя...»

– Да? – прошептала Верона, в тот момент понимая главное – и влюблённость её в Трартесверна, и привязанность к Джону – глубокая, теряют своё значение, попросту нивелируются – перед чувством к отцу – всеобъемлющим, по силе – буквально невысказанным, теперь уже просто зашкаливающим за все допустимые степени.

– Нарисуй мне, пожалуйста, что-нибудь.

– Эктор Эртебран, конечно... Я же сама обещала вам... Вы только скажите, что именно...

– Картину из детства, Kiddy. Просто воспоминание. То, что тебе дороже. Что-нибудь самое главное.

* * *

Расставшись с Лээстом в холле, Верона, всё ещё всхлипывающая, невыносимо страдающая от этой необходимости – притворяться, что всё по-прежнему, что Эктор Эртебран – не отец её, быстро направилась в комнату, чтобы взяться за рисование, а сам он, поднявшись в «*проректорский*», покурил для успокоения и попытался настроиться на работу с документацией. Так прошло минут сорок примерно. К Вероне за это время успел навестись Марвенсен – с поручением от Маклоклана – передать ей, что он «приглашает её полетать немного на „Ястребе“».

– Во сколько? – спросила Верона, вспоминая, как Джош за завтраком то и дело смотрел в её сторону – с выражением бурной радости.

– В полдень, – ответил Виргарт. – То есть это будет занятие.

– Тогда иди передай ему – пусть сегодня выводит двухмачтовик.

– А это что за красавец? – спросил любопытный Марвенсен, успев изучить фотографию.

– Мой жених, – пояснила Верона. – Но сейчас ты отсюда выйдешь и сразу забудешь, что видел его...

Лээст, часам к одиннадцати, разобрался с бутылкой виски, читая письмо «Блэкуотеру» – последнее из полученных, и когда его виски закончился, направился в общежитие – гонимый собственной совестью. Когда он дошёл до «третьей», сердце его колотилось, на лбу проступила испарина, а ноги едва не подкашивались.

– Господи, что я делаю?! – прошептал он, дрожа от волнения.

Простояв перед дверью с минуту, он, совершенно отчаявшись, отступил до пустой гостиной, сел на один из диванчиков, обхватил ладонями голову и сидел так, пока не услышал голоса и шаги первокурсников. Тогда он резко поднялся, снова направился к «третьей» и постучался решительно. Верона в эти секунды уже надевала куртку, готовясь к полёту с астрологом. Лээст вошёл – с улыбкой, и мягко спросил: «Собираешься?» – пытаясь придать ситуации хоть какой-то оттенок обыденности. Тут его взгляд невольно устремился к большой фотографии. Глаза его помрачнели. В них резко стусутилась ревность – инстинктивная – неконтролируемая. Он шагнул к стеллажу – к той полке, где стояли дары – сверкающие, взял трюфель из синей вазы, развернул зашуршавший фантик, затем завернул обратно и произнёс напряжённо:

– Что он делал с тобой этой ночью?

– Сэр, – прошептала Верона, – сэр, вы же сами сказали, что это не обсуждается...

– Нет, ты должна сказать мне!

– Прошу вас! – взмолилась Верона. – Он любит меня, вы же знаете!

– Куннилингус?! Был куннилингус?!

– Был! – закричала Верона. – Что вы теперь, убьёте его?!

Эртебран отшвырнул конфету, повернулся лицом к фотографии и процедил сквозь зубы: «Вы уже ни с чем не считаетесь. Ни с тем, что является честью, ни с тем, что зовётся достоинством...» После этого, стиснув челюсти, он вышел – не оборачиваясь. Верона вытерла слёзы, застегнула на куртке молнию и какое-то время стояла, пытаясь собраться с мыслями, после чего наклонилась – за отброшенным Лээстом трюфелем, вернула конфету в вазу, а затем повернулась к Джону – с вполне обоснованным требованием:

– Я прошу вас со мной не встречаться, пока мой отец не даст вам соответствующего разрешения. Я не могу позволить вам пренебрегать его чувствами в угоду вашим желаниям.

Джошуа в это время уже вылетал из грота, опасаясь, что из-за Лээста она не придёт на занятие. К его несказанной радости, Верона возникла в арке в самом начале первого. Впрочем, счастье его улетучилась, когда она села в лодку, даже не поздоровавшись. В результате Маклохлан разнервничался и взлетел с такой траекторией, что все, кто увидел это – человек пятнадцать студентов, просто застыли от ужаса. Верона сдвинулась к мачте, а астролог, взмыв над Коаскиерсом, устремился в сторону моря и только тогда успокоился, когда она попросила:

– Мистер Маклохлан, простите, я без очков сегодня. Мы можем лететь помедленнее?

– Конечно! – ответил Джошуа. – Я просто вам демонстрировал технику пилотирования!

Начав разговор о технике, Маклохлан продолжил сведениями, что при полётах на «Ястребах» используются фигуры, которых официально не меньше двухсот пятидесяти, но ей, для сдачи зачёта, будет вполне достаточно освоить «Цепочку», «Лесенку», «Уголок» и «Зигзаг» с «Вращением». Верона кивнула с согласием, а Джош, изначально рассчитывавший, что она начнёт умолять его показать ей другие фигуры и позволит ему тем самым проявить своё вели-

кодушие, едва не скрипнул зубами, пытаюсь скрыть огорчение, которое было усилено её смиренным высказыванием:

– Да, сэр, вы правы конечно же. При нашей с вами загруженности даже выучить эти фигуры представляется чем-то немислимим.

Когда их полёт окончился, Верона, расставшись с профессором на первом пролёте лестницы, вернулась к эскизу – начатому, понимая, что скоро не выдержит – без отца, без его присутствия, и без его прощения – в полной мере необходимого. Где-то в начале пятого она, посетив туалетную, где тщательно вымыла руки – от угольной пыли – ввевшейся, переместилась в гостиную и подошла к деквиантеру. Эртебран отозвался сразу же и резко сказал: «Я слушаю!»

– Эктор Эртебран, простите, мне нужно с вами увидеться.

– Хорошо, – согласился Лээст. – Я у себя, в «проректорском». Только недолго, пожалуйста.

Верона, повесив трубку, бросилась вниз по лестнице – примерно в таком состоянии, в каком Эртебран поднимался к ней до её полёта с Маклохланом, и, пробежав сквозь Замок, оказалась у мраморной лестницы. Там она передохнула, пытаюсь стабилизироваться, и начала подниматься. Лээст ждал в коридоре и при её появлении прошёл к своему кабинету и вошёл в него первым – нахмуренный, всё ещё не отошедший после яростной вспышки ревности. Верона, войдя за ним следом, увидела, как он прикуривает – её зажигалкой – *Marlboro*.

– Будешь? – спросил он глухо, как только она приблизилась.

– Нет, сэр. Спасибо. Я бросила.

Эртебран глубоко затянулся, выпустил струйку дыма – глядя на море – серое, с чёрного цвета подпалинами, и произнёс: «Так что там?»

– Сэр, простите, пожалуйста. Я попросила Джона больше не появляться, пока он не встретится с вами... то есть, простите, с папой, и не возьмёт разрешения.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что вы сами сказали о чести и о достоинстве. Джон не имеет права вступать со мной в отношения без вашего разрешения. То есть, простите, папиного... без папиного разрешения...

Эртебран посмотрел в её сторону:

– Хорошо, я приму это к сведению, но сам он не примет, я думаю. Его статус – выше условностей.

Воцарилась долгая пауза. Лээст дымил сигаретой. Верона кусала губы. Оба страшались единственного – оба страшались выдать себя. Наконец Верона не выдержала – не собственных чувств, а молчания:

– Я... написала маме...

Эртебран не отреагировал.

– Попросила её приехать...

– Ну ладно, – сказал проректор, щёлкая крышкой *Zippo*, – у меня тут пара отчётов, а у тебя – рисунок, и другие дела какие-нибудь. И раз ты уже не куришь, то я ей немного попользуюсь. Как только куплю себе новую, то верну тебе эту в целостности.

– Нет, – возразила Верона. – Оставьте себе, пожалуйста. Я уже с ним не поддерживаю личные отношения.

– Вот как? – спросил проректор. – Это – твоё решение?

– Нет, это ваше решение... – она немного помедлила, – но я нахожу его правильным.

Снова возникла пауза. Уже не такая тяжёлая, но тоже довольно насыщенная – теперь – их взаимными взглядами, с её стороны – открытым – исполненным обожания, с его стороны – извиняющимся – виноватым, в какой-то степени:

– Знаешь, – сказал он тихо, – я оскорбил тебя в комнате. Я не хотел, поверь мне.

– Нет, – возразила Верона. – Это не было оскорблением. Речь шла о защите достоинства.

– Спасибо, – сказал проректор. – Спасибо, что ты простила меня...

Третья по счету пауза оказалась самой насыщенной. Эртебран загасил окурок, повернулся к Вероне, обнял её и привлёк к себе – лёгкую, хрупкую, чувствуя её слёзы, чувствуя её всхлипывания и чувствуя что-то новое, ранее не проявлявшееся – в том, как она прижималась к нему, сдерживая рыдания, в том, как она целовала его и в том, как она прошептала ему:

– Я простила бы вам что угодно. Запомните это, пожалуйста...

* * *

Через пару часов примерно, минут за пятнадцать до ужина, к Вероне пришла Герета – более чем взволнованная, и сказала: «Он пригласил меня!» Речь шла о Томасе Девидсоне.

– Куда?! – удивилась Верона.

– На футбол! Состоится сегодня! В половину девятого вечера!

Под «футболом» подразумевалась встреча студенческой сборной и сборной преподавателей и бывших студентов Коаскиерса. Затем Герета посетовала на трёх своих однокурсниц, что, в силу консерватизма, не выразили желания оказаться в числе болельщиков.

– Ну и ладно, – сказала Верона. – Болеть им все равно не за кого. Разве что Терне за Брайтона, но, надеюсь, он не участвует.

Затем, уверив Герету, что сможет составить компанию, она поинтересовалась: «А ужинать ты собираешься?»

– Боюсь, что не собираюсь. Мне нужно погладить кофточку.

– А ты никогда не думала одеться по-современному?

Герета слегка растерялась:

– То есть как? По-альтернативному?

– Да, – подтвердила Верона.

– Глупо об этом думать, не имея на это возможности.

– Возможность – дело вторичное. Желание – самое главное.

– И что ты мне предлагаешь?

– Предлагаю вдобавок накраситься.

– Да! – засмеялась Герета. – Оденусь как ты, накрашусь и меня отчислят сегодня же!

– Нет! – возразила Верона. – Посмотри на экзора проректора! Он подстригся короче некуда! Его что, за это уволили?!

Аргумент прозвучал убедительно. Герета взглянула на полки с дорогой сверкающей утварью, затем на портрет мужчины – эртаона, судя по облику, затем – на саму Верону, чья красота – воистину – была достойна Создателей, и – с мыслью: «Всё не случайно... Всё это как-то связано, иначе бы этого не было...» – спросила:

– Как ты считаешь, а Томасу это понравится?

– Он будет счастлив, поверь мне!

Согласие было получено. Процесс по «преображению» – как его назвала Верона, начался в душевой для девушек и продолжался долго – часа полтора, как минимум. Герета – в короткой юбке, с подвитым распущенным волосом, в красивой вязаной кофточке, в хороших светлых туфельках, очень эффектно накрашенная – настолько преобразилась, что, увидев своё отражение, прошептала: «Создатели! Кто это?!» Подруги покинули комнату в пятнадцать минут девятого и быстро спустились к Джине – предложить составить компанию. Джина, узрев Герету, поразились до крайней степени, но затем заявила, опомнившись:

– Это, конечно, здорово, но, мне кажется, слишком рискованно!

– Ерунда! – возразила Верона. – Курить у нас тоже рискованно, но ты ведь при этом куришь на виду у всей Академии! И, кстати, там матч в полдевятого, студенты играют с эрверами. Говорят, что все собираются, так что пошли. Развеешься.

Джина слегка помялась, но всё же дала согласие. Таким образом, наши девушки покинули стены Коаскиерса и направились к стадиону, где уже собрались болельщики, и не только студенты с эрверами, а даже работники кухни во главе со своим шеф-поваром. Больше всех волновалась Герета, приобретшая новый облик и теперь безумно желавшая поскорее увидеть Томаса. Меньше всех волновалась Джина. Можно себе представить, что она испытала, когда обнаружила издали, что в первом ряду на трибуне, правее преподавателей, сидят эртаоны-Кураторы, включая самого «Старшего». Увидев его среди зрителей, Джина запыхалась и замерла как вкопанная.

– Смотрите! – сказала Верона. – Любопытная ситуация! Такие места не заняты!

Ситуация, разумеется, оказалась весьма примечательной – мест пять или шесть примерно – слева от эртаонов – оставались пока свободными. Джина не шевелилась, пребывая на грани обморока. Герета, страшно смущённая, тоже застыла в растерянности, так как не знала толком, когда выполнять приветствие, да и вообще выполнять ли.

– Пойдёмте! – сказала Верона. – Что толку стоять и смотреть на них?!

Подруги не отреагировали. Поскольку до края поля оставалось метров пятнадцать, а до трибун, соответственно, было уже за восемьдесят, то появление девушек мало кем было замечено, не считая самих Кураторов. Эрвеартвеарон, понимая, что усилий одной Вероны без суггестии недостаточно, поднялся и помахал им. Отступить, по факту случившегося, возможности теперь не было. Девушки сдвинулись с места: Верона – внешне спокойная, но в душе немного встревоженная, поскольку не обнаружила среди болельщиков Лээста; Герета, уже осознавшая, что Кураторы благоволят к ним; и Джина – дрожащая, красная и мало что понимающая, кроме того обстоятельства, что её ментально поддерживают, иначе она умерла бы от нервного потрясения. Когда до первого ряда оставалось шагов пятнадцать, Терстдаран снова поднялся, дождался момента приветствия – когда подошедшие девушки преклонили колени и головы, и громко сказал: «Добрый вечер! Эти места свободны!» – после чего добавил:

– Рэа Уайтстоун, прошу вас, рядом со мной, пожалуйста...

Девушки распрямились – Верона с Геретой – первыми, и они же и сели первыми, а Джина, едва не падая, кое-как добралась до лавочки – ведомая внешними силами, опустилась и сразу зажмурилась. Эрвеартвеарон тем временем обратился к Вероне взглядом, исполненным почтения, и – при ответном взгляде – привстал и немного склонился, как и пять остальных Кураторов.

– Светлейшая из Светлейших, – сказал он на португальском, – мы счастливы лицезреть вас и хотим принести уверения в своей бесконечной преданности...

– Благодарю, сеньоры. Спасибо, сеньор Терстдаран. А вы, случайно, не знаете? Мой папа придёт? Он появится? Или он занят чем-нибудь?

– Да, ваш отец появится. Он выступает голкипером за сборную преподавателей.

В это время возникли играющие. Команда студентов – в синем, а противники – в фиолетовом. В центр поля выбежал Акройд – в чёрно-жёлтой футболке рефери и в компании двух помощников – фармаколога и токсиколога. Болельщики рьяно захлопали – все, кроме бледной Джины, пребывающей в полуобмороке. При виде Гереты – накрашенной, в нарядной ажурной кофточке, Томас ударился в краску, но помахал тем не менее, а затем, наряду с другими, выполнил форму приветствия эртаонов второго уровня. Эрвеартвеарон поднялся, выразил пожелания удачной игры играющим и сел, чуть придвинувшись к Джине. Акройд провёл жеребьёвку. Эртебран, улыбнувшись Вероне, побежал занимать ворота по правую руку от рефери. Мяч был положен в центре, команды рассредоточились, начальный удар достался юному форварду Девидсону. Джина, не разбиравшаяся ни в одном из футбольных правил, начала следить за играющими, абсолютно не понимая смысла происходящего.

– В принципе здесь все просто, – сказал ей Старший Куратор. Если хочешь, я объясню тебе...

Джина нашла в себе силы направить взгляд в его сторону. Эрвеартвеарон запнулся – её губы – нежные – розовые – оказались в предельной близости; глубокий вырез на платье открывал её кожу – молочную, с оранжевыми веснушками; ресницы её трепетали; длинные медные волосы горели в закатном солнце мириадами ярких искорок.

– Ну в общем, – чуть слышно сказал он, – сейчас это всё несущественно...

Джина вздохнула кротко. Глаза её ярко сияли чистой водой изумрудами. Эрвеартвеарон отвернулся – сборная преподавателей атаковала ворота капитана противников Марвенсена. Тем не менее его пальцы немного сместились влево – с колена прямо на лавку, поскольку там находились – в ту секунду – джинины пальцы. Их руки соприкоснулись. Куратор, своей ладонью, накрыл её пальцы сверху. Джина крепко зажмурилась. Эрвеартвеарон прошептал ей: «Я рад, что ты появилась здесь...» Игра продолжалась тем временем. Верона следила за Лээстом. Герета следила за Томасом. Лээст стоял на воротах не хуже, чем Виргарт Марвенсен, а может быть, даже и лучше – согласно тому обстоятельству, что первый гол оказался забитым в ворота Виргарта. Забил его Джош Маклохлан – на двадцатой минуте периода. Джина, как все остальные, громко зааплодировала, после чего, задерживая – и мысли свои, и дыхание – опустила руки обратно: одну – себе на колени, а вторую – в ладони Куратора. Эрвеартвеарон, чья жизнь наконец обрела смысл в своём основном значении, был в ту секунду счастлив, как никогда до этого.

На двадцать седьмой минуте с нападающим сборной студентов – ардором Томасом Девидсоном – вышел конфуз – досадный, связанный с его шортами: когда Томас бежал к воротам и уже собирался ударить из крайне опасной позиции, резинка на шортах лопнула, шорты стали соскальзывать, нога у него запнулась и произошло падение. Болельщики зашумели, одни эртаоны-Кураторы продолжали хранить спокойствие. Верона перекрестилась – со словами: «Опять нас миловало», – а Герета едва не заплакала. Расценив такое падение, как личную катастрофу – из-за присутствия девушек, Томас покинул поле. На замену был выпущен Рочестер. В результате команда студентов оказалась деморализована и пропустила как следствие ещё один гол в ворота, опять забитый Маклохланом. После свистка арбитра, означавшем конец периода, команды ушли под трибуну, часть зрителей встала размяться, а Кураторы трансгрессировали – с намерением появиться на начале второго тайма.

– Боже! – взмолилась Джина. – Это всё мне снится, наверное!

Одновременно с этим расстроенная Герета тоже взмолилась к Создателям:

– Святые Отцы-Покровители, верните его, пожалуйста!

Проникшись их состоянием, Верона сперва сказала: «Да нет, не надейся, что снится!» – а затем, посмотрев на Герету, поддержала её заверением:

– Не волнуйся! Вернут обязательно!

Джина внезапно выдала:

– Я знаю, что это – суггестия!

– Суггестия не суггестия, какая в принципе разница?

Разговор, не успев начаться, был прерван явлением Брайтона, что спустился с верхнего ряда, занимаемого первокурсниками:

– И чё, – спросил он, – Блэкуотер, нашли себе место в партерчике? С чего у вас вдруг привилегии?

– Отстань! – попросила Верона.

– Грубишь! – засмеялся Брайтон. – Я же к вам по-хорошему! У меня тут для вас предложение! Мы решили, как всё закончится, сгонять в деревню за «Брекброком»! Если присоединяетесь, то от каждой из вас – по полтиннику!

– Нет, не присоединяемся.

– А чё так?! Заделались трезвенницами?!

– Что слышал! Давай проваливай!

– Хе-хе! – засмеялся Джимми. – Советую не отказываться! Можно снова сыграть в «Бутылочку»! И кстати, чё это с Травар?! Для Девидсона старается?! По-моему, перестаралась! У парня от напряжения резинки начали лопаться!

К счастью для женской компании Эрвеартвеарон и Кураторы снова возникли на лавочке. Джимми, вдруг оказавшись в ближайшей зоне их видимости, грохнулся на колени, а Старший Куратор Коскиерса посчитал за необходимость сделать ему внушение:

– Ардор, ты можешь подняться, но прошу запомнить на будущее. К девушкам ты обязан относиться с предельной вежливостью. Если я ещё раз услышу «а чё так» или «Бутылочка», можешь считать законченным пребывание в Академии. Коаскиерс не нуждается в тех, кто не чтит традиций и не следует нормам и правилам.

Брайтон согнулся вдвое, выражая своё понимание и вслед за тем испарился, словно его и не было.

Команды вернулись на поле – с заменой форварда Рочестера обратно на форварда Девидсона. Томас выглядел очень уверенно – после взбучки от мистера Акройда и капитана Марвенсена. Эрвеартвеарон с минуту следил за игрой – начавшейся, после чего осторожно, пользуясь тем, что Верона снова смотрит на Лээста, а Герета взирает на Томаса, первая – с детской восторженностью, а вторая – с благоговением, взял Джину за тонкие пальчики и произнёс, чуть склонившись к ней:

– Нет, это всё – не суггестия. Это всё происходит в реальности.

Джина вздохнула судорожно:

– Вы ведь... не пропадёте? Вы ведь меня не оставите?

Эрвеартвеарон с любовью – теперь уже нескрываемой – взглянул на её ресницы с засверкавшими в них слезинками, на глаза её – покрасневшие, и прошептал: «Смеёшься? Ночью, после проверки, жди меня в своей комнате...» Джина опять зажмурилась.

– Значит, договорились, – тихо сказал Куратор. – Посмотри-ка на нашего Томаса...

Томас нёсся к воротам проректора, обходя защиту противника. Короткая передача в сторону Дино Кранчини, от Дино – обратно Томасу. Удар! Эртебран подпрыгнул, скользнул по мячу руками, но так и не смог задержать его.

– Гоооол!!! – взревели болельщики.

Лээст развёл руками. Герета шмыгнула носом. «Вот чёрт!» – огорчилась Верона. Репутация Томаса Девидсона наконец была восстановлена. Остальные удары в ворота сборной эрверов Коаскиерса отбивались экдором проректором без единых ошибок с промашками. Таким образом матч завершился поражением сборной учащихся, хотя Томас, как все признали, подаёт надежды на будущее. Авторитет Маклохлана возрос в глазах первокурсников, что касается Эртебрана, то его проводили с поля – как капитана сборной – бурными аплодисментами и громкими восклицаниями. За одну минуту до этого, как только игра закончилась, эртаоны отбыли первыми. Затем, согласно традиции, трибуну покинули старшие – группа преподавателей, более чем обрадованных матчем и результатами. За ними стали спускаться шесть поваров Коаскиерса. Далее шли семикурсники, недовольные из-за Марвенсена, включая Лиргерта Свардагерна, который, увидев Верону в ярком свете прожекторов, изменил своё направление и направился прямо к девушкам:

– Рэана Блэкуотер, можно вас?

Как только она подошла к нему, присела в глубоком книксене и произнесла, когда выпрямилась: «Экдор Свардагерн, я вас слушаю», – он сразу отвёл её в сторону – подальше от всех болельщиков, и тихо сказал: «Простите, но я получил сообщение. Мой брат попросил о встрече. Что вы на это скажете?» Верона, заранее зная, что всё, что ей скажет Лиргерт, будет касаться Акерта, спросила – без лишних высказываний:

– Это – срочно?

– Боюсь, что срочно. И крайне конфиденциально.

– До проверки у нас получится?

– Да, если мы постараемся.

– Тогда, когда все разойдутся, мы можем пойти за Ястребом. Нас вряд ли увидит кто-нибудь. И вдоль трассы полно всяких пустошей.

– Нет, вместе идти не стоит. Замок под наблюдением, включая всю территорию, поэтому мы разделимся. С той стороны, за трибунами, есть туалет для девушек. Побудьте там до одиннадцати, потом выходите оттуда и идите к спортивному комплексу, там, где бассейн и всё прочее. За комплексом сад – заброшенный. Вы увидите там указатель с надписью: «Вход Воспрещается». Войдёте. Будет тропинка. Идите по ней до мостика. За мостиком есть поляна. Я появлюсь на поляне в десять минут двенадцатого. Так будет безопаснее.

Верона, вспомнив о квердах, паривших в гроте над «Ястребами», приняла этот план, не раздумывая. Разговор на этом закончился. Лиргерт догнал однокурсников, а Верона вернулась к девушкам и простилась с ними до завтрака. Затем, обогнув трибуну и пройдя мимо входа с вывеской «Служебное Помещение», она, уже в скором времени, оказалась в уборной для девушек, где, усевшись на стойку из мрамора, рядом с овальной раковиной, пятнадцать минут размышляла над вопросом приезда матери – в том случае, если письмо её, адресованное в Португалию, не было проигнорировано эртаоном первого уровня. «Ладно, что будет, то будет...» – примерно с таким отношением она дождалась момента, когда стрелки её «Мовадо» добрались до нужной позиции и, следуя указаниям, быстро прошла мимо комплекса и оказалась у сада – огромного и запущенного, с поющими в травах цикадами. Указатель «Вход Воспрещается» подсказал ей дорогу к мостику. Тропинка, довольно утоптанная, привела к оврагу – широкому, и, судя по громким звукам, обитаемому лягушками. «Мостик», как тут же выяснилось, был узкой доской – прогибающейся, на что Верона подумала: «Наш Лиргерт – романтик, законченный», – и вскоре – через минуту, миновав овраг и черёмуху, уже подходила к «Ястребу» – манёврному одномачтовику.

Лиргерт, увидев Верону, возникшую из-за кустарника, поднялся с центральной лавки и, как только она приблизилась, протянул ей свой серый джемпер:

– Прошу вас, наденьте, пожалуйста. Ночи у нас холодные. Я-то привык в футболке, а вы с непривычки продрогнете.

Верона надела джемпер, не видя смысла отказываться, а Лиргерт сказал тем временем:

– Я созвонился с Акертом. Думаю, он уже выехал. Минут через семь вы с ним встретитесь.

«Ястреб» поднялся в воздух – исключительно координированно, на что Верона подумала: «Этот Лиргерт – ас, по всей видимости», – и спросила – больше для вежливости:

– А кто вас учил пилотированию?

Он ответил чуть дрогнувшим голосом: «Экдор Эртебран... проректор».

– А сколько фигур вы знаете, кроме «Вертушки», «Лесенки» и «Зигзага» с «Вращением»?

– Двести официальных и тридцать я сам придумал.

– Ясно, – вздохнула Верона.

Вздох был красноречивым. Свардагерн живо представил, как она летает с астрологом и занятия эти проходят не самым практичным образом.

– Маклохлан не хочет показывать вам?

– Он мне сказал сегодня, что девушкам для зачёта больше пяти не требуется.

– Ну да, – хмыкнул Лиргерт, – конечно. Для зачёта первой ступени.

– А сколько всего ступеней?

– Двенадцать. У Джоша – девятая.

– А у вас?

– У меня десятая. Двенадцатая у проректора. У Брареана – восьмая. Был парень с одиннадцатой степенью. Покойный брат Таффаорда.

– Понятно, – сказала Верона. – Это важная информация. А у экдора Акройда?

– Седьмая, но он способный. Он может сдать на восьмую, просто не занимается.

– А у экдора Джонсона?

– Шестая, как и у Хогарта.

– А у Марсо?

– Никакая. Можно считать, что первая. Его дисквалифицировали...

– Как?! При каких обстоятельствах?!

– У нас каждый год проводятся лётные соревнования, в столице, а не в Коаскиерсе. Участвуют все, кто может. Допускать начинают с пятой и перед этим проводятся отборочные турниры. И на этих самых турнирах как раз и сдают зачёты. А Марсо лет десять примерно сидел на второй ступени и каждый раз всё заваливал. И он там решил воздействовать на комиссию суггестически, а его раскусили быстро и лишили квалификации.

– Поделом, – усмехнулась Верона. – Я его ненавижу до ужаса.

«Ястреб», летевший над пустошью, незаметно пошёл на снижение. Деквиантер у Лиргерта пискнул. Он прочитал сообщение и сообщил:

– Он задерживается. Извиняется, что опаздывает. А Марсо мы все ненавидим. В этом вы здесь не единственная.

– Эктор, я могу попросить вас?

– Да, – сказал Лиргерт, – пожалуйста.

– Можно просто на «ты», на будущее?

– Можно, – ответил Свардагерн, – но только взаимным образом, и ещё мы должны учитывать окружающие условия. В частной беседе – конечно, но где-нибудь в Академии...

– Да, – согласилась Верона. – Просто мы будем варьировать, в соответствии с ситуациями. Этот Марсо... ты не знаешь, за счёт чего он тут держится?

– Ну, – сказал Лиргерт, – представь себе. Диагностов толковых мало. Им платят большие деньги. Они нарасхват по клиникам, а здесь в основном работают или энтузиасты, или совсем молодые – набирают квалификацию. Как наберут – уходят. Это процесс нормальный. А этот Марсо остался практически невостребованным. Он работал в нескольких клиниках, но его попросили оттуда. Резюме у него соответствующее. Больше не приглашают. Вот и сидит в Коаскиерсе. Ни то ни сё, одним словом. Он что, к тебе придирается?

– Хуже, – сказала Верона. Лицо её – в лунном свете – выразило отвращение. – Он сегодня меня шантажировал. Затащил в свою комнатку с кроликами и заявил мне в открытую, что со мной этой ночью спали, согласно тому, как я выгляжу, и, дескать, он должен проверить обычным контактным методом и после сделать реверсию, и что он никому не расскажет, поскольку я – милая девочка, а я должна в благодарность прийти к нему вечером в комнату. А если я заартачусь, то он тогда вызовет ректора, и меня погонят отсюда, а тому, кто со мной развлекался, грозит стирание памяти.

Лиргерт, без комментариев, вытащил сигареты, закурил, недовольно похмыкивая и спросил наконец:

– Понятно. Мерзкая ситуация. Как ты из этого выпуталась?

– Очень просто, – сказала Верона. – Я его попросила вызвать Экдора Терстдарана, поскольку мой балл по Эйверу выше, чем у проректора.

– Ага! – рассмеялся Свардагерн. – Это ещё интереснее! Марсо, насколько я понял, как раз под него и подкапывал?! Значит, твой балл по Эйверу?..

– Уже полторы, примерно.

– Ого! – поразился Лиргерт. – А диагност не в курсе?!

– По идее, должен быть в курсе, но он полагал, вероятно, что я не вполне разбираюсь в тонкостях диагностики.

– Мерзавец, смотрю, он редкостный. Ты ещё не сказала проректору?

– Нет. И не буду, наверное. Не хочу его зря расстраивать.

– Правильное решение. С Марсо ты сама управишься. И, кстати, насчёт пилотирования. Мы можем позаниматься. Фигуры – дело такое... их действительно надо разучивать.

– Я была бы очень признательна!

«Ястреб» коснулся вереска. Пустошь смотрелась загадочно – как раз для ночных свиданий по вопросам особой важности. Лиргерт достал деквиантер, глянул на сообщение, переданное Акертом, и произнёс обрадованно:

– Он от нас – в двух крентерах! Появится через мгновение!

* * *

Лээст, вернувшись с матча, сразу прошёл к себе в комнату, быстро переоделся и поспешил к Вероне – предложить ей слетать поужинать – в соответствии с просьбой Неварда заглянуть к ним, если получится. По дороге ему попались идущие группой Джошуа и «помощники рефери» – не особенно торопившиеся и обсуждавшие Томаса – в плане футбольных способностей. Грегори в это время уже летел во Вретгреен – проведать жену и дочку, а Брареан был задержан парой своих дипломников.

– Куда ты? – спросил Маклохлан. – Судя по аромату, с визитом к любимой тётушке?

Ароматом был «*Минотавр*».

– Угадал, – произнёс проректор.

– Привет от меня, в таком случае!

– Джош, – возмутился Саймон, – у меня есть бутылка рома! Давай-ка мы лучше выпьем!

Оставь мужика в покое, а то точно схлопочешь по яйцам!

Чувствительный Джонсон вздрогнул.

– Благодарю, полковник! – сказал Эртебран токсикологу, после чего добавил: – На проверке она не появится.

На этом друзья расстались. Лээст сбежал по лестнице и поспешил в общежитие, а химики и Маклохлан прошли из гостиной к Хогарту. Саймон достал бутылку – благородный испанский *Casique* и три металлических рюмки, больше напоминавшие измерительные стаканчики для различных химических опытов. Маклохлан, не успокоившись, разразился гневным высказыванием:

– Он не имеет права предъявлять на неё право собственности! Он всего лишь её племянник! Она окончит Коаскиерс, я сделаю ей предложение, она ответит согласием и пусть он только попробует хоть как-нибудь нам воспрепятствовать!

– Джош, – засмеялся Хогарт, – ты совсем одурел, по-моему! Уж ей подберут, надеюсь, кого-нибудь попрличнее!

– «Подберут»?! – возмутился Джошуа. – Подберут на каком основании?!

– На том, что семья в Арвеарте – это самое главное, – произнёс рассудительный Джонсон. – Лээст, Элиза и Невард – её ближайшие родственники, и они обладают правом принимать за неё решения.

– Если она, разумеется, пройдёт натурализацию, – добавил на это Саймон.

– Нет, – возразил фармаколог. – Какая натурализация? Трартесверн же сам сообщил нам, что Верона Блэкуотер является достоянием Арвеарта. Видимо, в её файле так уже и записано.

– Да?! – сказал Джош. – Вы уверены?! Но её ж не промикрочипили! И потом – вы все забываете! У неё есть мать, между прочим! Я сдаю ей свой дом в Лисканноре! И вряд ли она захочет, чтобы её ребёнка присвоили здесь как собственность! Чтобы какие-то родственники, более чем далёкие, стали бы ей навязывать собственные решения!

– Да?! – поразился Хогарт. – Мать Вероны Блэкуотер снимает твой дом в Лисканноре?!

– Показать контракт с её подписью?!

– А Лээст об этом знает?

– Да! Разумеется, знает!

– Значит она из Америки перебралась в Ирландию? – спросил удивлённый Джонсон. – А чем это мотивировалось?

– А что ей делать в Америке?!

– Да, – согласился Хогарт. – Если она одинока, то лучше, в такой ситуации, находиться поближе к дочери. И ты у нас, Джош, не промах. Я теперь понимаю. Ты так её обрабатываешь, что она, эта мать, поверит, что лучшего мужа на будущее для Вероны уже не придумаешь!

– Ладно, – сказал Маклохлан, – мы заболтались, по-моему. Давай разливай, не затягивай. А что касается матери, то тут уже как получится. Нельзя предсказать заранее...

Лээст к тому моменту поднялся на верхний уровень, постучался к Вероне в комнату – на виду у трёх арвеартцев, а также Джимми и Томаса, ожидавших Арриго и Гредара, что пошли в деревню за «Брекброком», и, поскольку ему не открыли, направился к Джине в «шестнадцатую».

– Да, – ухмыльнулся Брайтон, когда фигура проректора исчезла из поля видимости, – вот так приходиться к студентке за полчаса до полуночи. А Трартесверну пофиг. Всё их законодательство напрочь прокоррупцировано!

* * *

Лээст, спустившись к Джине, был встречен глубоким книксеном. Посмотрев на стену со снимком – любопытными отпечатками – однозначно нечеловеческими, и припомнив, что Джина на матче сидела вместе с Куратором, он сказал себе: «Да... а надолго ли? И чем это всё закончится? Свадьбой? Просто беременностью? Или ничем особенным?» Что касается пятикурсницы, то она подумала в панике: «Эктор Эртебран не нашёл её... Придётся сказать про Лиргерта... Но, опять-таки, я не уверена... Свардагерн сказал ей что-то и потом ушёл с семикурсниками, а она ушла за трибуну, совсем в другом направлении...»

– Джина, – спросил проректор, – ты, вероятно, догадываешься? Ты можешь сказать мне что-нибудь?

– Ээээ... – протянула Джина.

Именно в это мгновение прозвучал сигнал деквиантера. Сообщение было от Лиргерта, но текст был набран латиницей:

– *«Сэр, не волнуйтесь, пожалуйста. Я тут немного занята. Постараюсь вернуться к двенадцати. Мне можно потом зайти к Вам? Я должна показать Вам что-то. Это безотлагательно...»*

– *«Жду. Давай не задерживайся».*

Ответив ей таким образом, Эртебран попрощался с Джиной, вздохнувшей с большим облегчением, и отправился в свою комнату, думая над вопросом, как Верона в ночное время могла оказаться с Лиргертом за пределами Академии: «У них, насколько я знаю, нет точек соприкосновения. Либо их что-то связывает, о чем она мне не рассказывала. Могли они где-то сталкиваться? – перед глазами Лээста всплыл снимок с пятью отпечатками. – Понятно. Лаборатория, исходя из увеличения... Значит, Верона с Джиной могли обратиться за помощью... – Лээст достал деквиантер и просмотрел информацию по опытам в лаборатории во время его отсутствия. – Это не то, и не это... это всё – семикурсники... Ах вот! Элементный анализ... я помню эти песчинки... они были в пакете для сэндвичей... рений... рений... теперь проясняется... у Лиргерта – брата-физики... Он, видимо, сообщил им... Они попросили рений, но не один арвеартец не стал бы встречаться с девушкой в такое позднее время ради вопросов физики. Подобное исключается. Если мы предположим, что рений уже был передан этим

братьям заранее, возможно, они что-то выяснили... что-то предельно важное... и это – вторая встреча. Её хотят информировать...» Размышляя в подобном роде, Лээст дошёл до комнаты и вывел большую проекцию с общедоступными сведениями на сотрудников института, где работали братья Лиргерта. Лица обоих братьев показались ему знакомыми. Эртебран прошептал:

– Понятно... Они были в «Серебряном Ягоре» и они меня там с ней видели...

Придя к подобному выводу, он отошёл от проекции, прошёлся по кабинету, потирая лоб двумя пальцами и пытаясь себе представить, что могли сообщить Вероне заметившие их вместе физики-арвеартцы: «Сказать о кератомии, как последствии нашей связи? Никак не в одиннадцать вечера. Это и так известно. Здесь что-то другое, думаю... Сценарий возможен следующий. Кто-то из этих братьев мог приехать вчера в Академию за образцами рения. Он узнаёт Верону, затем размышляет сутки и назначает встречу – именно в это время... чем позднее, тем лучше, естественно. И теперь – позиция физиков... Осуждения на их лицах я в „Ягоре“ не увидел. Было скорей понимание. Понимание и сочувствие. Значит исходим из этого. Парни хотят помочь нам. А поскольку в этом семействе все они изобретатели, причём – высочайшего уровня, то речь идёт, по всей видимости, о важном изобретении, которое, по их мнению, необходимо нам жизненно... которое может спасти меня...»

Тем временем Джина Уайтстоун с трудом дождалась проверки – в непрерывном процессе курения, и как только проверка закончилась, отправилась в душевую, где занялась своей внешностью с невообразимой тщательностью, намылившись разными гелями раза на три как минимум. Затем она смыла пену, затем удалила волосы – там, где в её понимании они представлялись лишними, затем обработала пятки при помощи пемзы с щёткой, затем она снова вымылась, затем она вымыла голову, затем нанесла на волосы кондиционер – ванильный, затем он его смыла и нанесла на корни средство для укрепления, затем почистила зубы, затем нанесла на тело масло для увлажнения, затем подпилила ногти и – между делом – разглядывая своё тело в огромном зеркале, думала: «Что он нашёл во мне?! Я – страшная... просто уродливая...»

Все эти процедуры заняли час по времени. Наконец, почти закругляясь – так как делать уже было нечего, Джина подумала с ужасом: «А вдруг это все – напрасно?! Вдруг его там не будет?! Вдруг это было суггестией?!» – и покинула душевую – прекрасная, благоухающая, но абсолютно расстроенная собственными идеями. Постояв у двери с минуту, она, с замирающим сердцем, вошла к себе и зажмурилась. В следующую секунду Эрвеартвеарон Терстдаран схватил её, поднял на руки и понёс на кровать, выговаривая:

– Нет ничего ужаснее, чем ждать, когда глупая девушка придёт наконец из душа! Поверь мне – это мучение! Это просто пытка какая-то!

* * *

Эртебран отключил проекцию, налил себе виски – три унции, и выкурил три сигареты, сидя на подоконнике. Стук в дверь – осторожный – робкий – застал его на четвертой, от которой он тут же избавился и, прошептав: «Наконец-то...» – впустил к себе дочь – продрогшую и сказавшую со смущением:

– Я принесла картину... хотя это не самое главное...

Картина явила следующее – в очень нежной и мягкой тональности: сам он, в футболке, в джинсах, и Верона – на вид – лет двенадцати, сидят на скамейке в парке; Верона что-то рассказывает, а он, улыбаясь, слушает. Эртебран рассмотрел творение, пока ещё не покрытое тонким слоем фиксатора, затем отложил с осторожностью – чтобы пастель не осыпалась, и спросил приглушённым голосом:

– Значит – вот эта сцена, не имевшая места в реальности, и есть твоё самое лучшее воспоминание детства? Самое дорогое тебе?

– Да, – подтвердила Верона. – Нам приснилось тогда. Вы помните?

– Ты знаешь, – сказал проректор, – помнишь о том, чего не было, но что могло бы случиться при иных обстоятельствах, возможно, самое главное. Мы дорожим не событиями. Мы дорожим идеями.

В следующую секунду он уже обнимал её – на пределе своей любви к ней, впрочем, как и она его – минуту-другую-третью... наслаждаясь каждым мгновением, просто осознавая, что отдаёт себя полностью – просто в нём растворяется.

«Вы – океан, я – море...»

Она подняла к нему голову. Лээст какое-то время смотрел сверху вниз – в глаза её, проникаясь её состоянием, после чего – по очереди – поцеловал их с нежностью и предложил внезапно:

– Давай слетаем куда-нибудь. В Игеварт, в «Акцетар», на сутки. Это такая гостиница. Я там встречался с сенатором. Она на море, на острове. Там есть парк с развлечениями. Тебе там должно понравиться.

– Да, – согласилась Верона, – мы слетаем, куда пожелаете, только можно сперва рассказать вам? Мне кажется, это важно... это может иметь значение...

– Можно, – ответил Лээст, после этого взял её за руку, подвёл за собой к камину, кивнул на ковёр перед креслами и произнёс: – Садись-ка. Тебе надо погреться у пламени. А я подогрею кофе. Предчувствие мне подсказывает, что ночь впереди у нас долгая.

Кофе – горячий, крепкий, и жар от камина – газового, согрели её так быстро, что она не успела даже приступить к своему изложению. Лээст, присевший рядом, тоже не торопил её и просто гладил ей волосы, мягко сминая их пальцами – лаская их – насыщаясь – её рядом с ним присутствием.

– Экдор, – спросила Верона, отставляя чашечку в сторону, – вы ведь, наверное, знаете, что у Лиргерта Свардагерна есть старшие братья-физики?

– Да, детка, конечно, знаю.

– Ну вот... – сказала Верона. – И на днях я встретила среднего. Когда мы в лаборатории делали с Джиной анализы... простите, что не сказала вам... это были песчинки с парео... я была в нём во сне, на свидании. И Лиргерт помог с настройками и с элементным анализом, и в песчинках был рений, оказывается, и он позвонил тогда Акерту... это один из братьев... и тот попросил для исследований несколько этих песчинок и приехал за ними вечером. А сегодня, после футбола, Лиргерт опять подошёл ко мне и сказал, что этому Акерту нужно срочно со мною встретиться в конфиденциальных условиях...

– Продолжай, – попросил проректор, когда она замолчала и, склонившись к его ладони, прикинула к ней с поцелуями.

– Да, мой экдор, простите... И я только что с ним встретила. Он передал мне кое-что. У них есть лаборатория, где ставят всякие опыты по проблемам теории поля. И год назад или около в этой лаборатории разработали квердератор. Он выполнен как украшение и блокирует микрочипы. Блокирует их излучение.

Лээст, давно узревший браслет на её запястье – широкий и серебристый, невольно спросил:

– Вот этот?

– Да, – подтвердила Верона. – Образцов они сделали мало и дали этому Акерту то ли два, то ли три браслета, за помощь в изобретении. Он выполнил сплав металла. Это его специфика.

– Так, понимаю. Дальше.

– Произошла утечка. Кто-то проинформировал соответствующий Департамент. Физиков арестовали. Но не экдор Трартесверн, а кто-то из Игеварта. Все образцы изъяли, кроме тех, что имелись у Свардагерна. Его имени не было в списках. Он помогал им тайно и об его участии знал только начальник группы. Всем этим изобретателям сделали кератомию на минус четыре года и дисквалифицировали.

– Ты знаешь, как он работает?

– Активируется биотоками... теми, что на запястье. Когда вы его надеваете, излучение перекрывается.

– Ясно, – сказал проректор. – Дай мне его, пожалуйста.

Браслет скреплялся магнитами. Раскрыв его половинки, Верона сняла кварцдератор и передала проректору. Он взвесил его на ладони, рассмотрел внимательным образом и произнёс с улыбкой:

– Не слетать ли нам в Дублин, Kiddy? С «Акцетаром» ещё успеется.

– Эктор, – прошептала Верона, – скажите, что вы не шутите...

– А когда сигнал прерывается, система не реагирует?

– Они это все продумали. Сбоя не происходит. Система вас просто не считывает, как будто вы в ней остаётесь, но вы в ней не существуете.

– То есть если мы вдруг, к примеру, действительно им воспользуемся и полетим сейчас в Дублин, то это не зафиксировано?

– Нет, – подтвердила Верона. – Эти ребята – гении.

Лэст встал, прошёлся по комнате и сказал: «У меня, между прочим, есть паспорт... настоящий... британский, действующий. Недавно переоформленный. Это мать моя постаралась, через каких-то родственников. Так что летим, дорогая. Оно того стоит, по-моему...»

* * *

Отправив Верону в «*третью*», Эртебран утепился свитером, взял спортивную сумку, засунул в неё ветровку, шапку, очки с перчатками, достал берсеконы из сейфа – пять пачек – в каждой – по тысяче, допил свой остывший кофе и уже через полминуты стучался в комнату к Хогарту – сообщить, что вернётся с Вероной не раньше обеда по времени. Затем он отправил Лиргерту короткое сообщение: «*Завтра меня не будет. Замещаешь меня на занятиях*», – и вскоре уже направлялся – подземельем – к гроту за «Ястребом». Что до самой Вероны, она, добежав до комнаты, оделась в отцовском стиле – джинсы, рубашка, свитер; достала из чемодана тёплую зимнюю курточку и белую шапку с помпонами, затолкала в рюкзак, вместе с варежками, и, сознавая, что в Дублине будет дневное время, взяла кое-что из косметики. Когда всё уже было собрано, она повернулась к Джону – к портрету его – прекрасному, и произнесла: «Спасибо!» В следующую секунду Джон визуализировался – непосредственно рядом с возлюбленной, ахнувшей от неожиданности и с улыбкой сказал: «Принимается!»

– Эктор! – взмолилась Верона. – Я просила вас не встречаться со мной! Папа от этого нервничает!..

– Малышка, поверь, так надо. Я не могу встречаться с ним до двадцать девятого августа. Это в его интересах. И в твоих, и в моих, соответственно. Прошу тебя, не сердись на меня.

Верона только вздохнула, вспомнив слова проректора: «Если он хочет быть с тобой, нам придётся смириться, мне кажется». Джон, осторожным движением, чуть приподнял её голову – под подбородок – пальцами – для нежного поцелуя, уже почувствовав главное – что прощён за своё появление.

– Эктор, – прошептала Верона, когда поцелуй закончился, – он меня ждёт, вы же знаете...

– Пять минут, Малышка, пожалуйста! Я по тебе соскучился! И вот тебе новый «Ангел» и кое-какие мелочи...

На одной из стеллажных полок возникли духи в коробочках – и *Angel*, и *Minotaure*, и, кроме того, наборы с декоративной косметикой, а также большая шкатулка, по виду – тоже хрустальная, как ваза и чайник с кофейником. Согласие было получено. Поцелуи были продолжены. Через пару минут примерно, избавив себя от фреззда – привычным ментальным усилием, Джон произнёс с улыбкой: «Не торопись, любимая. Ты знаешь, чего мне хочется. Если ты будешь опаздывать, я просто верну тебя в прошлое... на столько, на сколько понадобится...»

Таким образом, в час пятнадцать, согласно договорённости, Верона вышла на пристань в смешанном состоянии – глубокой вины и восторженности. Мысли её разлетались, но чувство – самое главное – чувство любви к Эртебрану – пронзительной и отчаянной, напротив, так сконцентрировалось, что даже мешало дыханию. С комом, застрявшим в горле, она подошла к бордюру, наклонилась над чёрными водами и прошептала:

– Боже мой... я просто творю преступление... я не должна любить его... любить его до беспамятства... любить его, как сумасшедшая... И он же всё это видит... и Эркадор тем более... и они ничего не делают...

Лээст, тоже испытывая восторженное состояние, порождённое в нём свободой – дарованной им свободой, освободил свой разум от гнёта мыслей о будущем и жил в тот момент настоящим – прекрасным, ему отпущенным – богом ли, Эркадором – над этим он не задумывался. Спикировав на террасу, он крикнул Вероне: «Сударыня, ваша карета подана!» – и как только она приблизилась, сперва поклонился низко, затем протянул ей руку и сразу сказал: «Утепляемся!» Детская шапка с помпонами, что она надела на голову, умилила его настолько, что он сам застегнул ей куртку – на молнию и две пуговички. Такое же умиление у Лээста вызвали варежки. Пока она надевала их, он натянул свою шапку – чёрного цвета, вязанную, следом надел ветровку, достал из сумки перчатки, за ними – очки – спортивные, и спрятал рюкзак и сумку в большом треугольном ящике.

– Ну всё, – произнёс он, – устраиваемся, и теперь уже не на лавочке. Проходи на корму, пожалуйста.

На корме они сели рядом. Лээст надел перчатки и произнёс с улыбкой: «Скорость будет большая. Придётся лечь, моё солнышко». Верона только кивнула и сменила своё положение. Эртебран опустил рядом и шепнул, беря её за руку: «Так ты ещё не летала. Приготовься, моя хорошая». В следующую секунду «Ястреб» взлетел над пристанью, набрал высоту – предельную, развернулся в нужную сторону, застыл на одно мгновение и рванулся вперёд – с такой скоростью, с какой не летал до этого. Разрываемый лодкой воздух засвистел ультразвуком – вибрирующим. Верона, сперва почувствовав, как тело её вдавило, ощутила слабость – безмерную, и тут же головокружение, сменившееся внезапно пустотой в голове – пульсирующей, что означало единственное – скорость стабилизирована.

* * *

На полёт до портала на «Ястребе» у Лээста и Вероны ушло полчаса по времени. Ощувив, что пора замедляться, проректор убавил скорость, осмотрелся, сориентировался и сказал: «Ну всё. Приземляемся». Верона села со стоном, сжала виски ладонями и спросила осевшим голосом:

– Эждор, вы всегда так летаете?

Глазам её в эти секунды уже представляли скалы – заострённые и высокие, над ними – густое небо, украшенное созвездиями, и перед скалами – море, так же глухо рокочущее, как море у стен Коаскиерса. Лээст пожал плечами:

– Не всегда, но бывает, Kiddy. Ты тоже будешь когда-нибудь.

Широкий уступ приблизился. Лодка коснулась поверхности. Верона, сняв с себя шапочку и сдвинув очки на голову, посмотрела на звёзды – сияющие, и тут же следом услышала, как отец говорит ей:

– Медведица... Ursa Major – Большая Медведица. Альфа – Дубхе. Мерак и Фекда, Мегрец, Алиот с Мицаром, и Алькаид – последняя. Ты видишь Алькор?

– Конечно! «Алькор» по-арабски – «Забытая». Они там в одной системе. Два Алькора, четыре Мицара.

– Да! – рассмеялся Лээст. – Мне и учить тебя нечему! Ты сама уже всё это выучила!

Верона шмыгнула носом, уже не справляясь с эмоциями, а он, приобняв её плечи, прошептал:

– Ничего, не страшно. Слышишь, Kiddy? Не страшно, что выучила. Повторение не возбраняется... особенно в нашем случае...

Верона, услышав это, заплакала в голос, не сдерживаясь, и когда он спросил: «Ну что ты?! Kiddy, не надо расстраиваться!» – прорыдала:

– Экдор, п-простите меня... но вчера я это подслушала!.. как вы говорили с родителями!.. я теперь знаю, кто вы!.. и Эркадор сказал мне!.. он сказал, что я буду помнить... буду помнить по вторник... включительно!.. он с-сказал – у вас есть причина, по которой вы это скрываете, но д-двадцать девятого августа вы сами мне всё расскажете!.. и я ему обещала... он просил, чтобы вы не догадывались!.. но я не могу так больше!.. я не могу вас обманывать!.. я не могу говорить вам «экдор Эртебран», понимаете?!!

Лээст, дрожащими пальцами, достал зажигалку и *Marlboro*, закурил, отвернулся в сторону и глухо сказал: «Прости меня».

Так протекла минута. Верона горестно плакала. Эртебран курил, успокаиваясь. «Пусть, – думал он. – Все правильно. Нельзя лишать её права... права быть моей дочерью. Он знал, что она не выдержит. Он знал, что она признается мне. Он дал нам эту возможность... и у нас ещё столько времени... Великий Экдор, спасибо вам... примите мою признательность...» Кинув окурок в сторону, он встал, наклонился к дочери, помог ей подняться на ноги и произнёс:

– Послушай. У нас ничего не меняется. Не меняется, кроме единственного. Твоего ко мне обращения.

XXVIII

На портале всё было по-прежнему, с одной существенной разницей, что теперь возле бара присутствовали эртаоны второго уровня – двое – в кофейных фрезздах, встретивших Лээста с дочерью почтительными поклонами. Верона присела в книксене. Лээст встал на колени и сразу услышал приветствие: «Экдор Эртебран, Дэара, мы счастливы лицезреть вас! Пожалуйста, проходите! Валюта уже обменяна!»

– Спасибо, – сказал проректор и повёл Верону – смущённую – к двери с резными узорами.

Переход сквозь пространство и время был недолог – в их восприятии. Коридор с кирпичными стенами, лазуритовое свечение, та же дверь – чуть-чуть приоткрытая, но теперь в ином измерении. Паб был пуст – эртаоны отсутствовали, зато на старинной стойке, рядом с высоким подсвечником, стояли две чашки кофе и блюдо с коричневыми плюшками.

– Смотри-ка! – воскликнул Лээст. – Вот это кстати, по-моему! Давай-ка садись! Подкрепимся! Я, если честно, голоден. После футбола особенно. И что ты скажешь про Девидсона? И что у него с Геретой? У них – серьёзно, мне кажется?

Пока Лээст пил кофе с дочерью, обсуждая ардора Девидсона, к порталу, на средней скорости, направлялся на «Ястребе» Джошуа, решивший после проверки немного развеяться в Дублине. Так он, во всяком случае, сообщил профессору Джонсону, но на деле в планы астролога входило нечто существенное – наведаться в дом в Лисканноре и познакомиться с матерью, согласно идее Хогарта, своей ученицы из Гамлета. Ответственность за занятия Джош возложил на Марвенсена.

После кофе и свежих булочек, Верона пошла в туалетную, причесалась, слегка накрасилась и обрызгала себя «Ангелом», а экдор Эртебран тем временем, посещая соседнюю комнату, скурил одну сигарету, пригладил ладонью волосы и сказал себе, глядя в зеркало: «Вот так это всё начиналось и вот так это всё закончилось...»

Покинув *Nook at O'Connell*, они с минуту осматривались. Проректор, слегка прищурившись, вбирал в себя всё увиденное – дома, витрины и вывески, машины, тумбу с афишами, фонари и лица прохожих, облака, плывущие по небу. Вдали проехал автобус, пальнув выхлопными газами. «Ну вот! – Эртебран рассмеялся. – Я смотрю, в отношении транспорта у вас ничего не меняется!»

– Не совсем! – возразила Верона. – У нас появились машины, заряжаемые электричеством. Двести миль на одном заряде. Подзарядка – час или около. Это – прогресс, по-моему!

Лээст поцеловал её, согласившись: «Прогресс, разумеется!» – и сразу спросил:

– Что делаем? Пройдёмся по магазинам? Или сперва пообедаем? Я знаю один ресторанчик. Он в паре миль отсюда, но качество там отменное. Было, во всяком случае.

– В ресторан! – поддержала Верона. – Мы точно с вами голодные!

Такси, что они поймали, повезло их в южную сторону, а минуту спустя примерно к приметной двери портала, либо лучше сказать – приметной, для имеющих право доступа, подошла с саквояжем Режина – взволнованная, встревоженная и предельно обеспокоенная.

– Ну вот я и здесь, – прошептала она.

Затем, потянув за ручку, она отворила створку и вошла, опасаясь худшего – что сейчас её кто-нибудь выставит, но внутри оказалось пусто, хотя ощущались запахи – и кофе – недавно сваренного, и едва уловимого «Ангела». Осмотревшись – на стены с каминами, на горящие ярко факелы, на столы с большими столешницами, Режина подумала: «Странно. Где-то я уже всё это видела...» – и, приблизившись к барной стойке, осторожно сказала:

– Здравствуйте...

Ответом было молчание.

Верона и Лээст тем временем ехали к *Rustic Stone*. Водитель – морщинистый, рыжий, по возрасту – лет пятидесяти, и, видимо, разговорчивый, спросил у них первым делом:

– А вы – туристы, наверное?! У нас здесь полно туристов! Каждый второй приблизительно!

– Да, – подтвердил проректор.

Водитель не успокаивался:

– А откуда? Видать, из Англии?

– Да, – сказал Лээст, – из Лондона.

Таксист с минуту помалкивал, а затем, посмотрев на проректора – на его отражение в достаточно мутном зеркале, вдруг поинтересовался:

– А ты в актёрах, наверное? Или на телевидении?

– Нет, я – химик. Профессор в колледже.

Таксист помолчал немного, обрабатывая информацию. Его взгляд перешёл на Верону:

– А дочурка, наверное, учится?

– Медицинское отделение.

– Дочка одна?

– Угадали.

Таксист покивал с пониманием:

– Значит всегда в любимицах! А у меня их пятеро, – на этом он засмеялся. – Вот наплодил, называется! Колледж-то им не светит! Две уже при работе, одна дома сидит – беременная, с младшей пока что возится, той три недавно исполнилось, а ещё одна в пятом классе! У неё вон сейчас каникулы! Целый день пропадает с мальчишками! До ночи не появляется!

Рассказ его после этого сместился к проблеме заработка. Верона, почти не слушая, смотрела в окно – на улицы, заполненные прохожими, а Лээст держал её за руку и вставлял в монолог таксиста редкие комментарии. Наконец, возле *Rustic Stone*, машина остановилась. Получив от «туристов из Англии» щедрые чаевые, водитель извлёк из кармана самодельного вида карточку и вручил её в руки профессора:

– Это моя визитная! Эскрах! Эскрах Маккеон! Там телефон записан! Если чего, звоните! Можно в любое время! Я повожу вас со скидочкой!

– Непременно! – ответил Лээст и спрятал визитку Эскраха в своём арвеартском бумажнике.

* * *

Через сорок минут после этого Джошуа – озадаченный – приземлился бок о бок с тем «Ястребом», что тоже был из Коаскиерса – судя по ярким символам и тёмному цвету паруса, шагнул в него, осмотрелся, переступил через лавочки и, оказавшись у ящика, прошептал: «Я не верю. Не может быть...» – уже осознав, что на лодке прилетели Верона с проректором. Подтверждение было найдено – спортивная сумка Лээста, его свитер, его ветровка, его очки – горнолыжные, плюс девичья зимняя курточка, детская шапка с помпонами, ещё один свитер и варежки.

– Да-а... – сказал Джош в задумчивости. – Он что, получил разрешение? С помощью Трартесверна? Тот его отключил, получается? Вывел его из системы? И не просто так, по всей видимости. Вероятно, в обмен на лечение... Или даже на что-то большее...

Образ того, как Лаарт – в доме эктора Неварда – говорит Вероне у лестницы: «Нет. Вам стоит остаться здесь и поговорить с проректором...» – вспыхнул в его сознании с чувством вновь обострившейся ревности. Следом он тут же вспомнил танцы в «Серебряном Ягоре». «Бог мой, – подумал он в ужасе, – а что, если Трартесверн собирается к ней посвататься?! В октябре будут перевыборы, он станет вице-сенатором, а затем, возможно, сенатором. Позиция очень внушительная... Внушительнее не придумаешь, и тем более он ей нравится... неотёсанный...

примитивный... но в этом как раз заключается секрет его привлекательности...» С возросшей в душе решимостью опять внести изменения в существующую действительность, Маклохлан рванулся к двери и, оказавшись в пабе, сразу встал на колени, согласно известной традиции. Два эртаона за стойкой продержали его с минуту, после чего, поздоровавшись, разрешили проследовать далее. Джош прошёл коридором, залитым синим свечением, уткнулся в дверь со щеколдой и открыл эту дверь с той мыслью, что Верона могла специально пригласить Эртебрана в Ирландию, чтобы представить матери. «Проклятье!!! – подумал Джошуа. – Если мать её встретится с Лээстом, она к нему сразу проникнется... и тогда мне уже не удастся склонить её в оппозицию...» Мысли его оборвались. Он чуть не сказал: «Верона?!» – узрев курящую девушку – прекрасную, черноволосую – в свете свечей с подсвечника и ярко горящих факелов, но моментально осёкся, успев разглядеть различия. Незнакомка за барной стойкой была смуглее Вероны, глаза её были тёмными и смотрелась она чуть старше, но в целом общее сходство оставалось весьма значительным. При виде вошедшего Джошуа она поднялась со стула, затушила окуроч *Capri* в красивой хрустальной пепельнице, поправила длинные волосы и чуть слышно сказала: «Здравствуйтесь» – выдавая своё смущение.

– Добрый день! – Поздоровался Джошуа. – Простите, а что вы здесь делаете?!

– Курю... то есть жду кого-нибудь...

Джош приблизился к ней – поражённый – поражённый её присутствием, её красотой – редчайшей, по силе своей – пронзительной, и больше всего поражённый её сходством с любимой им девушкой. Бровь его изогнулась:

– Не Верону Блэкуотер, случаем?! – спросил он в нервной тональности, думая: «Сестры, наверное. Кузины по меньше мере. Ей двадцать пять от силы. Жаль, не альтернативщица...»

В тёмных глазах незнакомки отразилось недоумение:

– Простите, а вы её знаете?

Маклохлан извлёк «*Парламент*», достал сигарету, помял её, закурил и ответил:

– Естественно!

– Значит, вы – из Коаскиерса?

– Мы тут все из Коаскиерса. Я – Джошуа Брен Маклохлан. Преподаю астрологию. Верона – моя студентка. Можно сказать, что лучшая. А вы с ней в каких отношениях? Не ошибусь, если в родственных?

Режина, подумав: «Ну надо же! Маклохлан своей персоной!» – ответила:

– Да, естественно. Я – Режина Авейро Ледо. Я снимаю ваш дом в Лисканноре.

– Как?! – поразился Джошуа. – Так вы – её мать, получается?!

Режина, достав сигарету, тоже её помяла, пока Джош извлекал зажигалку и нервно чиркал колёсиком, после чего прикурила и наконец ответила:

– Просто я выгляжу молодо. Не обращайтесь внимания и считайте, что мы познакомились.

– Считаю! – воскликнул Джошуа. – Вы выглядите потрясающе!

– Да уж, – сказала Режина.

Джошуа засмеялся, более чем обрадованный всей этой ситуацией и, возвращаясь к теме, снова спросил, присаживаясь:

– Так значит, вы её ждёте?

– Нет, – сказала Режина. – Просто нам надо увидеться, но я, если честно, не знаю, как я могу найти её.

Джош немного подумал, продолжая, невольным образом, любоваться и очаровываться:

– Значит, вы с ней не сговаривались, что встретитесь здесь, на Аби?.. И, значит, она не в курсе, что вы сейчас здесь находитесь?

– Нет, – подтвердила Режина. – Я только что с самолёта, первым рейсом, из Португалии. Пришла сюда по наитию. Ну вот, и не зря, получается.

– Так, – сказал Джош, – понятно. Тогда у меня предложение. У меня здесь квартира в центре. Предлагаю оставить вещи, потом пообедать где-нибудь и можно решить тем временем, как вам лучше связаться с ней.

– Окей, – согласилась Режина.

Джош загасил окурок, взял саквояж за ручку и произнёс:

– Пойдёмте. Портал – не такое место, где стоит долго рассиживаться. И мне есть о чём рассказать вам. Это как раз касается ситуации с вашей дочерью...

* * *

Забрав Режину из паба, он вышел на Abbey Street Lower – со словами: «Тут рядом в принципе, но на такси предпочтительнее», – и махнул проезжавшей машине – чёрной, с жёлтой полоской, что тут же притормозила и водитель – рыжий, морщинистый, произнёс с большим удивлением:

– Вот чудеса какие! Я час назад примерно с этого самого места уже забирал пассажиров! Это были туристы из Лондона! Девушка – ваша копия! Только глаза другие – какие-то светло-ореховые...

– Что?! – поразилась Режина.

«Проклятье!» – подумал Джошуа и поспешил вмешаться – с использованием суггестии:

– Вероятно, вам просто привиделось! Какие тут могут быть копии?! И вообще, поезжайте дальше! Мы никуда не едем! Мы уже передумали!

Водитель пожал плечами, не вполне поддаваясь суггестии, поскольку Джошуа – нервничая – не сумел до конца сконцентрироваться, и произнёс: «Как знаете, но мне ничего не привиделось. У меня, между прочим, на лица память очень хорошая. Девушке – лет восемнадцать, а отцу лет сорок, наверное. Хотя выглядит очень молодо, лет на десять моложе возраста. Он – химик, профессор в колледже. Очень такой выразительный. Я даже сперва подумал, что он – из артистов каких-нибудь. Очень такой заметный. Такие редко встречаются. А она – студентка, понятно? Медицинское отделение. Я с ними разговаривал. Я им даже дал свою карточку».

– Отцу? – прошептала Режина, хватаясь рукой за Маклохлана. – Вы сказали: «Отцу»?! Вы уверены?!

Джош едва не схватился за голову – в состоянии полной паники.

– Да, – подтвердил Маккеон. – Он даже сказал, между прочим, что дочь у него – единственная. Очень красивая девушка. И на вас она очень похожая. Я бы даже подумал – сестры. Но она и с отцом похожая. И манеры у них одинаковые.

– Мой бог... – простонал Маклохлан, наконец осознавший истину.

Режина, едва не падая, взмолилась: «Прошу вас, поехали!»

– Куда?! – спросил Маккеон.

– Туда, где вы их оставили!

* * *

Верона, чьи ощущения менялись с каждым мгновением, осознала к тому моменту, когда выбрала сладкое – тирамису – классическое, что не помнит об Арвеарте и пребывание в Дублине вместе с отцом – счастливым, почти непрерывно смеющимся, кажется ей естественным – словно так оно и должно быть. Коаскиерс, эртаоны, Эркадор, порталы и «Ястребы» – всё это вдруг осело на самое дно сознания и казалась ей сновидением – интригующим и возбуждающим, но только лишь сновидением, а не частью её реальности. Реальной была Ирландия, шумный солнечный Дублин, такси, что пропахло куревом, ржавопенный и горький «Гиннесс» и тарелка с тушёной бараниной. «Я не хочу возвращаться» – думала она с болью, порождённой тем осознанием, что судьбы не выбирают и что надо смириться с мыслью, что всё это прекратится, прекратится довольно скоро, и что счастье их – на исходе, и отец её снова станет всего

лишь «эксдором проректором», которого она любит, но любит не так, как ей следует, и что двадцать девятого августа случится что-то ужасное. Слова его – в том видении, когда он говорил ей, плача: «Детка моя, прости меня... Прости меня, моё солнышко...» – вернулись к ней – тем ощущением, что с ним вдруг случится что-то – что-то непоправимое, и что он это знает заранее.

– Давайте мы здесь останемся... – предложила она – еле сдерживаясь – от слёз, уже накопившихся.

Лээст взял её руку – взял за тонкие пальчики, прижал их к губам на мгновение и произнёс, отпуская: «Сколько мы шли с тобой к этому? всю нашу жизнь, наверное?»

– К чему? – прошептала Верона.

В глазах его – просто бездонных – наконец проявилось отчаяние:

– Малышка моя, прости меня...

– За что? – прошептала Верона.

Эртебран, у которого в принципе на исходе была вся жизнь, и который – на этом исходе, хотел одного единственного – в чём теперь видел смысл – наполнить её ощущением, самым простым по сути – отцовства, хотя бы призрачного, нахмурился и ответил:

– За то, что не смог удержать её. Позволил вернуться в Америку.

Минута прошла в молчании. Наконец Верона спросила:

– Вы до сих пор её любите?

Лээст, не отвечая, закрыл пол-лица ладонью. Плечи его задрожали. Лондон, «Глобус», Режина – оступившаяся, побледневшая – теряющая сознание – от любви – безумной, обрушившейся – всё это кануло в прошлое – счастье его, мечты его, слова её: «Генри, любимый мой... единственный мой... прекрасный мой...»

– Нет, – прошептала Верона, – папа, не плачь, прошу тебя.

Лээст вытер глаза – покрасневшие, высморкался в салфетку и ответил:

– Любовь к твоей матери – это всё, что меня удерживало... не прекратить всё это... до твоего появления... Но это не то, разумеется. Не то, что ты хочешь услышать. Да, моя золотая, я до сих пор люблю её, люблю её больше жизни и буду любить до последнего.

* * *

В машине астролог – смятённый, принялся размышлять лихорадочно, обязан ли он в этом случае ставить Режину в известность, что отец Вероны «Блэкуотер» – Эртебран, проректор Коаскиерса. «Кошмар! – думал Джош. – Что делать?! Теперь понятно, естественно! Теперь-то она действительно – „достояние Арвеарта“! И Трартесверн – в курсе! А мы – дураки! „Племянник“! Мозгов у нас – на копейку! Мы же прекрасно знали, что Лээст болтался в Лондоне лет двадцать назад или около! И не смогли додуматься! Нет, говорить не буду! В такое лучше не вмешиваться! Пусть разбираются сами! А то если я вдруг скажу ей, у неё случится истерика. Да и Лээст потом прийдёт меня. Сообщу ей про Наблюдателей. Можно как-нибудь выкрутиться. Насочинять ей что-нибудь...»

Что до самой Режины, то она, растеряв все мысли, просто шептала судорожно:

– Святая Дева Мария... Пресвятая Мать Богородица...

«Да уж, – думал Маккеон, – везёт мне на пассажиров! Ну и денёк сегодня! Просто кино какое-то!...»

В ресторане Режина бросилась к дежурному администратору и плача, уже не сдерживаясь, после того, как увидела, что дочь её в зале отсутствует, равно как Генри Блэкуотер, – из имеющихся посетителей, принялась у него расспрашивать:

– П-простите, сэр, вы их видели?! Д-девушка лет восемнадцати! Мы с ней п-похожи внешне! И м-мужчина – блондин, высокий! Скажите, они сидели тут?!

Администратор – опешивший, ответил: «Ну да, по-моему. Но они уже расплатились. Минут десять назад приблизительно. Позвать вам официанта? Я знаю, кто их обслуживал. Он мог бы сказать вам что-нибудь...»

Маклохлан, нервно подёргивающийся, вытащил пачку «*Парламента*», сказал: «Простите, пожалуйста, я покурю за дверью, пока вы с ним разговариваете», – вышел из ресторана и закурил – с той мыслью, что Лээст скрывает правду именно из-за Режины, поскольку расстался с ней в прошлом – просто бросил, по всей вероятности, а теперь боится, что дочь его не простит его за предательство.

Официант, подошедший и предупреждённый заранее, о ком его будут расспрашивать, сходу сказал, поздоровавшись: «Они здесь сидели, всё правильно. Она заказала баранину, а он взял рыбу с картофелем. И ещё они пили пиво. Сначала у них настроение было вроде нормальное, но он потом сильно расстроился. Даже заплакал, мне кажется. И она потом тоже заплакала. К десерту они не притронулись...»

– А как она обращалась к нему? – спросила Режина. – Вы слышали?

Официант подумал: «Почему они все рыдают? Может быть, умер кто-нибудь?» – и ответил:

– Да как? Обычно. Как к отцу. То «папа», то «папочка», а он к ней всё время – «детка», и разок «Верона», по-моему. А вы сами кем им приходитесь?

– Кем? – повторила Режина. – Я не знаю... Никто не знает... – и, отвернувшись, вышла – покинула *Rustic Stone*, оставляя официанта, равно как администратора, в полном недоумении.

Оказавшись на улице с Джошуа, она закурила *Capri* и спросила с долей агрессии:

– Почему вы сказали водителю, что мы никуда не едем, и то, что ему показалось, что мы с ней являемся копиями?!

Джош затушил окурок в высокой уличной урне, предназначенной для курильщиков, вздохнул и ответил:

– Простите меня. Может, выпьем где-нибудь? Забросим ваш чемоданчик, как порешили до этого, а потом я скажу, что знаю. Новости не из лёгких, так что виски не помешало бы.

* * *

Долго, почти до заката, Лээст с Вероной – счастливые, просто бродили по городу. Бродили, не разговаривая. Слова потеряли смысл. Смысл был в единении. Верона, чьё ожидание, бесконечное ожидание почувствовать себя дочерью, сбывалось теперь таким образом – что отец её просто ходил с ней, просто держал её за руку – продолжала – с каждой секундой – ставить кресты на прошлом – на том, что разъединило их, а сам он – с каждой секундой – ставил кресты на будущем. Глядя в глаза его – синие, глядя на светлые волосы, теперь уже растрепавшиеся, на губы – слегка обветренные, на ворот его рубашки, на рукава – подвёрнутые, на руки с длинными пальцами, на джинсы его – заношенные, на обувь – почти армейскую – грубую и запылённую, любя его всем существом своим, всеми своими клеточками, она винила единственного – винила за это прошлое Аркеантеанона Первого.

На закате, багрово-красном, они вышли к морю – чернеющему, и долго шли вдоль по набережной – мимо портовых пирсов, мимо причалов с кранами. Баржи на горизонте, белые пароходики – пассажирские, грузовые – все это стало затягиваться – размытой туманной дымкой – тяжёлой и быстро сгущающейся. Когда темнота сгустилась, вперемежку с ветром и холодом, Лээст сказал: «Малышка, пора возвращаться, наверное».

– Нет, – возразила Верона. – Что, если мама приехала? Вдруг она уже в Дублине? Вдруг она в той же гостинице, в которой мы останавливались?

Лээст, не отвечая, махнул такси – проезжавшему, и уже оказавшись в машине – в теплом салоне с музыкой, сказал молодому водителю:

– «Грэшем Отель», пожалуйста, – а затем, повернувшись к Вероне, добавил: – Ты знаешь, я думаю, что если мы снова встретимся... если она приехала... это будет прямым вмешательством эртаона первого уровня...

Джош, отпустив Маккеона возле красивого здания – старинного, пятиэтажного, поднялся с новой знакомой по лестнице, устланной ковриками, до квартиры по левую сторону на предпоследнем уровне, и уже в прихожей – просторной – предложил: «Может, чаю? По чашечке...»

– Нет, – усмехнулась Режина, – лучше сразу бренди по рюмочке.

Джош посмотрел внимательно на то, как она разувается – снимает танкетки – плетёные – из каких-то простых верёвочек, затем посмотрел на лицо её – застывшее – напряжённое, и галантно сказал:

– Вы знаете, бренди не обещаю, но ирландский виски имеется, причём – превосходного качества.

На кухне – огромной – светлой, с дорогой итальянской техникой, Режина прошла к подоконнику с одиноко стоящей пепельницей, а Джош – из бара – настенного, извлёк драгоценный *Middleton* – двадцатиоднолетней выдержки, взял стаканы из ариса и спросил:

– Вам со льдом, наверное?

– Как себе, – попросила Режина. – В том, в чём я мало смыслю, я не страдаю взыскательностью.

Джош произнёс: «Понятно», – затем подошёл к холодильнику, насыпал льда по стаканам, после этого вскрыл бутылку, разлил – с завидным изяществом, и тоже прошёл к подоконнику – к окну с вертикальными жалюзи. Режина глотнула *Middleton* – золотистый и обжигающий, в который раз говоря себе: «Нет, не я сплю. Это – правда. Это всё происходит в действительности», – и сказала:

– Так что там? Рассказывайте. Генри жив. Для меня это главное. Отталкивайтесь от этого.

Джош закурил «*Парламент*», силясь понять единственное – как Лээст сумел оставить её – бросить её – забеременевшую – безумно в него влюблённую – юную и прекрасную, и поскольку ответа не было, вздохнул и спросил:

– Наблюдатели... Вы когда-нибудь о них слышали?

– Да, – подтвердила Режина. – Доходили какие-то сведения, но мало в чём состоятельные.

– Ну так вот, – сказал Джош, – понимаете... Верона – альтернативщица. Я – тоже альтернативщик. В принципе нас немного, если судить по статистике, и всех нас роднит единственное...

– Что ваши отцы – Наблюдатели?

– Да, – произнёс Макклохан. – Наши отцы – Наблюдатели. Эртаоны третьего уровня.

– Нет, – возразила Режина, – нет... это всё не сходится. Он был обычным физиком. У него была тётя в Лондоне. Я встретила с ним на «Гамлете».

Джош выпустил струйку дыма, подумав: «Господи, боже мой... Эртебран – ты скотина... сволочь... Кинуть её с ребёнком и спокойно жить после этого», – затем обратился к виски – теперь уже чуть охлаждённому, и произнёс:

– Конечно... в этом вся их особенность... эртаонов третьего уровня. Они среди нас маскируются. Обзаводятся разными родственниками, различными специальностями. Он – то физик, то – химик, видите?

– «Эртаоны», – сказала Режина. – Объясните мне обстоятельней. С этим термином я не сталкивалась...

* * *

Подъехав к *The Gresham Hotel*, эктор Эртебран с Вероной прошли через двери – стеклянные – к стойке администраторов, и Лээст, дождавшись возможности, попросил: «Проверьте,

пожалуйста. Нет ли среди проживающих Режины Авейро Ледо? Американский паспорт. Тридцати восьми лет от рождения...»

– Да, – вмешалась Верона, – помните, мы останавливались в двадцатых числах июня, а потом почти сразу выписались?

– Помню, – сказал дежурный. – Ваша мать появлялась сегодня, где-то в начале третьего, и попросила комнату, но у нас сейчас всё забронировано. Мы извинились, конечно. Предложили ей бронь с понедельника, но она сказала: «Спасибо», – и сразу ушла после этого.

– Чёрт... – прошептал проректор.

– Куда? – спросила Верона.

– Не в курсе, – сказал дежурный. – Но швейцар вам подскажет, я думаю. Она, когда вышла отсюда, обратилась к нему с расспросами. Она была в чёрных джинсах и в чёрной рубашке на молнии. И ещё саквояж на колёсиках... такой – очень яркий – оранжевый.

Швейцар – молодой мужчина с эффектными бакенбардами, продолжавший глазеть на Верону с момента её появления, ответил с большой готовностью:

– Да, я запомнил, естественно! Она сперва покурила и вид у неё был расстроенный. Такой... удручённый, знаете? Это – ваша сестра, наверное? Она пошла в левую сторону.

Эртебран, в тот момент закурывающий, опередил Верону и сказал: «Не „сестра“, представьте себе! Вот вам четыре Евро, остальное вас не касается! Спасибо за информацию!»

Швейцар проследил с интересом, как мужчина с юной красавицей удаляются в направлении всё той же Abbey Street Lower, теряясь в толпе прохожих, наводнивших вечернюю улицу, и пробормотал: «„Представьте себе...“ А кто тогда, интересно? Скажете – „мать“? Сомнительно. В чём смысл меня обманывать? Неужели что-то серьёзное? Что-нибудь криминальное? Да-а... При подобной внешности такое неудивительно...»

– Ну что? – спросила Верона, когда Лээст, заметно встревоженный, избавился от окурка и снова достал сигареты, пытаясь занять себя чем-нибудь – чем-нибудь отвлекающим.

– Ничего, – сказал Лээст. – Я думаю. Она пошла в паб на Abbey. Возможно, была допущена. Провела там какое-то время. Вопрос – что случилось дальше. В принципе мы не торопимся. Давай мы зайдём куда-нибудь, в какой-нибудь «Маркс и Спенсер», и купим себе по джемперу, а то становится холодно. Потом мы позвоним Маккеону. За несколько сотен Евро он нас покатает по городу... по периферийным гостиницам.

* * *

Бутылка ирландского виски оказалась исчерпанной полностью к половине шестого вечера, одновременно с историей об эртаонах-Создателях, которую Джош представил в том интересном ракурсе, при котором отцы-Наблюдатели оказались весьма специфическими коварными соблазнителями.

– Представьте, все наши матери, – говорил он с большим убеждением, подытоживая историю, – несчастные бедные женщины, на чьи плечи легла забота об этих невинных отпрысках, детях-альтернативщиках, чьи отцы равнодушны полностью к их карьере, к их жизни, к их будущему! Наши отцы отвернулись от нас! И, возможно, мистер Блэкуотер не является исключением!

– Простите, – сказала Режина, – но он ведь встретился с дочерью. Как я могу после этого упрекать его в равнодушии?

– Мы не знаем причин этой встречи! – парировал бедный Джошуа, толком уже не знающий, как ему изворачиваться и чем это всё закончится. – Допустим, что он, возможно, проявил заинтересованность, с учётом её талантов, можно сказать – выдающихся, но, поверьте мне, всё её будущее нисколько не будет связано ни с господином Блэкуотером, ни с прочими Наблюдателями! И, кроме того, я надеюсь, что вы ей внушите как-нибудь, что ей не стоит в дальнейшем связывать свою жизнь с непосредственно с арвеартцами! К ней там уже присматриваются

некоторые сенаторы, самые реакционные, но знайте, для альтернативщицы брак с арвеартцем – трагедия! Её натурализуют! Введут микрочип в подкорку! И вы больше её не увидите! Арвеартцам, согласно закону, запрещается категорически покидать свою территорию! Под угрозой стирания памяти!

Режина, все мысли которой вращались вокруг единственного – того, что Верона и Генри в тот момент находились в Дублине, не особенно реагировала на джошевские излияния, помня о Джоне Смите – согласно обычной логике – эртаоне второго уровня, и о его уверении: «Со мной она будет счастлива...»

– Я, если честно, уверена, что Верона сама способна определиться с будущим. И, кроме того, мне кажется, вы несколько преувеличиваете проблему натурализации.

– Посмотрим, – сказал Маклохлан. – Моё дело – предупредить вас. Это – моя специальность – просчитывать чьё-то будущее. И у меня, поверьте, развита интуиция. Для неё опасность исходит от общения с арвеартцами. С теми, кто старше по возрасту. С теми, кто видит в ней женщину, но мало себе представляет, что она обладает способностями, не имеющими аналогов.

Затем, подойдя к подоконнику, он провёл указательным пальцем по тонким рёбрышкам жалюзи и когда они закачались, добавил: «Мне часто кажется, что эта её импульсивность мешает ей анализировать... делать какие-то выводы... проявлять своё благоразумие... Но я, конечно, надеюсь, что она будет счастлива в будущем... Верона достойна лучшего... И если она однажды обратит свой взгляд в мою сторону... я сделаю всё возможное...»

– Ну что ж, – усмехнулась Режина, – ваша искренность мне импонирует, как и то, что вы влюблены в неё и не скрываете этого.

Джош обратился к «*Парламенту*», испытывая облегчение и, одновременно с этим, мало-приятно чувство от сокрытия правды – истины – той, что внезапно выяснилась, и с которой ему придётся уживаться каким-то образом.

Режина подумала: «Ревность... ревность – самое страшное. Половина всех его рассказней – чистая профанация. Но к кому он её ревнует? Вряд ли к Генри. И вряд ли к Джону. О Джоне он в полном неведении. К какому-то там „сенатору“? Вот это уже вероятнее. Или к экдору проректору. О нём он, правда, умалчивает. Но это сейчас не важно. Мне надо быстрее увидеться с ней... узнать у неё о Генри... хоть самую малость, хоть что-нибудь...»

– Открываем вторую бутылку? – предложил астролог, докуривая.

– Нет, – отказалась Режина. – Напиваться сейчас не хочется. Мне надо побыть в одиночестве. Чисто психологически, после всего случившегося.

– Да, – сказал Джош, – согласен. Я вас утомил, наверное? Мало вам этого стресса, так тут ещё я с историями и со всякими предупреждениями. Могу предложить вам спальню. Отдыхайте в своё удовольствие.

– Я не хочу вас обязывать. У вас были планы, наверное, пока вы меня не встретили. Можно мне попросить вас найти для меня гостиницу? Полагаю, вы ориентируетесь...

– А Лисканнор? – спросил астролог.

– Я не покину Дублин, пока не увижусь с дочерью.

Маклохлан кивнул с пониманием, на минуту покинул кухню и вернулся с планшетом – эппловским. На выискивание гостиницы ушло полторы минуты, по истечении коих он произнёс:

– Информую. В центре сейчас всё занято. Есть, правда, пара трёхзвёздочных, но я бы их не советовал. Осталась одна окраина. Предлагаю на выбор несколько. Отели четырёхзвёздочные. Первый – на северо-западе...

– Подождите, – сказала Режина. – Найдите мне тот, пожалуйста, который не самый дальний. Который поближе к центру. Район не имеет значения. Я буду платить наличными.

Джош помолчал немного, изучая схему с отелями – не простую, а интерактивную, и произнёс наконец-таки:

– Вот самый близкий, по-моему. «Глайд Корт Отель» на Лэнсдаун. Номер остался единственным. На сколько дней вам заказывать?

– Дней на десять, я думаю. У неё день рождения двадцатого. Я должна в это время быть в городе...

В половину седьмого вечера Режина рассталась с астрологом, отказавшись от предложения «пойти поужинать где-нибудь», и поехала в *Clyde Court Hotel*, а сам он – в тяжёлых чувствах, решил вздремнуть на полчаса. Вернувшись в квартиру с улицы, он сходил в туалет, умылся и отправился спать – с надеждой, что Верона с экдором проректором уже покинули Дублин и летят обратно в Коаскиерс, и что как-нибудь всё устаканится. Думать о чём-то большем сил у Маклохлана не было. Забравшись под одеяло, он сказал себе: «Я женюсь на ней. В этом нет никакого сомнения. Трартесверну она не достанется. Пусть он только попробует... пусть он только осмелится...» – и вскоре уснул после этого – в откровенных мечтах о свадьбе и о брачной ночи – в особенности.

* * *

Отец многочисленных дочек, оставивший Лээсту карточку, получил звонок на свой номер где-то в начале одиннадцатого. Услышав: «Мы на О’Коннелл, угол Аби Стрит Лоуэр. Сегодня вы нас подвозили. Туристы из Англии, помните? Сейчас нам нужна машина. Сто Евро в час гарантируем», – Маккеон подумал: «О господи! История продолжается!» Подъехав по нужному адресу в пределах короткого времени, он сразу узрел на О’Коннелл высокого химика с дочерью и, притормозив у обочины, пригласил их бодрым высказыванием:

– Ночь сегодня прохладная! Вы замёрзли, наверное?! А в машине-то печка работает! Ну давайте садитесь! Поехали!

Когда Лээст с Вероной сели, Эскрах спросил оживлённо: «Ну что, они разыскали вас?!»

– Кто конкретно? – спросил проректор.

– Та красивая девушка! И ирландец при ней! Лет под тридцать! Тут такая вышла история! Только сперва скажите, куда мне теперь везти вас.

Верона перекрестилась.

– Скажем, – сказал проректор, – после того, как выслушаем. От этого может зависеть конечное направление.

– Ясно! – сказал Маккеон. – Значит, не разыскали!

В процессе его рассказа, украшенного деталями и громкими междометиями, Лээст с Вероной молчали и даже не переглядывались, но Верона, взяв его за руку, пару раз прошептала: «О господи», – а сам он – вспотевший, бледный – лишь сжимал её пальцы с силой и в один из моментов зажмурился, когда Эскрах сказал: «Представляете?! Вышла из ресторана и лица на ней нет, словно умер кто! Стоит и курит с носатым, а я-то думаю: „Боже мой! Да что же ей там сказали, раз она в таком состоянии!“»

Когда рассказ завершился, Эртебран произнёс: «Спасибо вам. Везите нас к тому дому, у которого вы их высадили. И вот вам сто Евро, сразу. А дальше уже посмотрим. Посмотрим по ситуации...»

Возле дома, где жил Маклохлан, Маккеон остановился и разъяснил наглядно:

– Вот этот подъезд по центру. Туда-то он и вошёл с ней. У них там консьерж, я думаю. Он вам подскажет, наверное.

– Хорошо, – сказал Лээст. – Ждите нас.

Консьерж – старушка с вязаньем – не особенно разговорчивая, тем не менее среагировала, услышав слова на гаэльском: «Мы ищем Джоша Маклохлана». Она отложила свитер

и вызвала с коммутатора номер квартиры Джошуа. Через тридцать секунд примерно сонный голос ответил: «Слушаю...»

– Джош, – сказал Эртебран, – открывай нам. И оденься сначала. Я с дочерью.

Маклохлан, в полнейшем ужасе, бросился в спальню, оделся и уже через две минуты предстал перед Эртебранами – растрёпанный и растерянный.

– Где Режина? – спросил проректор – в той самой спокойной тональности, что таила в себе очень многое, как знал Маклохлан по опыту – не самому обнадёживающему.

– М-мисс Ав-вейро в г-гостинице, – ответил он полушёпотом.

– Понятно, – сказал проректор. – Не подскажешь нам, в какой именно?

– В «Глайд Корт Отель» на Лэнсдаун, – смятенно признался Джошуа.

– И что ты успел рассказать ей?

Джош отступил немного и сказал: «Проходите, пожалуйста. Не надо стоять в коридоре. Лучше пройти на кухню. Нам лучше присесть, наверное...»

– Хорошо, – согласился Лээст.

На кухне он первым делом посмотрел на стаканы, на пепельницу, наполненную окурками, на пустую бутылку от *Middleton*, после этого вытащил *Marlboro*, сказал Вероне: «Присаживайся», – сам прошёл к подоконнику и закурил – со словами:

– Давай начинай. Мы слушаем.

Джош попросил сигарету и, несколько успокоившись, поскольку успел подумать, что Лээст не будет бить его в присутствии собственной дочери, произнёс – себе в оправдание:

– Мне пришлось поддержать ту версию, что ты – это Генри Блэкуотер... Что ты – Наблюдатель из Англии. Я подумал, так будет лучше. Мне пришлось обобщить, разумеется. Сказать, что альтернативщики все в такой ситуации... что отцы их всех игнорируют... что Верона – не исключение...

– Да? – усмехнулся Лээст. – И ты ей сказал об этом по факту того обстоятельства, что я как раз встретился с дочерью? Сводил в ресторан и так далее?

– Ну-у, – протянул Маклохлан, – я сказал, что бывают случаи...

Эртебран посмотрел на Верону, в ясных глазах которой высветилось выражение, появившееся до этого: «Чего ждать от такого профессора?» – затушил свой окурочек в пепельнице и сказал:

– Ну вот что, Верона. Давай спускайся на улицу. Мы с экдором Маклохланом поговорим обстоятельнее. Я боюсь, что в твоём присутствии он стесняется разговаривать. Потом я поеду к маме, а вы на портал, пожалуйста. Отправляйтесь назад в Коаскиерс. И оставь мои вещи в Ястребе. И пусть Лиргерг меня заменяет до моего возвращения.

Верона встала со стула, подошла к отцу, обняла его, поцеловала в щёку и, посмотрев на Джошуа, буквально позеленевшего, заметила с лёгкой иронией:

– Сэр, а на что вы рассчитывали? Папа уже говорил про вас, что вы – интриган по духу, но не до такой же степени. Вы просто меня поражаете...

* * *

Режина, приехав в гостиницу, получила свой номер, устроилась – разложила вещи по полочкам и, не найдя себе места, попыталась заняться чтением, но уже через четверть часа отложила книгу на тумбочку и отправилась за сигаретами, понимая, что не способна хоть на чём-то сосредоточиться. Купив себе пачку *Capri*, она покурила на улице и пошла в направлении моря – влекомая даже не мыслями, а скорее – просто предчувствиями. Путь, достаточной долгий, мимо домов и парков, коттеджей с красивыми двориками, привёл её к пляжу – песчаному, в это время почти обезлюдившему. Присев на одну из скамеек, она какое-то время просто смотрела на воду – на волны – тяжёлые, чёрные, и на небо с редкими звёздами – куря, растирая слёзы и повторяя: «Любимый мой... Генри, где ты, любимый мой?» – пока наконец

не подумала: «А вдруг они сами искали меня? Искали по разным отелям, пока я была у Джошуа? Они не могли не искать меня, понимая, что я уже в Дублине...» Задрожав от волнения – страшного, она прошептала: «Господи... Господи, помоги мне... Господи, дай мне увидеть его...» – и встав в песок – на колени – прижалась губами к крестику – старинному – португальскому – подаренному ей бабушкой перед отъездом в Ирландию. Вернувшись обратно в гостиницу – в лихорадочном состоянии, она, после душа – горячего, надела старые джинсы и джемпер с глубоким вырезом, закуталась в шаль – ажурную, обулась в танкетки – верёвочные, схватила старую сумочку и оставила *Clyde Court Hotel*.

Возле паба *Nook at O'Connell* ни Вероны, ни Генри не было. Переведя дыхание, Режина перекрестилась и вошла – под звон колокольчика – во внутреннее помещение. Всё так же горели факелы, дрова в каминах потрескивали, мерцали высокие свечи – слабым неровным сиянием. Приблизившись к стойке с подсвечниками, она села на стул – высокий, вытерла лоб ладонью и прошептала: «Боже мой... Он где-то рядом, я чувствую...»

* * *

Покинув квартиру астролога – с рюкзаком, где хранилась косметика и пара вещей – прикупленных, и спустившись обратно на улицу, Верона махнула Маккеону и, присев на бордюр, задумалась: «Папа прав, по всей вероятности. Джон доставил письмо в Португалию, зная, чем это кончится. Он знал, что родители встретятся. Он устроил им эту встречу в качестве компенсации за свои со мной отношения. И папа смирился, по-моему. То есть папа смирился с этим, а Джон, в ответную очередь, предоставил папе возможность оказаться сегодня в Дублине. Но всё равно это неправильно. Ведь Джон ничего не сделал, когда мама вернулась в Америку. А почему он не сделал? Чтобы папа не смог помешать ему? Значит, папа страдал всю жизнь исключительно ради единственного? Чтобы Джон мог спокойным образом заниматься моим воспитанием? И он после этого думает, что я способна простить его? В таком случае, он заблуждается...» – она посмотрела в небо и прошептала:

– Вы слышите? Вы просто играете жизнями в угоду собственным прихотям. И на деле я не люблю вас. Я люблю вас как друга, не более. Вы ведь знаете, что я чувствую? Что с вами я не испытываю чего-то самого главного...

Джон, находившийся рядом, подумал: «Знаю, естественно...»

Верона горько вздохнула и попыталась отвлечься – от печальных мыслей о прошлом на мысли о встрече родителей – пока что несостоявшейся, но уже предreshённой фактически.

Лээст и Джош появились минут через пять после этого. Маклохлан – просуггестированный, смутился при виде девушки, с которой не чаял встретиться в таких необычных условиях. Его бровь моментально задёргалась, а рот слегка искривился, выдавая его состояние. Лээст, взглянув в его сторону, произнёс в деловитой тональности: «Доставишь её до Коаскиерса. Мне надо остаться в Дублине», – а затем, повернувшись к Вероне, продолжил распоряжения:

– Мисс Блэкуотер, напоминаю – в среду – самостоятельная. Если будет такая возможность, помогите Джине, пожалуйста. И готовьтесь к зачёту по Ястребу. Мистер Маклохлан сказал мне, что фигуры уже разучены.

Верона присела в книксене:

– Да, сэр, помогу, разумеется.

– И вот ещё, если помните – у нас репетиция вечером. Поём перед эртаонами. Сами вы справитесь, думаю. Программа почти отработана.

– Да, сэр, – повторила Верона. – Вы не должны беспокоиться.

Эртебран попрощался с астрологом – обычным рукопожатием и, подмигнув своей дочери, переключился на Эскраха, что дымил, приоткрыв окошечко: «Ещё один рейс – последний», – на что Маккеон ответил:

– Сэр, да как пожелаете! По мне, так чем больше, тем лучше! Семья у меня большая! Сами ведь понимаете!

Как только машина отъехала, Маклохлан достал сигареты – лээстовские «*Мальборо*» и закулив с наслаждением, спросил доверительным образом:

– Вы, случайно, не знаете? Он что, получил разрешение?

– Да, – подтвердила Верона. – Не забывайте, пожалуйста, кто он по происхождению.

– Да, – согласился Джошуа, – и при этом связи в правительстве.

Возникла недолгая пауза. Верона зябко поёжилась, поскольку слегка продрогла, невзирая на новую кофточку, и перешла на обочину, давая понять тем самым, что данная тема закончена. Маклохлан тоже поёжился, так как вышел из дома без свитера и, тоже шагнув на обочину, предложил:

– Мисс Блэкуотер, простите меня, но я, если честно, голоден. Поужинать не желаете? Здесь есть ресторан поблизости. Думаю, вам понравится...

Отказа он не услышал, так как Верона, зная, что если мужчина голоден, он становится раздражительным, подумала: «Ладно, поужинаем, а то дело опять закончится реактивным нервозом каким-нибудь. Да и мне, если честно, не хочется возвращаться обратно в Коаскиерс...»

* * *

Джина, проснувшись утром, совсем ничего не помнила о ночи со старшим Куратором – начиная с футбольного матча и обещанного свидания – ни о том, как он страстно любит её, ни о том, что лишилась девственности, ни о том, что её приобщили и одарили бессмертием. Покулив у окна свой *Vogue*, она пошла в душевую – согласно обыкновению, и с ужасом обнаружила странные изменения – причём, довольно пикантные – в самом интимном месте, что вызвало в ней замешательство – сильное и глубокое.

– Мой бог, – прошептала Джина, – но ведь я ничего не делала. Ведь я не сбрасывала волосы...

В результате, совсем разнервничавшись, Джина вернулась в комнату и расплакалась от беспомощности и полного непонимания происходящей действительности.

Точно так же в своей «*четвёртой*» рыдала Герета Травар, так как Томас сказал ей ночью, что подаст на натурализацию и при получении статуса сразу же будет к ней свататься и, больше того, рассчитывает, что отец её даст согласие. Таким образом, слёзы Гереты объяснялись иными причинами – во-первых, она была счастлива, а, во-вторых, боялась, что Томасу будет отказано, несмотря на его положение – чемпиона по тоггерсвулту и медитерала с баллом за восемьсот по Эйверу.

Марвенсен в это утро проявил большую ответственность и стал раздавать задания весьма повышенной сложности, в отличие от Свардагерна, заменяющего проректора.

Джимми, уже не помнивший о словах Эктора Терстдарана – о сделанном им внушении на предмет отношения к девушкам, тем не менее оставался под известного рода воздействием и удивил в то утро всех своих однокурсников – вежливым поведением и новой стилистикой речи, несколько ему не свойственной. Меньше всех удивилась Терна, так как Джимми сказал ей за завтраком – в очереди на раздаче:

– Терна, прости пожалуйста, если я в последнее время обидел тебя хоть чем-нибудь. Ты ведь знаешь, как я отношусь к тебе...

– Не знаю! – ответила Терна, на что Джимми признался сразу:

– С очень глубокой симпатией.

Подобное откровение добавило в ней уверенности, что Джимми над ней потешается и что данное заявление служит тому подтверждением. В результате она расстроилась и даже не съела сладкого.

Марсо, обнаружив отсутствие и самого проректора, и его протеже Вероны, и вдобавок к тому – Маклохлана, подумал: «Откладывать нечего. Надо писать сенатору. Напишу ему прямо сегодня же. Опишу ему всё в подробностях. Пусть он узнает правду. Истина восторжествует. Я получу повышение, Трартесверна уволят с должности, а проректора сунут в психушку и мало ему не покажется!»

Сам экдор Трартесверн, проснувшись с потерей памяти, сначала связался с Кридартом, узнал о своей аварии, затем позвонил Кеате, которая не ответила, после чего позавтракал – сделал себе яичницу, и стал просматривать новости на выведенной проекции. Самая главная новость – бегство альтернативщицы и его участие в поисках – породило в нём ощущение чего-то очень тревожащего. Сердце его заныло, а боль в голове усилилась. Он отключил проекцию, порывшись в кухонном ящичке, где хранились всякие мелочи, нашёл пузырёк с анальгетиками, выпил пару таблеток, в дополнение выпил снотворного, сунул посуду в раковину и вернулся обратно в комнату. Меры такого рода не принесли облегчения. Прележав полчаса в кровати, Лаарт опять поднялся и обратился к бару, где стояла бутылка *Hennessy* и пара бутылок водки – финляндского происхождения.

* * *

Маклохлан, и впрямь голодный, заказал себе блюдо с бараниной – запечёные в соусе рёбрышки с гарниром в виде картофеля, а Верона взяла каннеллони, начинённые сыром и зеленью. Общим стал чёрный портер – пенистый и нефилтрованный.

– Ну вот, – сказал Джош, – представляете? Мы с вами пьём пиво в Дублине...

Верона в ответ прищурилась и произнесла с иронией:

– Мы пьём с вами пиво в Дублине с той существенной разницей, что не я вас, а вы пригласили меня, сославшись на то, что вы голодны.

– Не сердитесь, – сказал Маклохлан. – И давайте, пока мы в Ирландии, я для вас буду Джошуа. К чему нам официализировать?

Верона взялась за кружку, подняла её и ответила:

– Да ни к чему, по всей видимости. За ваше здоровье, Джошуа. И за ваше благополучие...

Экдор Эртебран в ту минуту уже подъезжал к гостинице, сожалея о пачке «*Мальборо*», оставленной им астрологу.

– Эскрах, – сказал он, – простите, но мои сигареты закончились. Угостите меня, если можете...

Маккеон, давно заметивший, что его пассажир извёлся – то трёт себе лоб – вспотевший, то поправляет волосы, то просто ломает пальцы – громко щёлкает косточками, воскликнул с большой готовностью:

– Вот, угощайтесь, пожалуйста, хотя у меня простецкие! Вы, наверно, такие не курите!

Лээст взял сигарету, подкурил зажигалкой Лаарта, затянулся, уже испытывая и слабость в ногах – непривычную, и звон в ушах – нарастающий, и выдохнув – с тем ощущением, что всё вокруг отдаляется и одновременно кружится, прошептал:

– Я приехал, по-моему...

– Вы чего?! – испугался Эскрах. – Сэр, вам что, нездоровится?!

Лээст опять затянулся и ответил: «Нет, я в порядке. Сейчас я пойду в гостиницу. И вот вам ещё сто Евро. Подождите меня, пожалуйста. Если я не вернусь обратно в пределах четверти часа, то вы тогда уезжайте. Тогда я освобождаю вас...»

Так протекла минута. Проректор сидел – докуривая, а Маккеон, уже осознавший, что химик готовится к встрече – жизненно важной встрече, деликатно хранил молчание и думал: «Господи, господи... лишь бы у них сложилось всё... ведь такие люди хорошие, а тоже – страдают, мучаются... что-то у них не складывается...»

Режина в эти мгновения тоже внезапно почувствовала и тошноту, и слабость, и с мыслью: «Перекурила...» – перешла в туалетную комнату. Выпив воды из крана, она оперлась на стойку, зажала виски ладонями и какое-то время стояла, ощущая себя – физически – на грани потери сознания. Когда её отпустило, она посмотрела в зеркало – на лицо своё – побледневшее, покрывшееся испариной, и прошептала:

– Боже мой... Я же умру, наверное, если он тут появится...

Затем, возвратившись к бару, она забрала свою сумочку и покинула паб – пошатываясь, всё ещё не отошедшая от своего состояния. На улице было холодно. Она подошла к бордюру и села – с одним намерением – оставаться на этом месте, пока не случится что-нибудь. Минут через пять примерно такси, хорошо ей знакомое – по номеру и по водителю, плавно притормозило, задняя дверь открылась и она услышала голос: «Мадемуазель, прошу вас...» – голос, давно знакомый ей, – голос её возлюбленного – эждора Генри Блэкуотера.

XXIX

Услышав тот самый голос – нисколько не изменившийся и с прежними интонациями – нежными, чуть ироничными – Режина встала с бордюра и быстро села в машину, не успев ничего увидеть, поскольку сразу зажмурилась. «Теперь обратно в гостиницу?» – послышался голос водителя.

– Да, – сказал Генри, – пожалуйста.

Режина – с тем страшным чувством, что сейчас она просто не выдержит – что сейчас закричит, заплачет, сорвется в крик – на истерику, зажала лицо ладонью и в ту же секунду почувствовала, как Генри, обняв её плечи, таким же сильным движением отводит ладонь её в сторону. Губы его – горячие – прошептали: «Режина... любимая...» Она повернула голову и прижалась виском к плечу его. Он сжал её пальцы – замёрзшие, потом отпустил их сразу и сам в тот момент услышал:

– Генри... любимый... единственный мой...

Поцелуй его – сильный, страстный – до сладкого оцепенения, до стога её, чуть слышного, длился предельно долго, пока Эскрах вёз их по городу, по ночным опустевшим улицам. Как только они доехали до места их назначения, Генри шепнул: «Малышка, дай мне минутку, пожалуйста. Я скажу пару слов водителю...» Режина, простившись с Маккеоном, выбралась из салона и успела поправить волосы, пока Эртебран внушал ему забыть обо всём случившемся и помнить о дне прошедшем, как о дне совершенно обыденном. Затем, завершив суггестию, Лээст сказал: «До свидания. Счастлив был познакомиться», – на что Эскрах ответил радостно:

– И я за вас тоже счастлив! Разыскали свою красавицу!

Эртебран произнёс: «Спасибо!» – и уже через полмгновения вновь обнимал возлюбленную – как в тот день перед их расставанием – целуя её – сминая её, шепча – повторяя: «Любимая... родная моя... единственная... Господи, как я люблю тебя... Режина моя... любовь моя...» Затем, уже не выдерживая, он чуть отстранился в сторону, посмотрел ей в лицо – прекрасное – совершенно не изменившееся, в глаза её – ярко сияющие, и сказал:

– Пойдём-ка в гостиницу... пока мы ещё в состоянии, иначе нас оштрафуют тут...

* * *

После двух рюмок *Hennessy* Лаарту стало плохо. Он переместился в ванную, где его сразу вырвало. Посеревший, вспотевший, раздавленный – собственными ощущениями, он вытащил деквиантер и снова связался с Кридартом:

– Слушай, – спросил он, – что со мной? Ты ведь знаешь, наверное? Только прошу, не обманывай. Это что-то серьёзное?

– Экдор, – сказал Лэнар, – простите, мне можно сейчас приехать к вам?

Трартесверн произнёс: «Разумеется», – отключился от вызванной линии, прошёл на кухню, пошатываясь, сел за стол – в самых страшных предчувствиях и, пытаясь отвлечься на что-нибудь, вывел файл на Верону со всей её информацией. Минут пять или шесть примерно он смотрел на её фотографии, проникаясь новыми чувствами – горестными, шемящими, затем подкурил сигарету, прошёл от стола к подоконнику и глядя на синее озеро, прошептал:

– Я что, полюбил её?

Кридарт, возникший вскоре, со скорбным в глазах выражением, сразу сказал – с порога:

– Экдор, вы больны, смертельно. Но надежда ещё сохраняется. Вас может вылечить девушка... иртарская альтернативщица. Сейчас её балл по Эйверу одна тысяча четыреста восемьдесят.

– Да? – усмехнулся Лаарт. – А что, если я отказываюсь? Сколько мне там отпущено? Ты думаешь, я позволю себе?

– Эктор, – сказал Кридарт, – простите меня, но Верона – не альтернативщица. Я просто неправильно выразился. Эта девушка – дочь Эртебрана. Вы сами всё это выяснили. В его файле есть информация. И она готова лечить вас. И отец согласен, естественно.

– Меня с ней что-нибудь связывает? Какие-то отношения?

Помощник замялся сразу. Лицо его покраснело. В глазах появилось отчаяние.

– Так-так, – сказал Трартесверн. – Давай проходи на кухню. Таким я тебя не видел. Это мне уже нравится.

Их разговор продолжился – теперь уже в новых условиях. Лаарт поставил кофе – в джезве с узеньким горлышком, а Кридарт, с его разрешения, закурил, затаился нервно и, отвернувшись в сторону, признался Лаарту в следующем:

– Вы с ней всё время встречаетесь. Но отец её против, мне кажется. Её хочет сватать, по моему, кто-то из наших Создателей. Он подарил ей бриллианты. Вы уже в курсе, наверное?

– Да, – сказал Лаарт, – в курсе. То, что она сбежала... Это я виноват, по всей видимости?

– Частично, – ответил помощник. – И Кеата ушла от вас, знаете?

– Да?! – рассмеялся Лаарт. – Вот это – хорошие новости! Теперь скажи мне, пожалуйста, тот факт, что Верона Блэкуотер – дочь эктора проректора – информация общеизвестная?

– Нет, – сказал Кридарт, – напротив. Знают только его родители и пара его приятелей. Но приятели, кстати, думают, что эктор Эртебран с ней связан по материнской линии. Что Верона – сестра его матери. Вы сами меня информировали.

Кофе – горячий – крепкий – был разлит по маленьким чашечкам. Лаарт отпил глоточек и спросил, приходя к тому выводу, что был недалёк от истины:

– Значит, эктор проректор держит всё это в тайне? Видимо, даже от дочери?

– Да, – подтвердил помощник. – От неё это всё скрывается.

– Любопытно, – сказал Трартесверн. – Причина должна быть существенной.

Кридарт кивнул с согласием:

– Причина должна быть существенной, но вряд ли мы сможем выяснить.

Лаарт поднялся с места:

– Подожди секунду, пожалуйста. Мне нужно сделать кое-что.

Отставив чашечку в сторону, он быстро прошёл в свою комнату, взял в руки сюртук – служебный, достал из кармана оружие – пистолет портативного типа, заряженный пулями-ампулами, вернулся обратно к Кридарту и без предисловий – стремительно – выстрелил ему в руку сильнодействующим снотворным с моментальным эффектом действия.

* * *

Усыпив своего помощника, Трартесверн возвратился в комнату, вернул пистолет на место, взял из сейфа шприц для инъекции, уже содержащий в капсуле хлорид церебротамина – тот шприц, где дозы хватало на минус четыре месяца, и, вернувшись обратно к Кридарту, плеснул на салфетку *Hennessy*.

– Двух месяцев будет достаточно... – сказал он себе с уверенностью, приступая к той процедуре, что вела к удалению памяти. – Ты, дружище, конечно, прости меня, но владеть такой информацией никому из нас не дозволено.

Выполнив операцию, он выбросил шприц подальше, смешав его с прочим мусором в кухонном накопителе, после этого выпил кофе и перетащил помощника на диван, в гостиную комнату. Следом он активировал файл на эктора проректора и уничтожил данные – все те, что касались Вероны и ДНК-анализа.

– Вот и всё, – сказал он. – Порядок. Равновесие восстановлено. Никто ничего не помнит, никто ничего не знает и каждый из нас получит то, что ему причитается...

Джошуа после ужина, счастливый в меру возможного, вышел с Вероной на улицу, где предложил, не раздумывая: «Пройдёмте пешком до Аби? Здесь минут семь, приблизительно», – и, получив согласие, предложил ей взять его под руку. Первые два квартала были пройдены ими в молчании, после чего астролог внезапно остановился, развернул её, взял за волосы, оттянул назад её голову и впился ей в рот губами, за что через три секунды сперва получил пощёчину, после чего – угрозу:

– Не смейте ко мне прикасаться, иначе вы пожалеете! Вам придётся покинуть Коаскиерс!

– Нет! – возразил он. – Послушай!

Верона, сказав: «Отстаньте!» – отступила назад – разгневанная, и повернувшись резко, бросилась прочь – так быстро и – больше того – неожиданно, что Джошуа – растерявшийся – потерял секунд пять, наверное, пока наконец не кинулся – не бросился догонять её. Догнав её – запыхавшуюся, он крикнул: «Я остаюсь здесь! Я остаюсь, понятно?! Раз тебе так этого хочется!» – после чего развернулся и побежал обратно – ещё быстрее, чем до этого – не вдоль тротуара – обратно, а через широкую улицу.

– Дурак... – прошептала Верона, глядя, как он удаляется, – дурак... На что он рассчитывал?

В номере, на кровати, Лээст раздел Режину – снял с неё шаль и кофту, после этого – джинсы со стрингами, затем он снял с себя свитер, расстегнул на рубашке пуговицы – молча, сосредоточенно, разомкнул свой ремень на джинсах, стянул их, отбросил в сторону и обнажился полностью.

– Малышка, – сказал он тихо, уже перед тем, как войти в неё, – ты больше не пьёшь и не куришь. Я хочу, чтобы ты забеременела... чтобы ты родила мне мальчика...

В следующую секунду он уже не думал о будущем, он уже не думал о прошлом, он вбирал в себя настоящее – любя её – страстно – неистово – даруя ей наслаждение на пределе своих способностей – за пределом всего человеческого, чего не случилось ранее, во время их жизни в Лондоне.

* * *

Проводив астролога взглядом, Верона, с глубоким вздохом, повернулась в обратную сторону и ахнула от неожиданности – как обычно в подобных случаях. Джон – в старом норвежском свитере, стоял у стены – кирпичной, курил и смотрел на небо – на звезды, тускло мерцавшие, на крыши домов – высокие. Верона прошла три метра – те, что их разделяли или, лучше сказать, что сблизили, и не говоря ни слова, прижалась к нему и заплакала. Избавившись от окурка, Аркеантеанон обнял её, закинул рюкзак себе за спину, после этого взял её на руки и пошёл к «Уголку на О'Коннелл», принимая ту самую миссию, с которой не справился Джошуа – доставить её до Коаскиерса. Возвращение в паб на Abbey, переход через измерения, обратный полет на «Ястребе», теперь на привычной скорости – всё это для Вероны проходило туманным образом, поскольку в пути она плакала и никак не могла успокоиться. На террасе они расстались. Джон сказал ей перед трансгрессией:

– Я всё понимаю, любимая, но на деле не всё так просто. Я надеюсь, что ты простишь меня...

В холле, к её облегчению, ей повстречалась Джина, которая задержалась в кабинете фармакологии. Увидев подругу в куртке, с большим рюкзаком, заплаканной, с покрасневшим распухшим носом, Джина сделала самое лучшее, что могла в такой ситуации – забрала и рюкзак, и куртку, предложила пойти к ней в комнату и повела с собой рядом, ни о чём пока не спрашивая. Оказавшись у Джинины – в «шестнадцатой», с тем – уже новым чувством – что реальность восстановилась, а Дублин, с его производными, стал частью воображения, Верона

сказала: «Чаю», – успевая прийти к тому выводу, что Джина уже не помнит о случившемся накануне – об Эрвеартвеароне, уделившем ей столько внимания.

– Чай, хорошо, конечно, – ответила Джина, вздыхая, – но в нашей с тобой ситуации... когда мы обе – несчастные, пиво было бы лучше. Предлагаю пойти в деревню. «Пчёлка» тебе понравится.

– Хорошо бы, – сказала Верона, – но у нас репетиция вечером. Поём перед эртаонами.

– По кружке! – решила Джина. – И пропади всё пропадом!

– Факт! – согласилась Верона. – Гори оно всё синим пламенем! Я схожу отнесу свои вещи, а ты пока можешь подкраситься...

В «третьей» она с минуту смотрела на фотографию – прекрасный портрет Эркадора, понимая одно единственное, что будущее – изменяемо и что даже он сам не уверен, как оно будет складываться и на чём оно будет основываться. Затем, подумав о Лаарте, она прошептала:

– Простите меня. Я дала вам своё обещание больше уже не встречаться с ним, пока он сам не объявится, но я должна быть уверена, что с ним сейчас всё в порядке, поэтому я позвоню ему.

Приняв такое решение, она перешла в гостиную и подошла к деквиантеру. Лаарт в эту минуту сидел на пляже, у озера, размышляя на фразой Кридарта: «Вы с ней всё время встречаетесь...» «Мне не совсем понятно, – думал он в напряжении, – как с этими амнезиями... ежедневными амнезиями, я вдруг могу встречаться с ней. Это всё – фантазии Лэнара. Женить бы его на ком-нибудь, тогда бы он успокоился...» Деквиантер вдруг завибрировал. Лаарт, взглянув на номер, тут же вспотел – за мгновение:

– Да?! Говорите! Слушаю!

– Эктор Трартесверн, здравствуйте... – сказал ему женский голос – удивительный – мягкий, чарующий, с нежными интонациями.

– Добрый день, – произнёс Трартесверн.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Верона? – спросил Трартесверн. – Вы ведь – Верона, правильно?

– Да, эктор Трартесверн. Простите, что беспокою вас. Вы пьёте болеутоляющие?

– Нет. Я не знаю, где они. То есть я выпил что-то, какие-то анальгетики, но они на меня не действовали.

– Я должна передать вам новые.

– Нет, – сказал Лаарт, – не нужно. То есть – да, передайте, пожалуйста. Я просто хотел сказать вам – нам не нужно встречаться для этого. То есть скажите – какие. Я мог бы купить в аптеке. Вы просто скажите название...

– Без рецепта вам их не отпустят.

– И что вы теперь предлагаете?

– Мы с подружкой идём пить пиво в деревню рядом с Коаскиерсом. Вы ведь знаете эту дорогу?

– Знаю, – сказал Трартесверн.

– Вот там мы и можем встретиться. Я передам вам лекарства. На этом мы с вами расстанемся. Вам надо их пить, поверьте. Я дала отцу обещание, что не буду встречаться с вами вне пределов нашего госпиталя, но в данном конкретном случае мы сделаем исключение.

– Отцу? – спросил Лаарт. – Вот как?

– Простите, эктор Трартесверн, но мне сейчас надо в хранилище. Мы выходим минут через двадцать. Я напишу инструкцию, чтобы завтра, когда вы проснётесь, вы смогли бы сориентироваться.

– Хорошо, – сказал Лаарт, – спасибо.

На другом конце отключились, после краткой фразы прощания.

Лаарт достал сигареты, закурил – дрожащими пальцами, вскользь подумал: «Моя зажигалка... Видать, обронил её где-нибудь», – вытер пот, что струился каплями, и глядя на белых чаек, прошептал:

– Если я не поеду, она начнёт беспокоиться. Она уже беспокоится. Она будет сидеть и нервничать... Пиво... Пиво... С какой подругой? С этой рыжей альтернативщицей? Как её там? Уайтстоун? У неё есть сестра, по-моему. Попалась на контрабанде... Из школы чуть не отчислили... Хорошо, я хоть что-то помню... Нет, надо ехать, естественно. Иначе, с этими болями... Ещё один такой приступ и уже точно не выдержу... Но лечиться... Лечиться – лишнее... Это – то, чего я не заслуживаю ни при каких обстоятельствах...

* * *

Девушки вышли из Замка где-то в начале третьего. Джина несла пакетик, набитый чёрствыми пряниками, а Верона несла пакетик с пачкой лекарств и инструкциями. Разговор, что они затеяли, касался как раз-таки Моника, приславшей Джине открытку с оскорбительным содержанием. Моника извещала, что не приглашает Джину отмечать в сентябре, в Игеварте, своё семнадцатилетие. «*Предупреждаю заранее*, – гласило её послание, – *что если ты вдруг появишься, ты испортишь мне всё настроение*».

– И что, – спросила Верона, – давно вы так с ней враждуете?

– С детства! – воскликнула Джина. – Она вообще сумасшедшая! Занимается тоггерсвултом! Всё время стрижётся под мальчика! Не красится! Ходит в джинсах! Всю жизнь надо мной потешается! Говорит мне всякие гадости! Устраивает мне подлости! То подкинет в суп головастика! То засунет мокрицу мне в волосы! То усы нарисует зелёной!

– Себе?

– Да мне, разумеется! Сначала подсыплет снотворного, а как я усну, зарисовывает!

– Да, – усмехнулась Верона, – я смотрю, если Моника рядом, то скучать тебе не приходится.

– Не смейся, – сказала Джина. – Она однажды допрыгается. Её год назад поймали на контрабанде наркотиков.

– Да ну?! – засмеялась Верона. – И она, надо думать, отличница?!

Джина кивнула с согласием, после чего добавила:

– В этом нет никакой справедливости!

– Ты знаешь, – сказала Верона, – мне не терпится с ней познакомиться. Напиши ей в обратном послании, что ты не будешь присутствовать на грядущем мероприятии, но пошлешь туда, в виде презента, Верону Блэкуотер Авейро, которая жаждет увидеться с ней.

– Шутить? – спросила Джина.

– Нисколько, – сказала Верона. – Исходя из всего услышанного, исключая пару моментов, мы являемся с ней идентичными в плане сходства наших характеров.

Дорога их к этому времени приблизилась к лугу с коровами. Кробби, завидев девушек, пару раз прогавкал приветственно и прискакал за гостинцами. Джина полезла за пряниками, а Верона, настрожённая, услышала наконец-таки шум машинного двигателя.

– Слушай, корми собаку, – сказала она приятельнице, – а у меня тут встреча. На пару минут всего лишь.

– С кем? – спросила Джина.

– С Лаартом Трартесверном. Я должна передать ему кое-что.

Джип, показавшийся вскоре, замедлил своё движение. Джина принципиально повернулась спиной к «встречающимся». Верона пошла по дороге – теперь в обратную сторону – навстречу машине Лаарта. Расстояние между ними сокращалось с каждым мгновением. Верона остановилась. Трартесверн подъехал ближе, притормозил на обочине и вышел – уже понимая, что Кридарт был прав, по всей видимости. Верона вздохнула судорожно. Джина, кор-

мившая Кробби, обернулась – из любопытства, и увидела их застывшими. «Встреча... Какая „встреча“? – подумала Джина, нервничая. – Оба стоят с таким видом, как будто хоронят кого-нибудь...» На этом она отвернулась, так как Лаарт взглянул в её сторону. Глаза его потемнели, став из серых густо-свинцовыми. Верона склонила голову, просто боясь смотреть на него. Секунд десять прошло в молчании.

– Я приехал, – сказал он тихо. – И уеду... уеду сразу же...

– Лекарства, – сказала Верона. – Вот, возьмите, пожалуйста.

Она протянула руку. Трартесверну пришлось приблизиться.

– Один вопрос, если можно...

– Да, экдор Трартесверн?

Лаарт немного помедлил, фиксируя те ощущения, что на него накатывали – по сути – очень простые, в виде простых желаний: желание с силой схватить её, желание взять её на руки, зарыться лицом ей в волосы, унести на траву – высокую...

– Что вы будете делать, если я пропаду куда-нибудь? Вы что, начнёте искать меня?

Верона, не отвечая, шагнула к нему, обняла его, поцеловала в щёку – жёсткую и колючую, и хотела уже отстраниться – из-за Джины – в первую очередь, но Лаарт схватил её, стиснул, роняя пакет с лекарствами, и зарылся лицом ей в волосы. Так протекла минута, для него – до предела насыщенная – и теплом, от неё исходящим, и внезапно открывшейся близостью – её собственными желаниями, которые он прочувствовал; для неё – предельно короткая. Внезапно Лаарт почувствовал возникшее в ней напряжение.

– Что? – прошептал он. – Скажи мне...

Верона чуть отстранилась и глядя в глаза – прищуренные, ответила: «Будет приступ. Это надо срочно купировать. Вам лучше прилечь, наверное...» Затем, повернувшись к Джине, она закричала громко:

– Джина, я тут задерживаюсь! Срочная ситуация!

Джина опять обернулась. У неё на глазах Верона взяла Трартесверна за руку, повела на траву – высокую, и, когда он лёг, опустилась к нему. «О нет! – ужаснулась Джина. – Чем они там занимаются?! Точно она сумасшедшая! Ещё кошмарней, чем Моника!»

Сев рядом с ним – к голове его, Верона, нежным движением, погладила его скулу, отчего Трартесверн зажмурился и тут же услышал ласковое: «Не брейтесь ещё неделю. Таким вы мне больше нравитесь...»

– Хорошо, – прошептал он, – не буду.

Нежные ласки продолжились. Прошла минута, другая. Услышав, что приступ купирован, он отвёл её волосы в сторону – густую волну – тяжёлую, источавшую запах «Ангела», обхватил её шею – тонкую, притянул к себе её голову и секунду-другую-третью – боролся с собой – с любовью к ней, после чего – сдержавшись – резко подался в сторону, достал из кармана *Marlboro* и хрипло сказал, закуривая:

– Всё. Уходи, пожалуйста. Не делай меня преступником.

Верона повиновалась – без каких-либо слов прощания, и молча направилась к Джине, скормившей Кробби семь пряников, а Лаарт, подняв лекарства, сел в джип и сидел, не двигаясь – провожая её глазами и пытаясь понять единственное – почему один из Создателей – именно тот, кто стоит за ней, позволяет ему – Трартесверну – желать её и любить её. «Видимо, просто жалеет меня. Знает, что я не выберусь. Либо подводит к решению, в качестве наказания...» Придя к подобному выводу, он развернул машину и поехал в обратную сторону, пытаясь определиться со своими дальнейшими действиями.

* * *

В «Пчёлке» – совсем безлюдной, не считая бармена Тарбика, что протирал стаканы и слушал спортивные новости, Верона взяла «Можжевеловку», надеясь в душе на единственное –

что Эркадор оставит её, что теперь они оба – в расчёте: она не простит ему прошлого, а он не простит ей Лаарта; а Джина взяла себе «Брекброк» и – в виде закуски – семечки. Разговор за высокими кружками был продолжен на тему «Моники» и длился довольно долго, пока наконец Верона не подошла к деквиантеру, что был на стене у входа, и не вызвала номер Лиргерта, которым он поделился с ней в момент её встречи с Акертом. После: «Привет, я в „Пчёлке“!» – она поинтересовалась:

– Он может прийти к тебе в комнату где-то в районе ужина? Ты знаешь, о ком я спрашиваю?

– Знаю, – ответил Лиргерт. – Я сейчас позвоню ему.

– Пусть принесёт ещё один. Я хочу попросить на месяц, под залог, под что-нибудь ценное. Это для личного пользования.

– Хорошо, – сказал Лиргерт. – Увидимся.

Верона вернулась к Джине, а Свардагерн, не откладывая, передал её просьбу Акерту, не особенно удивившемуся и, больше того, ответившему: «Что-то она задумала. Интересно узнать, что именно...»

Лаарт, подъехав к дому, пару минут раздумывал, не сходить ли проверить Кридарта, но затем, со словами: «Чёрт с ним», – запарковал машину и пешком направился к «Якорю», где взял себе устриц, водки и белужью икру в волованчиках, думая о единственном – что все его амнезии – истинное спасение. Потом он надел наушник, спаренный с деквиантером, вошёл в систему слежения и подключился к квердам – тем, что парили в «Пчёлке». Рыжая Джина Уайтстоун, болтавшая всякие глупости – о Монике и о Шотландии, и Верона, пьющая портер, тем самым ему составили что-то вроде компании. После её разговора с Лиргертом Свардагерном, Лаарт невольно задумался – над: «Пусть принесёт ещё один...» – и обратился к файлу – Акерта Свардагерна, брата хакера Лиргерта. Файл молодого физика выглядел безупречно, но Лаарт помнил историю, достаточно нашумевшую, о недавнем секретном заговоре группы изобретателей. Раскрытием этого заговора и последующими репрессиями занимался сенатор лично – он сам и его приспешники из ближайшего окружения. «Верона, моя ты милая, – подумал Лаарт встревоженно, – это очень неосторожно... обращаться с такими просьбами... мне надо предупредить тебя», – и удалил из архива – из архива системы слежения – и запись звонка из «Пчёлки», и запись беседы братьев, и затем – в последнюю очередь – отрывок видеозаписи, где Верона прошла к деквиантеру и вызвала номер Лиргерта. После этого, чуть успокоившись, он закончил обед, расплатился, быстро дошёл до дома и в туалетной комнате рассмотрел своё отражение в зеркале над умывальником. Лицо – худое, заросшее, зеленовато-серое, с отёками под глазами, с отчётливыми морщинами показалось ему отвратительным. Он рассмеялся нервно, заглянул на секунду в комнату, в которой оставил Кридарта, затем перешёл на кухню, глотнул из бутылки *Hennessy*, подлил водички из чайника в цветы на окне – усыхающие, какое-то время помаялся и поехал к Вероне в Коаскиерс.

Девушки в это время шли по мосту над пропастью. У Джины, вновь осознавшей – теперь уже окончательно, что им предстоит репетиция, на которой будет присутствовать Старший Куратор Коаскиерса, начала наконец мандражировать и причитать: «О господи, а вдруг ему не понравится?!» Верона, слегка подуставшая от подобного рода общения, решила отстать немного и, взглянув на свои «Мовадо», сказала: «Прости, пожалуйста, но у меня здесь встреча. Я остаюсь возле арки. Появлюсь у тебя после ужина».

Джина ответила: «Ладно», – и дальше пошла в одиночестве, а Верона, сев на ступеньку, погрузилась в мысли о Лаарте, уже ощущая внутренне, что скоро он вновь появится, что она опять увидит его. Минут через пять примерно со стороны Вретгреена показалась машина – чёрная, с включённой мигалкой из ариса, что приближалась к Коаскиерсу на самой высокой скорости. Верона, сорвавшись с места, пробежала мостом до гравия и замерла – побледнев-

шая. Внедорожник остановился. Одна из дверей приоткрылась – дверца напротив водительской, и Лаарт сказал: «Присаживайся...» Разговор начался с упреков:

– Ты заметила кверды в «Пчёлке»? В них имеются видеокамеры. Я видел, как вы сидели там... Как ты говорила с Лиргертом. Так что запомни на будущее – никогда не звони кому-нибудь по вопросам особой важности из публичных мест или с улицы.

Верона кивнула молча. Её взгляд отразил раскаяние.

– Ничего, – сказал Лаарт, – не бойся. Я уничтожил запись. И теперь объясни мне подробно, что за всем этим скрывается.

Услышав о квердераторах и о том, что проректор – в Ирландии, он какое-то время утрясал в себе информацию и затем произнёс:

– Понятно. А второй для чего понадобился? Что значит «для личного пользования»?

– Он для вас, – пояснила Верона. – Мой экдор, я просто подумала... вдруг вам тоже захочется... Мы бы слетали в Дублин. Можно было бы прямо сегодня же...

В серых глазах Трартесверна вспыхнуло что-то детское – что-то сродни восторженности: «Ты думаешь, это получится?!» – прошептал он почти лихорадочно и следом, схватив деквиантер, вывел досье на проректора:

– Его микрочип показывает, что он сейчас в своей комнате. Непосредственно в вашем Коаскиерсе.

– Да, – сказала Верона. – Он именно там и надел его. Это старые показания, но фиксируются, как текущие.

– Отлично! – воскликнул Лаарт и вдруг погас за мгновение. Радость его улетучилась. Он выгащил сигареты и продолжил осевшим голосом: – Но меня это всё не касается. Сегодня мы полетим с тобой, а завтра я всё забуду, так что всё это бесполезно. Зря ты всё это затеяла.

– Зато я ничего не забуду... – прошептала Верона с отчаянием.

Глаза её из медовых стали ярко-берилловыми. В них заблестели слёзы. Она еле слышно всхлипнула и отвернулась в сторону. Трартесверн осторожно обнял её, нежно погладил волосы, что стекали чёрными волнами, и произнёс: «Прости меня. Мы полетим, куда хочешь. Просто я не подумал. Просто мозги отказывают...»

* * *

Лээст, проснувшись первым, посмотрел на лицо Режины и не удержавшись от нежности, приник к нему с поцелуями – жаркими и горячими. Так началось их утро – их первое утро в Дублине. «Малышка моя... любовь моя...» – прошептал он, уже разбудив её, и когда она улыбнулась, сразу спросил о существенном:

– Верона мне говорила, что там у тебя, в Португалии, один из кузенов – священник. Отец настоятель, правильно?

– Да, – подтвердила Режина. – Падре Жайми... Отец Иаков...

Лээст сжал её пальцы, прижал их к губам на мгновение и произнёс:

– Мы свяжемся с ним. Мы сделаем это сегодня же. Я хочу, чтобы он обвенчал нас.

Услышав слова о венчании, Режина сразу заплакала, а Лээст, шепнув: «Ну что ты...» – прижал к груди её голову и добавил:

– Но только прошу тебя, Вероне пока ни слова. В среду она забудет, что встречалась со мной в Ирландии. Я сделаю ей суггестию. Всё, что она будет помнить, это факт, что мы переписываемся. Потом я опять с ней встречу – двадцать девятого августа, и тогда я уже расскажу ей... расскажу, что случилось в Англии...

– А мне? – прошептала Режина. – А мне ты расскажешь когда-нибудь?

– Тоже двадцать девятого. И знаешь, что я подумал... Помнишь тот дом на море, который вам так понравился? Вы на него смотрели с Эрвеартвеароном Терстдараном...

– Помню, – сказала Режина.

– Я собираюсь купить его. Для тебя, для детей... для всех нас. Вспомни имя риелтора и не возражай, пожалуйста...

Без пятнадцати семь примерно Верона простилась с Лаартом, условившись на одиннадцать – на то, что она заберёт его с одного из пляжей на озере, и затем пошла в свою комнату, а сам он поехал в город – навстречу машине Акерта, подъезжающего к Коаскиерсу. В комнате, переодевшись – в строгое чёрное платье, и избегая полностью взглядов на фотографию, она забрала из шкапулки, что Джон подарил накануне, прекрасный набор драгоценностей – крупные изумруды, обрамлённые бриллиантами, и с ними направилась к Лиргерту. Акерт уже поджидал её. Сам Лиргерт пошёл на ужин, уважая момент приватности. Физик спросил о Лээсте и услышал слова признательности, как и то, что проректор в Ирландии, чему он крайне обрадовался. Сняв с руки квердератор, он сказал: «Возьмите, пожалуйста. Пользуйтесь, сколько нужно. Хоть месяц, хоть год, хоть несколько, – и, в ответ на слова о залоге, произнёс: – Залога не требуется». Затем он поставил кофе и уже к концу разговора, что с местился к вопросу о рении, решил поделиться с Вероной дополнительной информацией:

– Рэа Блэкуотер, кстати, вот эта модель прибора несколько необычная. Ребята экспериментировали. Он действует в двух режимах. Главный, по умолчанию, блокирует микрочипы. А во втором режиме блокируется излучение... квантовое излучение, возникающее при мышлении. То есть понятно, к чему это я?

– К тому, – спросила Верона, – что владеющие телепатией теряют возможность доступа?

– Да, – подтвердил Свардагерн. – И если он в этом режиме, ваши мысли уже не считаются. И на вас уже невозможно воздействовать суггестически. Правда, вы тоже утрачиваете такого рода способности. Показать вам, как он активируется? Снимите браслет, пожалуйста.

Согласно его объяснению, раскрытие дужек браслета включало мини-дисплеи с сенсорным управлением на внутренней части поверхности и на каждом из этих дисплеев возникало по три иконки – по три серебристых звёздочки.

– Вот, – сказал Акерт, – смотрите. Надо просто нажать на звёздочки – на каждую по три раза, и тогда они из серебряных становятся золотистыми. Если они золотистые, то браслет уже в том режиме, о котором мы тут беседуем. И затем, в обратную очередь... повторяете то же самое, чтобы звёздочки стали серебряными...

На этом их встреча закончилась. Физик остался в комнате, а Верона направилась к Джине, поражённой великолепием драгоценностей с изумрудами и платинового браслета, украшенного инкрустацией в виде планет с орбитами. Выступление перед «комиссией» – перед «Зачётной Комиссией», как высказал Виргарт Марвенсен перед началом прослушивания, состоялось часом позднее и, хоть Джина и волновалась, но программа ансамбля для конкурса не вызвала у Кураторов ни единого замечания. Эрвеартвеарон Терстдаран, заслушав дуэт двух девушек, не смог удержать эмоций и произнёс, комментируя: «Превосходное исполнение! Вы просто нас вдохновляете! И вы, Дэара Верона, и вы, дорогая Джина!» – отчего побелевшая Джина едва не упала в обморок.

После минуты прощания и трансгрессии всех Кураторов, Виргарт, поднявшись на ноги, предложил отправиться в «Пчёлку» и отметить успех выступления. Парни дали согласие, но Верона, сказав: «Простите, но мой вечер уже распланирован, – шепнула подруге: – Увидимся!» – и покинула зал с поспешностью, породившей общее мнение, что она торопится к Лээсту, неизвестно где пропадающему. Джина слегка расстроилась, чувствуя, что приятельница – в процессе чего-то важного, но почему-то не делится с ней, но тут же быстро утешилась комплиментом, сделанным Рочестером:

– Джина, прими поздравления! Наш Великий Экдор Терстдаран покорён тобой окончательно!

* * *

Дом у моря – прекрасный, светлый – настолько понравился Лээсту, что он сразу сказал риелтору: «В среду я покупаю его. Подготовьте все документы на имя мой невесты. Оформлять начинайте немедленно. Расплачиваюсь наличными».

– Наличными?! Пять миллионов?! – поразился агент по недвижимости. – Если честно, то я не уверен...

Лээст слегка прищурился:

– Если честно, меня не волнует, в чём, собственно, вы не уверены. Послезавтра, часа в четыре, я появлюсь в вашем офисе. Всё должно быть оформлено сразу же. С продавцом свяжитесь немедленно.

– Да, сэр! – подтвердил риелтор, оказавшись жертвой суггестии. – Он будет счастлив, я думаю! Оформим без промедления!

Лаарт, расставшись с Вероной, вернулся домой – уставший, с проснувшимся чувством голода, открыл себе банку с мидиями, съел их с кусочком хлеба, прилёг отдохнуть в гостиной и через какое-то время был поднят проснувшимся Лэнаром. Дорверы прошли на кухню, где Лаарт, в процессе курения, объяснил своему помощнику, что где-то перед обедом тот сам заявился с просьбой – о кератомии – двухмесячной, но при этом он – Трартесверн – понятия не имеет, с чем это может быть связано, поскольку попал в аварию и страдает теперь амнезиями, вероятно – неизлечимыми. После бокала *Hennessy* Лэнар чуть успокоился и предложил поужинать всё в том же «*Серебряном Якорю*». Лаарт взглянул на время, произнёс: «Успеваю в принципе», – и вскоре уже заказывал грибное рагу и водку, а также бразильский кофе и ореховый торт на сладкое.

Верона, вернувшись в «*третью*», сняла с себя драгоценности и чёрное платье с туфлями и в этот момент заметила, что Джон, на своём портрете, смотрит куда-то в сторону. Собравшись с большой поспешностью, она – готовая к странствиям – отправила из гостиной сообщение мистеру Джонсону: «Сэр, простите, пожалуйста, но мы пока ещё заняты», – и направилась в грот, за «Ястребом», в лихорадочном состоянии – сродни тому состоянию, что приносят побег с преследованием. Солнце почти уже село. Полёт по вечернему небу, сквозь сумерки – сине-сиреневые, несколько охладил её. Мысли о кофе с пирожным, что возникли в ней из-за голода, привели её лодку к «*Якорю*», где она заметила – сразу же, на парковке, в свете прожектора, – чёрного цвета машину с хорошо знакомым ей номером: «Так, – прошептала Верона. – Если я появлюсь там, он не сможет спокойно поужинать. Тогда что? На квартиру к папе? Пирожных там не имеется. А что, если?.. Просто попробовать... Дедушка сам говорил мне: „Навещай нас почаще, пожалуйста“. Бабушка будет злиться, но деваться ей всё равно некуда». Задавшись такой идеей, она пролетела над озером и устремила дальше – к пологим холмам на севере.

Полёт был совсем недолгим. Оставив рюкзак под лавкой, она – с осязательным волнением – дошла до крыльца – просторного, освещённого яркой лампой и гирляндой ночных фонариков, и, позвонив, подумала: «Я знаю, что я сейчас выдам себя». Невард, открыв ей, дрогнул:

– Что?! – с тревогой спросил он. – Что с Лээстом?!

– Всё в порядке, – сказала Верона. – Эктор, не волнуйтесь, пожалуйста. У него дела в Игеварте, а я тут случайно подумала, что поскольку субботний вечер... мне захотелось проведать вас... Но если вы сейчас заняты...

– Что ты?! – воскликнул Невард. – Разумеется, мы не заняты! Мы тут как раз чаёвничаем!

Элиза и вправду чаёвничала – за столом и с вареньем в розеточках. Верона присела в книксене, но Элиза не стала здороваться с ней и лишь спросила резко:

– Для чего ты сюда пожаловала?!

– Простите, – сказала Верона. – Я просто пришла навестить вас.

- А не слишком ли поздно для девушки совершать визит в одиночестве?!
– Элиза! – одёрнул Невард. – Что это за высказывания?!

Элиза двинула чашкой – так, что чай её выплеснулся:

- Девушка в её возрасте должна соблюдать приличия!

– Я согласна, – сказала Верона, – но мой отец, к сожалению, не имел никакой возможности заниматься моим воспитанием. Он не знал о моём рождении, и поэтому мне неизвестно, что входит в рамки «приличного». Но я рада наличию бабушки, которая в краткие сроки расширит мои представления исчерпывающим образом! Простите, что помешала вам! – на этом она развернулась и побежала в прихожую.

Невард кинулся следом, с криками: «Стой! Куда же ты?!» Верона, не реагируя, выскочила из дома и устремилась к «Ястребу». Невард, встав на пороге, прокричал: «Останься, пожалуйста! У бабушки это нервное!» Верона села на лавочку и закрыла лицо ладонями, не находя в себе силы взлететь над земной поверхностью.

* * *

Падре Жайми – кузен Режины, услышав от Генри Блэкуотера вопрос на предмет венчания, вкуче с его обещанием сделать церкви большое пожертвование, уверил, что обвенчает их, как только они появятся. Поговорив со священником, Лээст обнял невесту и прошептал ей в ухо: «Твой кузен просто счастлив, по-моему. Давай-ка через неделю, двадцать второго августа. Времени хватит, думаю, сделать приготовления...»

Невард, вернув Верону – плачущую и дрожащую, утешил её на кухне – бокалом эльзасского рислинга и судаком с картофелем, и, услышав её признания – те, что касались подслушивания, физиков, квардатора и полёта с Лээстом в Дублин, вздохнул с большим облегчением и сказал:

- Ну теперь он одумается. Теперь не будет скрывать от тебя, кем он тебе приходится...
– Нет, – возразила Верона. – Папа предупредил меня. Это до завтрашней ночи.

Невард поднялся с места, переставил тарелку в раковину и произнёс расстроено: «Никак не могу понять его. Он ведь настолько замкнутый. Никогда ничего не рассказывает. Зачем он всё это делает?» Включив после этого чайник, он спросил:

- Ты, надеюсь, останешься? Заночуешь у нас, в своей комнате. Я тебе почитал бы чего-нибудь. Я им читал постоянно, когда они были маленькими...
– «Им»? – удивилась Верона.

Взгляд Неварда – добрый – ласковый – тут же наполнился горечью:

– У нас была ещё девочка. Она погибла случайно... она, и два наших внука... Как раз в декабре того года, когда твой отец был в Англии, – глаза его покраснели. Он повернулся к стойке, как бы за чайными чашками, и добавил охрипшим голосом: – Потому Элиза и нервничает. Вы с Теаной немного похожи. Она у нас больше в маму... тоже чёрные волосы и глаза... такие... янтарные...

Верона встала со стула, вытерла слёзы – горячие, и прошептала, обняв его:

- Конечно останусь, дедушка. Но у меня там встреча... через двадцать минут, во Вретгреене. Можно, я быстро слетаю? Я не буду сильно задерживаться.
– С кем? – спросил Невард. – С Лаартом?

Верона молча кивнула. Невард погладил ей голову, посмотрел в глаза – золотистые, и сказал:

– Для встреч уже поздно. Я отправлю ему сообщение. А ты займись пока чаем, завари его со смородиной. Расстраиваться не надо. Раз экдор Трартесверн влюблён в тебя, то, как говорит твоя бабушка, пусть соблюдает приличия, иначе он не получит нашего благословения...

Лаарт, куrivший в машине – на углу Кольцевой Приозёрной и Сорок Четвёртой Линии, услышал сигнал деквиантера и, прочитав сообщение, прошептал: «Это к лучшему, видимо. Да и глупо было надеяться, что мне бы это дозволили». Докурив, он стёр информацию, после этого вызвал Кридarta и спросил:

- Ещё не ложишься? Меня тошнит от Вретгреена. Предлагаю поехать куда-нибудь.
- Не ложусь, – отозвался Кридарт.
- Тогда выходи из дома. Минут через семь заберу тебя...

После горячего душа Верона, на деле – уставшая, практически обессиленная, залезла под одеяло, с чувством сильной вины перед Лаартом, а Невард, помыв посуду, поднялся вверх – в ту комнату, что являлась комнатой дочери. Там он какое-то время смотрел на её фотографии, что стояли на книжных полках – и на те, где она была маленькой, и на те, где она уже выросла, и на свадебные фотографии, и на те, где она с малышами – румяными карапузами, а затем, прошептав: «Сказки Андерсена... Это были твои любимые», – взял с полки старую книгу лондонского издания.

– Ну что? – спросил он Верону, когда перешёл в её комнату. – Что будем читать? «Дюймовочку»?

Проследив, как он приближается к ней, как садится на край кровати, прижимая к груди ту книгу, что когда-то читал своей дочери, она свернулась калачиком и сказала:

- Не надо «Дюймовочку». Можно про Герду с Каем? Мне там нравится эта Разбойница...
- Да, – улыбнулся Невард, – мне она тоже нравится. А теперь закрываем глазки. Ты помнишь начало, солнышко?
- «Жил-был тролль...» – начала Верона.
- Он был злющий-презлющий, правильно? И он изготовил зеркало...

Сон одолел её раньше, чем история Герды с Каем пришла к своему завершению. Невард какое-то время продолжал сидеть на кровати, после чего поднялся, вытер слёзы, опять наверх, потушил настольную лампочку и тихо вышел из комнаты, оставляя книжку Теаны – согласно старому правилу – на прикроватной тумбочке.

Доехав до «Акцетара» – пирамидальной гостиницы, расположенной в море, на острове, через скалу – искусственную, с внутренними туннелями, экдор Трартесверн и Лэнар оставили джип припаркованным на цокольном уровне здания и поднялись на лифте до просторного первого уровня, где были и рестораны, и пара концертных холлов, и несколько магазинов – для сверхобеспеченной публики.

– Ну вот, – сказал Лаарт, – что выберем? Судя по той афише, можно послушать оперу, либо отпишем Зуннерту, что мы с тобой выполняем особого рода задание и не знаем, когда появимся, после этого снимем два номера и ударимся во все тяжкие.

- В какие? – спросил помощник.
- Напьемся, – сказал Трартесверн, – а там уже как получится.

* * *

Верона, проснувшись утром – на рассвете, с мыслью о Лаарте – о том, что хочет увидеть его, представила с крайней отчётливостью и глаза его – тёмно-серые, и губы его – сухие, красиво и твёрдо очерченные, и густые светлые волосы, и сказала себе: «Я попробую. Я ведь знаю, как это делается...» На синтез сератонина ушла секунда по времени. Она прошептала: «Вот оно...» – ощущая восторг – немислимый, и осознала тут же, что медленно поднимается – поднимается всем своим телом, а не только одним сознанием, как было в случае с Акройдом – во время полёта – астрального. Осознание было страшным. Она просто застыла в воздухе, не в силах сделать хоть что-либо, пока наконец не почувствовала, что тело её подчиняется ей.

– Я должна опуститься ниже... – прошептала она, концентрируясь, вбирая в себя ощущения – новые, удивительные – управления своим телом вопреки земной гравитации. – А теперь я хочу подняться... Боже, как это просто! Это точно так же, как с Ястребом!..

Трартесверн тоже проснулся – в момент её пробуждения, и лежал какое-то время, силясь понять, где находится. Окно во всю стену, лоджия, вид Игеварта – ажурного, полупрозрачные занавеси, кровать – широкая, мягкая, диван, картины на стенах, камин с мерцающим пламенем... «По-моему, я в гостинице... – решил он с большим удивлением. – А как я здесь очутился? Мы с Ладарой пускали кораблики... после этого мы поужинали... потом я читал, по-моему... Пуаро... об убийстве в поезде... Потом я немного выпил, а дальше уже не помню... раньше такого не было... И голова раскалывается...» Он поискал деквиантер, который не обнаружился, посмотрел на часы на тумбочке – небольшой дисплей с информацией, и прошептал, бледнея: «О нет! Святые Создатели! Меня что, прокератомировали?!» Уверившись в этой мысли, он кое-как поднялся, добрался до ванной комнаты и увидев своё отражение, буквально застыл от ужаса.

– Чёрт... – прошептал он, – приехали... Значит меня уволили и я тут спиваюсь как проклятый...

После горячей ванны, побрившись и чуть успокоившись, он покурил на лоджии, вернулся обратно в комнату и проверил рубашку с джинсами – в поисках информации. В джинсах нашлась бумажка – из разряда «бумаги для записей», с красивым гостиничным вензелем. Развернув её, Лаарт ахнул – на белом листке бумаги его почерком было записано: «405-ый. Моника. Встретиться обязательно». Простояв с минуту в раздумьях, он подошёл к деквиантеру, укрепленному выше тумбочки, и, заказав себе завтрак, попытался связаться с Кридартом. Ответ был неутешительным:

– «Аппарат абонента находится в неисправности».

– Так, – сказал Лаарт, – мило...

Его взгляд обратился к пакету, что лежал на большом диване, рядом со скомканным джемпером – пластиковому пакету с надписью *Marks & Spencer* – однозначно «альтернативному». Внутри оказались лекарства и лист с подробной инструкцией:

«Экдор Трартесверн, простите, Вы сейчас ничего не помните, вследствие амнезии, и находитесь на лечении. Принимайте таблетки, пожалуйста. По две белых утром и вечером. Днём, во время обеда, синяя. Также, для консультации, Вам нужно срочно связаться с проректором Академии. Чем раньше Вы это сделаете, тем быстрее Вы сможете выздороветь. Вот номер его деквиантера...»

Номер был дан под текстом – записанный ровными циферками, мало что выражавшими, в плане характера пишущего, как и круглые ровные буквы.

– Та-а-к, – сказал Лаарт в задумчивости. – Кое-что проясняется. Я нахожусь на лечении. Значит я, видимо, в отпуске. Кератомии не было. И Кридарт всё знает, естественно. И куда он пропал – непонятно. Это ему не свойственно. И таблетки пока не начаты. И где, интересно, супружница? Джемпер вконец замызганный. Как она допустила, что у меня рубашка с таким почерневшим воротом? И джинсы тоже замызганные... это – трава, по-моему. Я что, кого-то преследовал?!

Рассуждая в подобном роде, он позвонил супруге и услышал: «Номер отсутствует...»

– Вот чёрт! – поразился Лаарт. – Я у неё заблокирован! А тестю звонить ещё рано. Да и в целом не стоит, мне кажется. Я, видно, ушёл из дома и поэтому я в гостинице.

Когда его завтрак был подан – кофе в изящном кофейнике, омлет, шоколад на сладкое, Трартесверн поел с удовольствием, радуясь обстоятельству, что наконец в его жизни происходит что-то особенное, и когда уже пил свой кофе, в дверь к нему постучались и послышался голос Кридарта:

– Экдор Трартесверн, вы встали?

Как только Лаарт открыл ему, помощник – помятый, невыспавшийся, пробормотал: «Простите... мы с вами договаривались, что я к вам приду в семь тридцать, но я проспал, к сожалению...»

– Давай, – сказал Трартесверн, – давай проходи и рассказывай!

Они закурили на лоджии и Лаарт сперва услышал о кератомии Лэнара, затем – о проблеме с Кеатой, о том, что она – в санатории, и в целом, что он – Трартесверн – вознамерился разводиться с ней; затем он узнал об ужине, затем – о звонке в одиннадцать: «Меня тошнит от Вретгреена», затем – о приезде в гостиницу, о решении выбросить в море служебные деквиантеры, и затем – об альтернативщице – Монике Маккой Уайтстоун, занявшей первое место в показательных выступлениях по контактному тоггерсвулту среди юниоров Лиги, проходивших как раз в «Акцетаре» и накануне закончившихся.

– Она вам понравилась, думаю, – информировал Кридарт нервно, глядя куда-то в сторону – на белые башни города.

– Да? – усмехнулся Лаарт. – Неужто я с ней познакомился?

– Нет, – разъяснил помощник, – вы с ней не познакомились. Просто мы с вами сидели... выпивали в одном ресторанчике, а у них там как раз показывали все эти выступления, запись боёв в финале, а потом один из обслуживающих сообщил, что все из участников пока остаются в гостинице. И потом вы уже побеседовали с одним из администраторов... и спросили об этой девушке, и записали что-то... я думаю, номер комнаты. И вы мне ещё сказали, что ей не хватает техники. Что низшая лига – максимум, на что она может рассчитывать. И у вас появилась идея стать её личным тренером. Вы даже вспомнили Томаса. Вы там публично высказались, что как чемпиону в прошлом, многократному победителю и экс-председателю лиги, вам надлежит поддерживать подрастающее поколение...

– Даже так? – ухмыльнулся Лаарт. – Она, должно быть, красавица?

Кридарт пожал плечами и ответил: «Ну так... интересная, но не так, как сестра, моему. Та в самом деле красавица, а эта слишком высокая и фигура скорее мальчишеская...»

Отправив помощника в город – за новыми деквиантерами, Трартесверн ходил по комнате – в спутанных мыслях о Монике, пытаясь себе представить, как смог пойти на подобное – проявить интерес к той девушке, что являлась альтернативщицей, и не найдя объяснения, через гостиничный сервис вывел большую проекцию с финального состязания.

* * *

За час непрерывной практики Верона смогла научиться отрывать себя от поверхности из какой угодно позиции – волевым усилием мысли при синтезе серотонина в требуемой концентрации. Впрочем, эти попытки не являлись пока полётами. Она, отрываясь от пола, поднималась вверх вертикально и просто перемещалась – от кровати до ванной комнаты, от ванной до подоконника, от подоконника к стулу, от стула – к двери и так далее. Затем, в один из моментов, она отворила форточку, прошептала: «Сверну себе шею и всё на этом закончится», – и, шагнув в пространство, зажмурилась. Падения не случилось. Осторожно поднявшись над деревом и продолжая удерживать вертикальное положение, она подлетела к крыше, коснулась ногами поверхности – искусственной черепицы, и села, дрожа от волнения.

– Малышка, – сказал вдруг кто-то, – а ты знаешь, что это по Эйверу – две с половиной тысячи?

Она обернулась резко, но никого не увидела.

– Великий Эктор, – прошептала она, – зачем мне эти способности? Мы всё равно расстанемся. Мы с вами уже расстались. Теперь это всё – бессмысленно...

– Нет, – сказал Джон, – не расстались, – и, сев рядом с ней, продолжил: – Ты что, всерьёз полагаешь, что твои отношения с Лаартом – достаточное основание, чтобы я сказал: «Заме-

чательно! Вот пусть он на ней и женится»?! Нет, любимая, ты ошибаешься. Я не отдам тебя Лаарту. Ни ему, ни ещё кому-нибудь.

На этом он проявился – таким, каким был в действительности, не меняя её сознания, склонился к ней – онемевшей, провёл по губам её пальцами, и произнёс:

– Не мучайся. Помни, что я люблю тебя.

Верона снова зажмурилась. Он поцеловал её в голову и снова исчез из видимости.

– Э-эктор, – прошептала Верона, – В-великий Эктор, п-пожалуйста... только одну, обещаю вам...

Ментоловый *Vogue* – дымящийся – возник перед ней за мгновение. Она взяла сигарету, затянулась дрожащими пальцами, вытерла слёзы – пролившиеся, и, признавшись себе в единственном – в том, что она не достойна быть эркадорской возлюбленной, сумела сказать тем не менее:

– Аркеантеанон, простите меня...

Докурив сигарету до фильтра, она поднялась над крышей, переместилась в воздухе обратно в сторону дерева и вскоре уже оказалась в комнате, на подоконнике. Осторожно сместившись на пол, она отправилась в ванную, умылась, пригладила волосы, после чего, одевшись, тихо вышла из комнаты и спустилась на кухню по лестнице – на запах кофе и булочек. Рэана Элиза – в фартуке, сухо поджала губы – в ответ её приветствие: «Доброе утро, бабушка!» – а Невард, варивший кофе, отошёл от плиты с улыбкой и после объятия – крепкого, предложил:

– Давай-ка присаживайся!

– Где твоя мать? В Америке? – спросила Элиза резко. – Чем она занимается?

– Нет, она сейчас в Дублине, – сообщил за Верону Невард и, подмигнув, продолжил: – У неё тут дела, очень важные. Наша детка вчера с ней виделась.

– Надеюсь, Лээст не впутан?

– Во что? – спросила Верона.

Элиза, вздохнув с прискорбием и изобразив всем видом, что не хочет вдаваться в подробности, принялась за нарезку сыра, а Невард, кивнув на террасу, сказал своей внучке: «Пойдём-ка. Пока бабушка возится с булочками, мы возьмём с собой кофе по чашечке и обсудим самое важное».

* * *

Для Моники это утро началось со спортивного комплекса, где она с половины седьмого сперва немного поплавала, затем немного побегала и в конце поработала в паре с одним из других юниоров – своим основным соперником – арвартцем Ламгардом Ланвером. После душа и завтрака с группой – прочими юниорами, она возвратилась в номер и устроилась в кресле на лоджии – с монографией Ридевира: «Новые направления в супрамолекулярной химии». Примерно в начале одиннадцатого к ней постучался Ланвер – в надежде попить с ней чаю – на правах её одноклассника, но, услышав: «Прости, мне некогда. Готовлюсь к самостоятельной», – вынужден был поклониться и тоже заняться уроками – уже не по монографиям, а по простым учебникам. Отказав своему приятелю, она извлекла из тумбочки, где держала подручные мелочи, «*Вечерний Времзрен*» – газету – один из недавних выпусков, и маникюрные ножницы, и вырезала заметку о сбежавшей альтернативщице. Отправив газету в мусорницу, она спрятала вырезку в папке, содержащей другие вырезки, где говорилось о Лаарте, в комплекте с его портретами, и прошептал с иронией: «Джина бы грохнулась в обморок, обнаружь она эту коллекцию», – убрала свою папку подальше – в рюкзак с потайным отделением. Тут к ней опять постучались. «Гостиничный сервис, видимо...» – подойдя с этой мыслью к двери, она отворила, не спрашивая, и, увидев того, кто пришёл к ней, чуть сама не лишилась сознания. Первые три секунды она просто смотрела на Лаарта, чувствуя холод изнутри – буквально парализую-

щий, и жар – окативший всю её, а затем – последним усилием – опустилась в глубоком книксене. Трартесверн, сам ощутивший, что словно куда-то проваливается и что грудь его словно сдавливают, хрипло спросил: «Простите. Я помешал, наверное?» Мотнув головой – в отрицание, Моника распрямилась и отступила в комнату. Лаарт вошёл – с тем чувством, что ему безразлично в принципе, что может случиться впоследствии – тотальная кератомия с кататоноподобной аменцией, жизнь в зарешеченной камере психиатрической клиники. Опять потекли секунды. Он смотрел на неё – покрасневшую, источающую не панику, не страх от его появления, а стыд – безмерный – девический, а Моника, чьим кумиром он являлся семь лет без малого, чья мечта – заветная – страстная – встретиться с ним когда-нибудь – после сотен просмотренных записей со всеми его поединками, после нравственных мук и борьбы с собой, исполнилась вдруг таким образом, стояла, глядя в глаза ему, пока наконец не услышала:

– Рэа Уайтстоун, простите. Я не хотел смущать вас. Я не по долгу службы. Я по другому поводу...

– Да? – прошептала Моника.

Лаарт достал сигареты – обратившись к ним, как за спасением, больше не в силах смотреть на неё – прекрасную – синеглазую, с шапкой медных волос колечками, в открытой спортивной маечке и коротких джинсовых шортиках, и спросил:

– Я курю... Вы позволите?

Согласие было получено – в виде кивка – короткого, и взгляда в сторону лоджии.

Лаарт, прошедший первым, закурил, подошёл к перилам и после двух затяжек произнёс: «Вы ведь знаете, кто я? Представляться не стоит, мне кажется?»

– Нет, эктор Трартесверн.

Трартесверн, чьи глаза обращались в сторону белых клифов и узорных ансамблей города, молчал какое-то время, стараясь прийти к решению – что ему делать дальше – говорить ли о тоггерсвулте, как о чём-то достаточно значимом – достаточном для вторжения, или взять и сказать ей правду – всю – какую получится – о службе, об амнезиях, о том, что он делал выборы, которые были ошибочными, и пока он об этом думал, Моника, ощущая всем своим восприятием, что он пришёл не случайно, что он находится в кризисе, что он нуждается в помощи, первой пришла к решению:

– Эктор Трартесверн, простите, но мне почему-то кажется, что вы здесь не по причине моей победы в финале и поражения Ланвера, и, видимо, не из-за Джины. С ней вряд ли случилось что-нибудь. Но, наверно, случилось с вами. Давайте, пока вы курите, я быстро переоденусь и потом мы сходим куда-нибудь. Куда, я пока не знаю. Мы можем начать с магазина. Подберёте себе что-то новое, а рубашку и джинсы – в прачечную. А потом мы пойдём пообедаем. А публика пусть считает, что вы меня опекаете... Опекаете в качестве тренера.

Эктор Трартесверн повернулся к ней, осмысливая услышанное, и, осмыслив, сказал: «Давайте...» – понимая самое главное – пока она будет рядом, с её рыжими конопушками, ему не о чем беспокоиться.

* * *

Разговор на террасе с Невардом начался с вопроса о Лаарте. Невард устроился в кресле, пригубил свой кофе из чашечки и сказал: «Ну давай рассказывай, как тебя угораздило...»

– Я не знаю, – сказала Верона. – Когда мы впервые встретились, это было утром, у озера, в четыре часа примерно, и он мне тогда не представился. Это было ещё в июле, когда я только приехала, и он мне сразу понравился. А потом уже было много чего.

– Так-так. Ну и что ты думаешь?

– Я хочу, чтобы он был счастлив.

Невард кивнул с улыбкой:

– Ну поживём – увидим. Человек он хороший, мне кажется. И Лээст не возражает, так что если у вас серьёзно, пусть он тогда разводится. Сватать тебя будут многие, но поскольку ты влюблена в него, на его стороне преимущество...

Лаарт, чей день в «Акцетаре» был насыщен такими «глупостями» – согласно его выражению – как обедом в «Кафе Невесомости», прогулкой на батискафе, спуском с каскадов в лодочке, посещением «Театра Теней» и ужином в ресторане на плавучем искусственном айсберге, – устал в достаточной степени, но на деле был счастлив случившимся. Когда ужин почти закончился и было подано сладкое, Моника, съев пирожное, предложила ему напоследок ещё одно развлечение – морскую прогулку на катере, на что Лаарт ответил: «Слушай, давай лучше купим шампанское и разопьём его где-нибудь».

– Давайте, – сказала Моника, понимая самое главное, после услышанной исповеди – той, что Лаарт успел донести до её – ей можно теперь не мучиться, ей можно боготворить его, не борясь со своим сознанием и извечной проблемой нравственности.

После завтрака Невард с Вероной три часа занимались грядками с поспевающим помидорами, с капустой, с морковью, с картофелем – пропалывали, подвязывали, обрабатывали от вредителей, затем пообедали блинчиками, сыграли две партии в шахматы, позанимались музыкой, посмотрели последние новости, после чего Верона сварила спагетти к ужину, сама же сделала соус, и салат, и печенье на сладкое, но Элиза, хоть и голодная, не вышла к столу – из принципа.

К ночи – часам к одиннадцати – Верона вернулась в Коаскиерс. Там она первым делом связалась с профессором Джонсоном и взяла у него разрешение не присутствовать на проверке – по причине недомогания. После душа, вернувшись в «третью», она села за *Volume Тринадцатый*, борясь с возникшим желанием записать, что родители встретились, что сейчас они вместе в Ирландии, и что этим они обязаны эртаону первого уровня, но, с учётом известных факторов, записала нечто иное – об изотопном анализе, об обнаруженном рении, об Акерте и квердераторах, о новой своей способности, о новом балле по Эйверу, что подскочил на тысячу, и даже о Джоше Маклохлане, рискнувшем поцеловать её и схлопотавшем пощёчину. Закончив рассказом о Неварде с его огородными грядками, она прошла к подоконнику и долго смотрела на море, отражавшее окна Коаскиерса золотистого цвета дорожками.

– А у папы и мамы – утро... Они сейчас где-нибудь завтракают...

Утешив себя картинками, что возникли в её сознании, она приглушила лампу почти до полного минимума, залезла под одеяло и, стараясь не думать о Лаарте, заняла себя воспоминаниями о старом домике в Гамлете – о веранде со связками перчика, о вечно текущих трубах, об уютной маленькой кухне и старом добром кофейнике, о комнатке с детским шкафом, где хранились старые письма, никем никогда не прочитанные – «*Мистеру Генри Блэкуотеру, Лондон, Великобритания...*»

– Папочка мой, я люблю тебя, – простонала она с тем отчаянием, с каким обращалась к Генри в двенадцатилетнем возрасте. – Папочка, не оставляй меня...

Лаарт в эту минуту открывал бутылку шампанского, находясь у Моника в номере – перед журнальным столиком, на котором были разложены вырезки из периодики – те, что она показала ему – после его вопроса: «А откуда ты всё-таки знаешь всю мою биографию... спортивную биографию?» Вырезок было много – без одной, что осталась в папке – той вырезки, где говорилось о побеге альтернативщицы.

– За тебя, – сказал Лаарт, – за счастье, за то, чтобы всё исполнилось – твои мечты и желания...

После этого он наклонился, поцеловал её в щёку и произнёс: «И за встречу. Нашу новую встречу в будущем...» Затем он достал деквиантер – с тремя рабочими линиями, и, войдя в режим фотографии, сделал несколько снимков – Моники, пьющей шампанское, Моники улыбающейся, Моники, говорящей ему: «Экдор, прошу вас, достаточно!» – и в конце – пару общих снимков и одно короткое видео, на котором он говорит себе: «Лаарт, вот с этой девушкой связано твоё будущее!» Сохранив эти снимки в папке под названием «Аки-17-е», он сразу же засекретил её, поделился паролем с Моникой, убрал деквиантер в сторону и произнёс:

– Послушай, когда я выйду из отпуска, я подключу свою линию. Эта линия – частная. Запомни номер, пожалуйста... Наберёшь его, назовёшься и скажешь мне после этого: «У вас в деквиантере папка с таким-то – таким-то названием. Пароль к ней такой-то – такой-то. Я и есть та самая девушка...» Если я вдруг отвечу, что такая папка отсутствует, то вели мне спросить у Кридарта, откуда я знаю Моника. Сейчас я предупрежу его. Одним словом, как-нибудь встретимся. Одним словом, не оставляй меня...

* * *

Утром Верона проснулась за час до звонка будильника и пятнадцать минут примерно вспоминала о квердераторах, о поездке с Лээстом в Дублин, о том, как она расплакалась, поскольку таксист спросил у него: «А дочурка, наверное, учится?» – о маленьком ресторанчике, где Лээст, взяв её за руку, сказал ей самое главное: «Мы с тобой – единое целое. Вот как я это чувствую», – о долгой прогулке по городу и о том, как он попросил её – уже перед их возвращением: «Ты можешь сказать мне „папа“? Просто представь на секундочку, что я – это Генри Блэкуотер и мы наконец с тобой встретились», – и как уже после, в «Ястребе», повторял: «Моя драгоценная»; «Дочурка моя единственная»; «Звёздочка моя ясная»; «Солнышко ненаглядное».

– Мой бог, – прошептала Верона, – он сходит с ума, по-моему... И Эркадор не вмешается. А папа... он написал мне?!

Письма от Блэкуотера не было. Верона, вздохнув с огорчением, взглянула на Эркадора – на прекрасную фотографию, после чего зажмурилась и, оторвавшись от пола, поднялась, в вертикальной позиции, примерно на фут или около. После недолгой практики, подтвердившей её умение, она, облачившись в джинсы, быстро покинула комнату – с достаточно смелой идеей опробовать свои силы в условиях с большей площадью и какое-то время «летала» в этом же положении, после чего сменила его – на позицию горизонтальную. В один из таких моментов витражные двери гостиной незаметно пришли в движение. Верона, уже понимая, что не успеет выпрямиться, потеряла баланс – от волнения, и просто свалилась на пол – не самым удачным образом – отбивая локти с коленями. Стекло створки разъехались, являя Джину в халатике. Возникла недолгая пауза.

– Ты чего?! – спросила Джина. – Чего это ты тут падаешь?!

– Тренируюсь, – сказала Верона. – Отрабатываю позиции.

– В чём?! – ужаснулась Джина. – Ты что, занялась тоггерсвултом, как моя сумасшедшая Моника?!

– Нет, не совсем тоггерсвултом. Готовлюсь к зачёту по «Ястребу».

– Понятно, – сказала Джина. – Можно к тебе на минуточку? Я должна рассказать тебе кое-что...

В «третьей», узрев мгновенно прекрасную фотографию, Джина невольно ахнула и спросила: «Кто это?!» – на что Верона ответила:

– Гренар, директор школы. По уши был влюблён в меня и до сих пор ухаживает. Забрасывает портретами и всякими глупыми письмами.

– Да?! – поразились Джина. – Он влюблён в тебя по уши и ты от него уехала?! Да он красивее Лээста! Ну не хуже, во всяком случае!

– Мне кажется, внешность – не главное.

– Ну не знаю, – сказала Джина. – А с чего ты его повесила?

– Да нечего больше вешать. Пусть висит здесь для украшения.

– А эктор Эртебран не против?

– Если бы он был против, портрета на стенке бы не было. Так что там стряслось? Рассказывай.

Джина взяла сигарету, помяла тонкими пальчиками и прошептала трагически: «Ты знаешь, что я обнаружила? Ты будешь смеяться, естественно, но это кошмар, поверь мне. У меня пропали все волосы, хотя я не делала этого. Ну то есть ты понимаешь...»

Верона, подумав: «Дожили!» – обратилась к дару суггестии:

– Нет, делала, но запомнила. Ты мне сама сказала... позавчера, по-моему, что они тебя раздражают, в силу своей бессмысленности, и ты хочешь от них избавиться.

– Да?! – оживилась Джина. – А то я уже испугалась! Даже не знала, что думать! Хотела лечь на обследование! Ну тогда я пошла собираться! – и, взглянув на портрет «директора», добавила: – Ох, красавец! Сколько ему? Лет тридцать? Ровесник нашего Джошуа?

– Нет, тридцать пять на деле. Просто он молодо выглядит.

После ухода подруги Верона, в глубокой задумчивости, присела на край кровати, пытаясь определиться в текущем своём состоянии: «Половина того, что я помню, скорее всего смоделирована. Плюс к этому – три амнезии... три амнезии, как минимум. Вопрос – что является истиной? То, что Джон – Эркадор, во-первых. Во-вторых, что я всё ещё девственница... остаётся на это надеяться... В-третьих, мои способности стремительно прогрессируют. В-четвёртых, папа не умер. В-пятых, рэана Элиза почему-то меня недолюбливает. В-шестых, я скучаю по Лаарту. И, в-седьмых, я хочу увидеть его. Принимает ли он анальгетики и противозипелитические?»

Лаарт в эти минуты всё ещё спал в своём номере, после бессонной ночи, проведённой в обществе Моники. Приблизительно в пять он расстался с ней – долгим тёплым объятием, взъерошил ей медные волосы и поцеловал её в губы – не самым серьёзным образом, но достаточным, чтобы вызвать внутреннюю реакцию. Моника задрожала, а Лаарт сказал: «Увидимся!» – и вернулся к себе – довольный, разбудив перед этим Кридарта и посвятив в ситуацию. Сам Кридарт, узнав от начальника, что тот намерен продолжить отношения с альтернативщицей, подумал: «Он что, рехнулся? Он хочет кератомии в качестве искупления?» – и до того расстроился, что не смог уснуть после этого.

* * *

На завтрак были оладьи – со сметаной или с вареньем – в зависимости от выбора. Верона, выбрав варенье, чем порадовала шеф-повара, что варил его самолично, съела оладий десять, чем опять-таки, в свою очередь, порадовала проректора, вернувшегося из Дублина минут за двадцать до завтрака. Сразу же после завтрака она пообщалась с Лиргертом, который проинформировал, что уже получил разрешение провести с ней одно занятие. «Тогда в пять?» – предложила Верона. Главный хакер ответил согласием.

Уроки прошли спокойно, исключая урок диагностики – третий по расписанию. Марсо, носившийся с планом составить письмо Дизервену, чтобы избавиться разом и от эктора проректора, и от главы отделения, манкирующего обязанностями, водрузил на парту Вероны пластиковую коробку, закрытую плотным образом, но с десятком маленьких дырочек, и заявил:

– Пожалуйста! Проверим ваши способности! Определите, кто там, и затем продиагностируйте!

Услышав такое «здание», пятый курс пришёл в возмущение. Староста встал на защиту:

– Эктор, вы опять начинаете злоупотреблять положением в угоду своим амбициям!

– Пять баллов, – сказал профессор, – и вам, ардор Лазариди, и всем остальным, кто оспаривает передовую методику, лично мной разработанную и более чем прогрессивную! – затем, повернувшись к Вероне, он ехидно спросил: – Сдаётеcь? Не способны пока настроиться? Ну да, это вам не крыса! Не желаете ли подсказочку?!

– Нет, – усмехнулась Верона, – я обойдусь без «подсказочек». А вам, за такую «методику», придётся скоро расстаться не только с самой Академией, но с Арвеартом в целом. Это я вам гарантирую. Что касается вашего ящичка, там – Большеглазый полоз. Возраст – два года три месяца. Болезни – декальцинация, нарушения функций печени, обмена веществ и так далее. Патологии необратимые. Змея находится при смерти. И это – на вашей совести.

Студенты переглянулись. Напряжение в классе усилилось. Марсо промокнул свою лысину.

– Скотина! – сказал Лазариди.

Марсо, до этого красный, стал наливаясь желчью. Глаза его снова выпучились. Он ослабил узел у галстука и прошипел: «Сто баллов и выйдите вон отсюда. Вы больше не обучаетесь здесь».

Айвер взглянул на Верону, повернулся к аудитории и спросил у своих однокурсников:

– Кто разделяет мнение, что профессор Марсо – скотина?! Присоединяйтесь, пожалуйста!

Первым поднялся Барра – со словами: «Скотина полнейшая!» Следом – Гийом и Джина, затем – арвеартцы – по очереди.

– Айвер, – сказала Верона, – захвати-ка эту коробочку. Незачем оставлять её здесь.

На этом Марсо не выдержал:

– Вон! – заорал он. – Немедленно! Убирайтесь из аудитории! Вы все за это поплатитесь! Я пишу докладную ректору!

– Удачи! – сказал Лазариди. – И не забудьте копию для господина проректора!

Минут за шесть пятикурсники, саботировавшие занятие, дошли до своей гостиной, где Верона сказала: «Присаживаемся! Продолжаем урок диагностики. Разговор пойдёт о теории...» – а Марсо, после их ухода, взялся строчить свою кляузу – но не ректору, а сенатору – с перечислением фактов, собранных с первого августа. «Напишу, – размышлял профессор, – отошлю конверт из Вретгреена. Завтра письмо прочитают, послезавтра придет кто-нибудь... сам экдор Дизервен, по всей видимости... проректора ликвидируют, Креагера уволят сразу, Трартесверна с его помощничками привлекут к уголовной ответственности, эту иртарскую сучку отправят обратно в Америку и тогда я вздохну спокойно... тогда я возглавлю Коаскиерс...»

На четвёртый урок – к Таффаорду – пятый курс пришёл с опасением, что куратор в курсе случившегося – с подачи Марсо-придурка, но Брареан, как выяснилось, оставался пока в неведении.

– Эктор, – сказал Лазариди, – вы не волнуйтесь, пожалуйста, но возможно, нас всех отчислят. В общем, мы сделали следующее...

Узнав обо всём в подробностях, как и о том, что Верона находится в своей комнате и пытается вылечить полоза, Брареан связался с проректором и пересказал историю. Эртебран, в тот момент пребывавший в северной башне с Джошуа, который вернулся ночью в раздрыганном состоянии, выслушал психиатра и откомментировал следующим:

– Марсо получает сегодня приказ о своём увольнении, который вступает в силу тридцать первого августа.

На пятый урок, таким образом, Верона пришла с опозданием, на что токсиколог Хогарт спросил: «Как там ваше чешуйчатое? Мы уже все тут прослышаны...»

– Жив! – сообщила Верона. – За неделю поправится полностью!

Класс вздохнул с облегчением. Токсиколог кивнул обрадованно: «Хорошо, лейтенант, присаживайтесь!» На этом урок продолжился.

Последний урок – биохимия – начался в этот день классически. Лэст пришёл с опозданием, вывел несколько графиков, дал краткие пояснения, сказал: «Арверы, работаем. Сегодня – самостоятельная! Заполняйте таблицу, пожалуйста!» – и затем произнёс неожиданно:

– Пойдёмте, рэа Блэкуотер, поднимемся в мой «проректорский» и обсудим вопрос с диагностикой. Если честно, мне интересно, как вы определили, кто находится в ящике...

Поскольку он улыбался, Верона вышла – надеясь, что беспокоиться не о чем, но когда Эртебран известил её – не в самой мягкой тональности, что знает о квердераторе, что она попросила у Акерта, надежда её развеялась. Разговор начался с претензий, в принципе – состоятельных, с эртебрановской точки зрения:

– Так что? Для чего он понадобился?

Верона, подумав: «Лиргерт... сдал меня, получается. Стоит учесть на будущее...» – невинным тоном ответила:

– Экдор Эртебран, простите, но я отдала его Лаарту.

– Kiddy, – вздохнул проректор, – не надо меня обманывать. Я был только что в твоей комнате. Обнаружил его случайно. Квердератор – на полке с косметикой. Не представляет тайны, у кого ты могла попросить его.

Верона устала в сторону. Щеки её запылали. Красные губы дрогнули.

– Так что? – повторил проректор, немного смягчив интонацию.

– Экдор Эртебран, простите. Он мне нужен для личного пользования.

– Это – всё твоё объяснение?

– Эта модель блокирует квантовое излучение, возникающее при мышлении.

– Что?! – поразился Лэст. – Ты что, собралась блокироваться?!

– Это для крайних случаев.

Проректор сурово нахмурился и так же сурово высказал:

– Даже для крайних случаев я не вижу особой надобности!

– Да?! – вспылила Верона. – А вас бы, экдор, устраивало, если бы я, к примеру, находилась в вашем сознании? Вас бы так это радовало?!

– Дело не в этом, Kiddy. Принимать такие решения, даже не обсудив со мной...

– Но вы же вчера отсутствовали!

– Ладно, – вздохнул проректор, – в это я больше не вмешиваюсь. Телепатия, блокировка, все эти ваши способности... Я – смертный, ты – эртаонка. Меня это всё не касается.

Её губы повторно дрогнули:

– Если вас не касается, то значит вам безразлично, что я начала левитировать?

– Что?! – вновь поразился Лэст. – Но ведь полутора тысяч для этого недостаточно!

– У меня уже две с половиной. Джон сам мне сказал об этом.

– О нет... – прошептал проректор, причём с непритворным ужасом. В разговоре возникла пауза, им же самим и прерванная – теперь уже в новой тональности, относительно сбалансированной: – Кстати, по этой части... Какова ситуация с Ястребом? Готова уже к зачёту? Или есть проблемы с фигурами?

– Думаю, что готова.

– Назначаем на послезавтра. И, кстати, где Трартесверн?

– Не знаю, – сказала Верона. – Вчера я его не видела.

Лэст достал деквиантер. Исходя из его реакции, ответ был неутешительным. Сперва он потёр переносицу – с возникшей в глазах растерянностью, а затем произнёс неуверенно: «Говорят, что номер не значится. Возможно, он удалил его...»

– Что? – прошептала Верона. – Как это... «он удалил его»?

– Не волнуйся, всё образуется. И заглянем в проректорский всё-таки. Выпьем по чашке кофе, а то ты дестабилизирована...

XXX

Лаарт, проснувшись в одиннадцать, обнаружил себя – с удивлением – в богатом гостиничном номере, взглянул на часы – настенные, с указанием даты и времени, и вскоре звонил уже Кридарту – в шоковом состоянии. Услышав: «Какого чёрта?!» – помощник поспешно выпалил:

– Эктор, я сейчас подойду к вам! Не беспокойтесь, пожалуйста! Мы с вами сейчас в «Акцетаре», по причине вашего отпуска! Ваша супруга ушла от вас! Сейчас она в санатории! И у вас амнезия! Временная! Это на фоне аварии! Вы находитесь на лечении! У вас там должны быть таблетки и инструкция к применению!

Лаарт, ответив: «Ясно», – отложил деквиантер в сторону и посмотрел на вещи – льняные брюки с рубашкой и лёгкий вязаный джемпер – белоснежный, с синим орнаментом.

– Вещички мои, должно быть? – спросил он с лёгкой иронией. – И с чего я так расфрантился? Видать, под влиянием Лэнара.

Затем он оделся, похмыкивая, и направился в ванную комнату, где, увидев своё отражение, пробормотал:

– Ну естественно: «Ваша супруга ушла от вас». Не ушла, а сбежала в ужасе.

После этого он умылся, вернулся обратно в комнату, взял со стола сигареты, по ходу взглянул на «инструкцию», что лежала рядом с лекарствами, закурил и вышел на лоджию. «Я должен связаться с проректором... – прокрутилось в его сознании. – Ну да, понятно, конечно же. Амнезии – дело нешуточное. Тривералы с таким не справляются. Но мне, если честно, не хочется, лечиться в этом Коаскиерсе. Раз я сейчас в Игеварте, то можно этим воспользоваться и найти приличного доктора. Поручу-ка я это Лэнару. Сейчас мы сходим позавтракаем и пусть потом едет в город и наводит справки какие-нибудь...»

* * *

Обед в этот день в Коаскиерсе был отмечен редким событием – тем, что Марсо отсутствовал, на что Верона подумала: «Он боится теперь показываться...» – а проректор к концу обеда отправил ему сообщение: «*Ардор, я жду вас в проректорском. Извольте явиться немедленно*», – после пары звонков – неответченных, и комментария Хогарта: «Толстяк решил не высовываться. Ждёт, когда буря уляжется». Лээст покинул столовую – в компании старых приятелей, а Верона пошла в общежитие в новой компании – с Айвером, обсуждая лечение полоза.

– Слушай, – сказал Лазариди, – если тебе не жалко, подари мне его, пожалуйста. У меня был такой же в детстве. Машина его переехала. Я подлечил и выпустил. Снова хочу попробовать.

– Забирай, – согласилась Верона, – а толстяк наш пускай удавится.

Сам Марсо пребывал во Вретгреене, где, отправив письмо – анонимное – сенатору Дизервену, на адрес того отделения, что значилось, как «*Игевартское*», переместился в «*Пушки*» и полностью проигнорировал и звонки от эктора проректора, и вызов «*явиться немедленно*». Мысли Марсо, как обычно, касались грядущего будущего – где он, Жан Марсо, становится самой главной фигурой в Коаскиерсе. «Я даже смогу жениться... – мечтал он за „*Можжевеловкой*“. – Мне, с моим новым статусом, вряд ли откажет кто-нибудь. Возьму и женюсь на молоденькой...» Размечтавшись на эти темы, диагност устремился в уборную и там, заперевшись в кабинке, продолжил свои мечтания, сопрягая их с мастурбацией.

Лэнар, посланный в город, навёл по дороге справки и направил таксиста к клинике, известной, как «*Кордесварская*». Геверт – главврач «*Кордесвара*» и директор больничного ком-

плекса, услышав от секретарши, что к нему на аудиенцию просится заместитель начальника отделения – Вретгренского отделения департамента по охране, сразу сказал:

– Пригласите! Проведите его немедленно!

Кридарт вошёл – с той мыслью, главный врач «*Кордесвара*» особо себе не отказывает в том, что касается роскоши, и после обмена поклонами опустился в широкое кресло, вероятней всего – контрабандное.

– Коньяк? – предложил ему Геверт. – Или виски со льдом? Сигару? Чем ещё я могу угостить вас? Может быть, кофе со сливками? Чай? Чего-нибудь сладкого?

– Нет, спасибо, экдор. Это лишнее.

– Ну тогда прошу вас, рассказывайте, для чего я мог бы понадобиться...

Услышав от посетителя, что у главы отделения возникли проблемы с памятью, в частности – амнезии, после серьёзной аварии, Геверт спросил напрямую – с едва уловимым скепсисом:

– Значит, экдор Трартесверн избегает лечиться в госпитале известной всем нам Академии?

– Эктор Трартесверн сейчас в отпуске. Он сейчас в «Акцетаре» и ему бы было сподручнее обратиться за консультацией к вашим специалистам, а не ехать отсюда в Коаскиерс, – Лэнар слегка прищурился: – Или вы, ардор, опасаетесь, что во вверенном вам заведении не найдётся профессионала, способного посодействовать одному из самых достойнейших представителей Департамента?

– Найдётся, – ответил Геверт. – Но боюсь, что одной консультацией дело не ограничится. Симптомы меня настораживают. Подъезжайте сегодня к вечеру. Пусть ложится к нам на обследование.

Моника в эти мгновения смотрела в окно своей комнаты – уже не в гостиничном номере, а в том секторе школьного комплекса, в котором располагалось общежитие старшекласников, – смотрела на треугольник – хорошо различимый издали – синего «Акцетара», где, перед их расставанием, Лаарт поцеловал её, и думала о единственном – что подаст на натурализацию – подаст как можно скорее, а дальше уже как получится.

* * *

Расставшись с доктором Гевертом, Лэнар вышел в приёмную, попрощался кивком с секретаршей, присевшей в глубоком книксене, и в лифте, пока спускался, успел набрать сообщение:

– «Эктор, я нашёл для Вас клинику. Лучшие рекомендации...»

Трартесверн, получив сообщение, сначала вздохнул – с той мыслью, что ему совершенно не хочется тратить неделю отпуска на обследование с лечением, а затем ответил помощнику:

– «Хорошо. Давай возвращайся. Расскажешь мне всё в подробностях. И, кстати, свяжись с отделением. Скажи, что появишься скоро. Пусть там не расслабляются».

Отдав одnogруппнику полоза, Верона прошла к деквиантеру – в том беспокойстве за Лаарта, что уже становилось критическим. Картина не изменилась – номер в системе отсутствовал. В результате её решением стало спуститься к Лиргерту, который сперва обрадовался – при её появлении, но когда она робко спросила: «Вы могли бы выяснить кое-что?» – вздохнул и ответил:

– Что именно? Закрытая информация?

Услышав о Трартесверне – в скомканном изложении, сопряжённом с явными всхлипываниями, нервным курением *Treasurer* и трагическим заключением: «Он умрёт, если он не появится здесь!» – Лиргерт сказал: «Понятно. Часа мне хватит, наверное», – и, как только

Верона вышла, вывел большую проекцию с общедоступными сведениями о Вретгреенском отделении.

Час прошёл для Вероны в мучительном ожидании. Пару раз к ней заглядывал Джимми – в первый раз – попросить совета по части подарка Терне, в свете её дня рождения тридцать первого августа, а второй – на предмет консультации по заданию у токсиколога. Наконец поступался Свардагерн. «Я добрался до списка „Служебные“, – сообщил он, вручив ей бумажку с аккуратно записанным номером. – Полагаю, в его деквиантере линий пять или шесть, как минимум. Но только будь осторожна, не звони ему из Коаскиерса».

Верона, собравшись быстро, отправилась в грот за «Ястребом», одетая по-походному, с рюкзаком, где лежали вещи – самое необходимое, и с платиновым квердератором, что она забрала из комнаты, опасаясь, что Лээст изымет его.

Сам Лээст в эти минуты обналачивал часть своих акций для покупки дома в Ирландии, с мыслью забрать финансы и в восемь быть уже в Дублине – в восемь утра по дублинскому, а Лаарт пил пиво с Лэнармом и слушал о докторе Геверте с его хрустальными люстрами и золотыми чернильницами.

Марсо, отобедав в «Пушках», немного прошёлся по Набережной и присел на одну из скамеечек – обдумать своё положение: «В Коаскиерс ехать рано. Надо будет вернуться к вечеру и потом сказать Эртебрану, что меня вызывали в столицу на частную консультацию. Извинюсь, и он успокоится. Лишь бы только письмо сработало. Но вряд ли оно не сработает... там такие подробности. Я приукрасил, конечно, но обратное не доказано... Понятно, что он её пользуется. Любой, на его бы месте, сделал бы то же самое. И как только они его схватят, я предложу им помощь – доказать, что она – не девственница, и тут она не отвертится. Семёрки будут держать её, а я – прямо так, без перчаточек. Мало ей не покажется. Пусть потом вспоминает метод глубокой пальпации...» От подобного рода мыслей диагност испытал потребность в срочном уединении и пропустил от скамеечек к парковке с автомобилями. Забравшись в свою машину, он взялся расстёгивать пуговицы и в этот момент увидел, как на свободную секцию спикировал синий «Ястреб» с предметом его вождения. «Ого! – поразился профессор. – А она-то чего здесь сделает?! Она что, уже пилотирует?! Явилась на встречу с проректором?!»

* * *

На звонок, что пришёл с той линии, что отдельно существовала для каких-либо срочных вызовов, Трартесверн среагировал фразой: «Да никак пожар в отделении!» – и приказал, не здороваясь:

– В чём дело?! Давайте докладывайте!

На другой стороне замешкались, но ответили – женским голосом:

– Экдор, простите, пожалуйста...

Лаарт, взглянув на Кридарта, прошептал: «Ошибка, по-моему. Это какая-то девушка», – на что Кридарт подумал: «Моника?!» – а Лаарт сказал в деквиантер:

– Рэана, боюсь огорчить вас...

Девушка прервала его:

– Экдор, вы должны меня выслушать! Это насчёт Коаскиерса! Вы должны приехать немедленно!

Лаарт вскипел за секунду:

– Не смейте распорядиться! Вы хотя бы знаете, кто я?! А кто вы, я уже догадываюсь! – «вы» он выделил голосом – презрительной интонацией, что с каждым словом усиливалась. – Ваш иртарский акцент очевиден. Вы – та самая рэа Блэкуотер, которая здесь оказалась вопреки моему решению! И с такими, как вы, я общаюсь исключительно через посредников! Если у вас

что-то срочное, запишитесь к экдору Кридарту! Он сможет принять вас в пятницу! Но только не в эту, а в следующую!

– Экдор Трартесверн, вы не знаете! Вы находитесь на лечении!

Лаарт ожесточился:

– Не смейте так говорить со мной! Здесь вам не Иртар, понятно?! Ведите себя соответственно!

– Экдор Трартесверн, простите. Мне нужно с вами увидеться. Это безотлагательно. Вы просто не помните многого.

– Это вас не касается! И вы меня недооцениваете, если вы полагаете, что я опущусь так низко, что позволю себе встречаться с какой-то альтернативщицей!

– Экдор, мы уже встречались.

Возникла недолгая пауза. Лаарт сперва ухмыльнулся, затем потянулся за «Мальборо», прикурил – при помощи Кридарта, и ответил:

– Вы галлюцинируете. Я не стал бы встречаться с вами ни при каких условиях.

– Экдор, вы больны, смертельно. Я и экдор проректор занимаемся вашим лечением. Вам нужно госпитализироваться. Тех лекарств, что вы принимаете, для лечения недостаточно. Если вы мне не верите, то экдор Эртебран подтвердит вам. Позвоните ему, пожалуйста.

Трартесверн затаился – судорожно, побелел – за одно мгновение, и сказал – без эмоций в голосе:

– Пусть я лучше умру в этом случае. Это будет куда достойнее, чем пытаться спасти свою кожу эртебрановскими усилиями, да ещё и с вашим участием.

– Мой экдор, прошу вас, послушайте!

– Как вы смеете так обращаться ко мне?!

– Лаарт... – Верона заплакала, судя по тихому всхлипыванию.

– Что?! – закричал Трартесверн. – «Лаарт»?! Вы что, издеваетесь?! Вам известно слово «приличие»?! Я глубоко сомневаюсь! Эта линия будет заблокирована! – на этом он отключился и спросил – с предельной экспрессией, обращаясь к вспотевшему Лэнару: – Как тебе это нравится?! Обращаться ко мне по имени! И как язык поворачивается?!

Лэнар глотнул свой «Брекброк», вытер пот и сказал:

– Простите меня... но, может быть, вам действительно лучше поехать в Коаскиерс? Если экдор проректор занимается вашим лечением...

– Что?! – Трартесверн ухмыльнулся. – Всё это – провокация! Эртебран никогда не сподобился бы!

– Но ведь вы бы могли позвонить ему. И эти лекарства с инструкцией. Ведь кто-то же их передал вам. Видимо, эта девушка... Вероятно, вы вправду встречались с ней...

Лаарт поднялся с кресла, взял со столика пачки с таблетками, засунул в пустую мусорницу и пояснил комментарием: «Лэнар, всё это – заговор. Они просто хотят уничтожить меня. Мстят мне грязными способами. Это же альтернативщики. Они все без моральных принципов, начиная с Марсо и Геверта. Я знаю, что этот Геверт был завербован нами, в середине двадцатых, по-моему. Он состоит агентом при головном отделении...»

– Быть не может! – воскликнул Лэнар.

Лаарт кивнул:

– Представь себе. Я видел его заявление... согласие на сотрудничество. И видел его доносы. На деле он просто ничтожество.

– Так вы ляжете на обследование? Ничтожество он или кто там, но медитерал со способностями. Вдруг действительно что-то серьёзное?

Лаарт вернулся в кресло, потушил сигарету в пепельнице, вздохнул и сказал:

– Придётся. Мне надо удостовериться, что беспокоиться не о чем. И Геверт, во всяком случае, не будет пытаться убрать меня...

Лэнар поколебался – на предмет сообщать ли начальнику об отношениях с Моникой – тоже альтернативщицей, но с которой он – Трартесверн – решил связать своё будущее – по факту одной лишь встречи и вспыхнувшей в нем влюблённости, но в силу предупреждения: «Пока у меня амнезии, ты мне о ней не рассказывай», – решил промолчать – с той мыслью, что Лаарт не в том состоянии. «Пусть он лучше сначала пролечится, пусть он сначала выздоровеет, пусть разведётся с Кеатой. А если не разведётся, то тогда я навряд ли скажу ему. У него это всё от болезни... от чувства вины и так далее... Зачем ему эти связи? Если даже эта Уайтстоун пройдёт натурализацию, всё равно он на ней не женится. Карьера ему важнее. Он в будущем станет сенатором. От такого нельзя отказываться ради какой-то девушки...»

* * *

Верона, покинув «Пушки», откуда звонила Лаарту, вернулась обратно в «Ястреб» и сразу же, не раздумывая, полетела к серому зданию, в котором располагалось Вретгреенское отделение. Изумив молодого охранника фразой: «Мне нужно к Кридарту и не смейте меня задерживать!» – она вошла в помещение, перевела дыхание и вызвала лифт – с той решительностью, которая возникала в ней в самых критических случаях. В приёмной на третьем уровне обнаружилось пять сотрудников. Все они пили виски и – судя по виду – бездельничали, но поднялись тем не менее ради формы приветствия. Верона присела в книксене и спросила с подчёркнутой вежливостью:

– Дорверы, прошу простить меня, но это безотлагательно. Кто-нибудь сможет сказать мне, где сейчас глава отделения? Я буду крайне признательна за подробную информацию.

Дорверы переглянулись. Один почесал затылок. Второй произнёс: «Не думаю». Третий пожал плечами. Четвёртый – в явной растерянности, подлил себе новую порцию. Пятый извлёк деквиантер, проверил «входящие» вызовы и ответил: «Если он с Кридартом, то они в Игеварте, наверное. Кридарт звонил мне с улицы. А конкретней сказать не получится. Дождитесь экдора Зуннерта. Это второй помощник. Он сейчас на обеде. Обедает у родителей».

В воздухе похолодало. Дорверы зябко поёжились. Зрачки у Вероны сузились:

– Вы могли бы перезвонить ему? Я говорю о Кридарте. Уточнить его нахождение?

– Мог бы, – сказал сотрудник, – хотя у нас не приветствуется звонить без особого повода.

– А что он успел сказать вам, когда вы с ним разговаривали?

– Он сделал нам всем внушение, чтобы мы тут не расхолаживались.

– Так-так, – усмехнулась Верона. – Внушение не подействовало. Ладно, звонить не стоит.

Сообщите мне тот его номер, который для общих вызовов и не пейте в рабочее время, когда вы при исполнении. Оставайтесь профессионалами, иначе вы дискредитируете имидж всего отделения и имидж руководителя...

После четвертой кружки Лаарт, слегка охмелевший, почувствовал боль – усиливающуюся – в передней височной области, и попросил помощника спуститься на первый уровень и купить болеутоляющие, на что Кридарт спросил тактично: «А может быть, лучше выписаться и сразу поехать в лечебницу?»

– Отправляйся, – велел Трартесверн. – Выбери сильнодействующие. Остальное ещё успеется. Я не спешу на свидание с этим подонком Гевертом.

Когда Лэнар покинул комнату, Лаарт направился к столику, взял в руки листок бумаги, пробежался глазами по буквам: «Эктор Трартесверн, простите, Вы сейчас ничего не помните, вследствие амнезии, и находитесь на лечении...» – смял его – чуть ли не с яростью, и процедил сквозь зубы:

– «Лаарт...» Да как ты посмела обращаться ко мне таким образом?!

Затем он вышел на лоджию – в поисках свежего воздуха, поскольку боль прогрессировала, вытащил деквиантер, пытаясь отвлечься на что-нибудь, и, подключившись к базе, вывел

в виде проекции файл на альтернативщицу. При виде её фотографии у него прервалось дыхание. В ушах его зазвенело, колени сделались ватными, всё вокруг расплылось, поплыло, заперестрило яркими пятнами и, почти теряя сознание, он упал на шезлонг – поверженный, не успев взмолиться к Создателям.

* * *

На полёт до столичного города – над высокими белыми клифами, вдоль сине-зелёного берега, у Вероны ушло в общей сложности не больше часа по времени. Игеварт – кружевной – ажурный – сплетение башен – диковинных – воздушными лёгкими арками – предстал перед ней узором, сотворённым загадочным образом, неведомым для сознания. «Ну вот, Игеварт. Что дальше? Они в какой-то гостинице. Сейчас приземлюсь, где получится, и потом свяжусь с этим Кридартом...»

Когда Лэнар вернулся в номер, то обнаружил Лаарта в состоянии лёгкой прострации – он сидел на шезлонге, с пивом, и мало на что реагировал.

– Вот, – сказал Лэнар, – пожалуйста. Надо принять две капсулы.

Лаарт взглянул в его сторону – скорее – с недоумением, и спросил, возвращаясь к действительности:

– Ты говорил мне утром, что я, по твоей же просьбе, на днях удалил тебе память в объёме нескольких месяцев?

Кридарт кивнул с согласием.

– Знаешь, – сказал Трартесверн, – я понимаю, кажется, с чем это может быть связано. Я тут просматривал сводки... отчёты за пару месяцев. Ты знаешь, что эта девушка недавно спасла одну девочку? Та утонула в озере, а потом ты подъехал с ребятами. Ты брал у неё показания...

– Да? – удивился Кридарт. – У кого я брал показания? У утонувшей девочки?

– Нет, – усмехнулся Лаарт. – У нашей иртарской спасительницы.

– А почему вы думаете?..

– В нас иногда срабатывает инстинкт самосохранения. Я видел её фотографию. Я бы тоже стёр себе память, влюбись я в альтернативщицу.

– Экдор, – возмутился Лэнар, – подобное исключается!

Трартесверн взял сигарету, произнёс: «Убери свои капсулы. Ещё пригодятся при случае», – и глядя, как Кридарт присаживается, отложив анальгетики в сторону, продолжил свои рассуждения:

– Она ко мне обратилась исключительно частным образом. «Лаарт...» – никак иначе. Она никогда не осмелилась бы, не дай я на то разрешения. И она бы не позвонила... её голос... её интонации... В конце она даже заплакала... Я просто это почувствовал... и позволил себе унизить её... А ей было больно, Лэнар... – он прервался, поднялся с места и резко прошёлся по лоджии – вдоль перил, украшенных арисом. В глазах его, полных горечи, промелькнуло вдруг что-то светлое. – И ты знаешь, я ещё выяснил, что в понедельник, первого, она была в отделении... приходила на регистрацию... Возможно, тогда мы и встретились... Тебе не кажется странным, что я попал в ту аварию непосредственно возле Коаскиерса?

– Вы, вероятно, ехали на встречу с вашим доносчиком?

– Пьяным? На встречу с доносчиком? Нет, Лэнар, ты ошибаешься. На встречу, но не с доносчиком. Я ехал к ней на свидание.

– Экдор, ну а как же заговор? Вы не можете быть уверены.

– Да, – согласился Лаарт, – ни в чём нельзя быть уверенным.

– Так мы едем к этому Геверту?

Лаарт взглянул на небо – в голубизне – пронзительное, на горизонт с силуэтами рыболовецких трейлеров, и произнёс:

– Не думаю. Я безнадежен, Лэнар. Она меня не обманывала. Так что вопрос – не в Геврте. Вопрос – в морали и нравственности. Могу ли я, после Корведа, являясь, по сути, преступником, рассчитывать на помилование? Нет, не то что рассчитывать, а позволить себе рассчитывать? Пока что я не уверен. Раскаяния недостаточно. Я должен чем-то пожертвовать. Я живу ожиданием этого...

– Эктор, вы уже пожертвовали! Ваша семья распадается! Ваша жена ушла от вас!

Лаарт вытащил спички, прикурил наконец и ответил – в расчёте на понимание:

– Ушла, и хвала Создателям. Лэнар, я не люблю её. Я ничего к ней не чувствую. Совсем ничего, кроме жалости. Я даже не сплю с ней трезвым. Трезвым не получается. И она всегда спит одетая... прости за такие подробности... не обнимет, не поцелует, не скажет мне что-нибудь ласковое... как будто мы с ней чужие... как будто она – новобрачная, а я каждый раз в результате ощущаю себя насильником.

Кридарт, внимательно слушавший, покрылся тенью смущения. Его уши стали пунцовыми. Он отвернулся в сторону, стыдясь за свою реакцию. Трартесверн вернулся в кресло, с удобством откинулся на спину и вытянув ноги, продолжил:

– А я бы хотел иного. Ты помнишь этого Рейверта? Попался на порнографии. Помнишь его журналы? Я ведь забрал себе несколько...

Лэнар, уже не выдерживая подобного откровения, поднялся, сказав: «Простите», – и собрался уйти к себе в комнату, но тут его деквиантер известил о входящем вызове.

– Странно, – пробормотал он, узрев на дисплее данные. – Кто-то из Игеварта. Из «Серебристой Ивы». Вроде бы это гостиница...

– Отвечай! – приказал Трартесверн – с таким напряжением в голосе, что растерявшийся Кридарт случайно нажал «Аннулировать».

Треньканье прекратилось. Лаарт вскочил с шезлонга, забрал у него деквиантер, быстро открыл «Входящие», произнёс: «Ресторан, не гостиница!» – и вздрогнул от неожиданности, так как звонок повторился – в прежней – громкой – тональности. Лаарт, нажав «Ответить», следом включил динамики, протянул аппарат помощнику и беззвучно велел: «Сконцентрируйся...»

– Да? – сказал Лэнар. – Я слушаю.

– Добрый вечер, эктор. Простите меня. Надеюсь, вы меня помните. Я – Верона Блэкуотер Авейро, пятикурсница из Коаскиерса...

– Да, – сказал Кридарт, – помню. Вы – та самая девушка, что недавно спасла одну девочку, которая утонула, и я у вас брал показания...

Лаарт за эти секунды стремительно вывел проекцию – вестибюль «Серебристой Ивы», и, приблизив фигурку – женскую – черноволосую девушку, говорившую по деквиантеру – простому стационару, рядом с огромным зеркалом, вздохнул – с таким облегчением, как редко вздыхал до этого.

* * *

– Вы – та самая девушка, что недавно спасла одну девочку, которая утонула, и я у вас брал показания...

– Да, – подтвердила Верона. – А потом мы снова увиделись. Я пришла к вам на регистрацию и эктор Трартесверн пригласил меня в «триста первый», на аудиенцию.

– Да, – сказал Кридарт, – помню. Это было первого августа.

– Вы ещё принесли нам кофе. А затем мы увиделись в «Якоре». И эктор Трартесверн там тоже был. Вас там было примерно семеро. А я там была с подружкой.

– Да, – сказал Лэнар, – действительно... Припоминаю, кажется...

– Я ещё танцевала с Маклохланом, а вы записали на видео.

– Я удалил это видео.

– Полагаю, вы правильно сделали. Эктор, мы могли бы встретиться? Я должна сообщить вам кое-что. Это конфиденциально. И крайне важно, поверьте мне.

– Хорошо, – согласился Лэнар. – Вы в Игеварте, правильно? Вы прилетели на Ястребе? Где вы его оставили?

– На газоне.

– У этой «Ивы»?

– Да, это прямо в парке. Здесь в озере плавают лебеди, и ресторан трёхуровневый.

– Хорошо, возвращайтесь в лодку. Я выезжаю немедленно...

Завершив разговор с Вероной, Лэнар спросил у Лаарта, отключающего проекцию:

– Простите, эктор, мне ехать? Или, может, вы сами поедете?

Ответив: «Сам, разумеется!» – Лаарт вдруг покачнулся, выронил деквиантер, сжал ладонями голову и на глазах у Кридарта – просто застывшего в ужасе – упал сперва на колени – со страшным стоном – прорвавшимся, и после этого – на бок, во внезапных резких конвульсиях.

Красивое синее озеро, лебеди с лебедятами – серыми и пушистыми, серебристые старые ивы, ухоженный парк с фонтанчиками и дорожками из ракушечника – всё это располагало к чувству умиротворения, но на душе у Вероны никакого спокойствия не было. Кридарт не появился за долгий час ожидания. На начале второго часа она – не на шутку встревоженная – вернулась в холл, к деквиантеру, и невольным образом выругалась, выслушав сообщение: «Ваш абонент недоступен. Свяжитесь позже, пожалуйста...» Ещё с полчаса примерно она провела под ивами – за чашкой чая – бузинного, с медово-ореховым коржиком. «Что-то случилось, наверное... – терзалась она размышлениями. – Если он по какой-то причине не выпил болеутоляющие и антиэпилептические, то приступ был неминуем... в эти часы как раз таки... и Кридарт мог засвидетельствовать. Вероятно, он вызвал „Скорую“, и Лаарт сейчас в больнице. И сейчас уже время ужина. Лээст забеспокоится, но если он вдруг узнает, где я и что я здесь делаю, он психанёт по-крупному... с ним лучше сейчас не связываться. Надо звонить в диспетчерскую. Но кем я могу представиться? А может женой?! О господи... Нет, женой не получится... я не знаю всей информации. Надо просто узнать у кого-нибудь, куда везут пострадавших с таким социальным статусом. У тех тривералов... с термосом? Нет, они во Вретгреене. Мне надо найти больницу, какую-нибудь ближайшую, и вытянуть суггестически из кого-нибудь всю информацию...»

* * *

Лаарт очнулся в клинике – в одной из палат «Кордесвара», в присутствии доктора Геверта, двух докторов-тривералов и крайне смятенного Кридарта. Геверт сидел на стуле, доктора стояли у столика и изучали проекции – объёмные томограммы – красноречиво свидетельствующие, что онкозаболевание – в стадии неизлечимого, а Кридарт курил свои «Мальборо». Лаарт пошевелился, пытаясь привлечь внимание.

– Всё в порядке, – сказал ему Геверт. – Эктор, сейчас вы под капельницей. Вы чрезвычайно ослаблены. Результат тяжёлой болезни и нервного истощения.

Лаарт взглянул на Лэнара, затем посмотрел на Гренара, чей вид выражал участливость, и прошептал: «Оставьте нас... Оставьте меня с помощником...»

– Пять минут, – улыбнулся Геверт. – Сейчас вам нельзя разговаривать. Мы вам ввели успокаивающие.

– Уйдите, – сказал Трартесверн.

Геверт – в белом халате, украшенном яркой вышивкой – двухпарусным красным «Ястребом» – символом его клиники, поклонился и вышел первым. Доктора, отключив проекции,

устремилась вслед за начальником. Кридарт, нервно подёргиваясь, затушил сигарету в пепельнице и подошёл к кровати.

– Что? – спросил Лаарт. – Что со мной?

– М-мультиморфная глиобластома... Вы ничего не помните? Сейчас середина августа. Вы недавно попали в аварию. Теперь у вас амнезии... каждый раз, когда вы просыпаетесь. И ваша жена ушла от вас. Она сейчас в санатории. И ваша болезнь в той стадии... Одним словом, вы понимаете...

Трартесверн посмотрел на капельницу, на руку свою – с иглой, подключённой к трубочке с жидкостью, и произнёс, усмехнувшись:

– Вот так вот всё и заканчивается. Сколько я в этой клинике?

Лэнар слегка замешкался:

– Эээ... – протянул он, – простите... Пару часов примерно. Но вы сами себе её выбрали. Для вас это самое лучшее. Доктор Геверт даёт вам три месяца. А без его поддержки – это пара месяцев максимум.

– Бред, – ухмыльнулся Лаарт. – Что я этим выигрываю? Я не хочу оставаться здесь. Я настаиваю на выписке.

– Эктор, – возразил помощник, – как вы не понимаете?! Болезнь усугубляется! У вас развилась эпилепсия! Вы скоро уже не сможете обходиться самостоятельно!

Лаарт сначала зажмурился – от бессилия – стиснув челюсти, но как только Кридарт добавил: «Ваш тесть уже информирован. Он должен сказать Кеате. Завтра она навестит вас», – опять посмотрел в его сторону:

– Она же вроде ушла от меня?

– Ваша жена вам предана. Её долг – оказать вам поддержку в эти последние месяцы.

– Мне не нужна поддержка. Иди оформляй мою выписку.

– Эктор Трартесверн, простите, но подобное исключается.

– Это приказ!

– Извините, но вы сейчас на лечении. Вы не можете мне приказывать. И, кстати, ваш деквиантер хранится у доктора Геверта. Здесь существует политика... больным не рекомендуется... для вашего же спокойствия...

Лаарт опять зажмурился и больше не реагировал на слова своего помощника.

* * *

Ближайшей к парку больницей была небольшая клиника под вывеской «*Стоматология*», с круглосуточным графиком действия. Пройдя через холл – уютный – с креслицами и фикусами, Верона приблизилась к стойке, за которой сидела девушка – лет двадцати – миловидная, и спросила: «Приём по записи?»

– Нет, – ответила девушка. – Доктор сейчас свободен. Вы на что-нибудь жалуетесь?

Верона взялась за щёку:

– Острый пульпит, очаговый. Серозное воспаление.

Девушка-регистратор включила дисплей для записи и с уважением в голосе попросила: «Представьтесь, пожалуйста».

– Моника М. Уайтстоун.

– Так... Хорошо... Где учиться? В Игевартской центральной школе медитерального профиля?

– Да, – подтвердила Верона. – В этом году заканчиваю.

– Подождите минутку. Присаживайтесь...

Верона присела в кресло, изображая страдание, а девушка-регистратор связалась с лечащим доктором: «Эктор, у нас пациентка. Из медитеральной школы. Говорит, что пульпит, очаговый...»

– Приведите, – сказал арвеартец, польщённый тем обстоятельством, что даже медитера-лам нет-нет, но порой приходится обращаться к нему за помощью.

В кабинете – большом и светлом – от яркого освещения, Верона, слегка прищурившись, увидела кресло – стандартное, стойку со стерилизаторами, шкафчики с препаратами и самого триверала – мужчину с обычной внешностью – худощавого, сероглазого – вероятно, не старше пятидесяти, и, опустившись в книксене, подумала: «Стыдно, конечно, но выбора не имеется». Не прошло и одной минуты, как доктор уже рассказывал ей об игевартских клиниках, их сферах специализации и о том, что самой элитной – для верхней прослойки общества – является «Кордесварская» – клиника доктора Геверта, главного диагноста среди всех диагностов города. Выяснив информацию, Верона в спешном порядке покинула «Стоматологию», внушив перед этим дантисту и его приятной помощнице, что «Моника М. Уайтстоун» счастлива посещением и что счёт за лечение зуба нужно прислать в Коаскиерс, на имя Джини Уайтстоун – пятикурсницы Академии.

«Клиника доктора Геверта» оказалась огромным комплексом – со всех сторон огороженным большими прозрачными блоками, красиво иллюминирующими в мягких вечерних сумерках, и с кованными воротами в вставках из синего ариса. Ворота были закрыты. Верона, взлетев повыше – на четыреста с лишним метров, упрянула лодку под парусом, после чего спикировала на больничную территорию, успевая заметить сверху и спортивную зону комплекса, и стоянку карет «Скорой Помощи», и парк с высокими соснами, где в пруду, у дощатой пристани, стояли шлюпки-двухмачтовики. «Вот здесь я и припаркуюсь... здесь сейчас никто не прогуливается. Гулять уже поздно, наверное. А вон, перед главным входом, стоянка с автомобилями. Но туда мне идти не стоит. Или рискнуть... попробовать? Вдруг что-нибудь да получится...»

Лодка была оставлена – у пруда с больничными «Ястребами». Спрятав куртку под лавку и оставив парус развёрнутым, Верона одёрнула кофточку и направилась к главному зданию – центральному в схеме комплекса. Двери не охранялись. Оказавшись в большом вестибюле, состоящим из разных секций – зоны отдыха для курильщиков, точно такой же секции, но только уже без пепельниц, зоны лифтов и лестницы, и зоны регистратуры – огромной, с большими дисплеями различного назначения, она, осмотревшись быстро, прошептала: «Контроль по периметру, а здесь они не продумали, здесь они явно расслабились...»

* * *

Когда Геверт, простившись с Кридартом, вернулся назад – к подопечному, тот казался вполне адекватным и только кадык – подёргивающийся – выдавал его состояние.

– Ну что ж, – сказал доктор, – недурно. Вижу, что вы успокоились.

– Да, – кивнул Трартесверн. – Всё, что меня волнует, это супруга с дочерью.

Геверт вздохнул:

– Сочувствую вам. Видите, что случается, когда люди пренебрегают услугами диагностики. Поймай мы вашу болезнь за год-полтора до этого, проблем бы с лечением не было, а сейчас это всё запущено. В участке локализации процессы необратимые. Всё, что мы с можем сделать, это купировать боли, купировать эпилепсию, но в целом вы понимаете... ситуация безнадежная...

– Понимаю, – сказал Трартесверн. – Через сколько дней я выписываюсь?

Геверт всплеснул руками:

– Об этом даже не думайте! Выписать мы вас не можем! Это наша святая обязанность держать вас под наблюдением! Завтра я буду вынужден информировать ваших сотрудников, равно как ваше начальство, что вы – недееспособны. Чтобы вам оформляли пенсию.

Лаарт внутренне сжался. Датчики громко пискнули – те, что теперь контролировали его внутреннее состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.